

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 4

2020

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2020, № 4

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2020, № 4

It is founded in 2016.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-65899 от 06 июня 2016 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, директор ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

Registration number al PI № FS 77-65899 of 06/06/2016 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Director of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology
Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского технического университета;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования Кубанского государственного университета;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственной технической университет;

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Аванесян Грант Михайлович,

член-корреспондент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Ереванский государственный университет, г. Ереван;

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта Донского государственного технического университета, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Кашкаров Алексей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Куликова Элла Германова,

доктор филологических наук, профессор заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет;

Невский Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник
ВНИИ МВД России;

Рассказов Леонид Павлович,

заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского
государственного аграрного университета.

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии
и инклюзивного образования, Донской государственной технической
университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и
педагогических наук, Академия психологии и педагогики, Южный
федеральный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Academician Russian Academy of Education, Doctor of psychological sciences, Professor, Dean of the faculty of psychology, pedagogy and defectology of Don Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Yury V. Luchinsky,

Doctor of philology, Professor, Head of the department of history and legal regulation of the Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of department of criminal proceedings of the Kuban State University;

Olga D. Fedotova,

the Doctor of pedagogical sciences, Professor managing department of primary education of faculty of psychology, Pedagogics and defectology of the Don state technical university.

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Grant M. Avanesyan,

Corresponding Member of the International Academy of Psychological Sciences, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the department of the General Psychology, Yerevan state university, Yerevan;

Elena A. Bayer,

Doctor of pedagogical sciences, Professor of department of the theory and practice of physical culture and sport of the Don state technical university, Director GKUSO RO of the Azov center of the help to children;

Alexey A. Kashkarov,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Chief of department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena Yu. Kolomiytseva,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Journalism, Moscow State Art and Cultural University;

Ella G. Kulikova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and the Standard of Speech, Rostov state economic university;

Sergey A. Nevsky,

Doctor of Law Sciences, Professor of operational strategy and technical measures Department in the Institute of advancement qualification under the Ministry of Internal affairs;

Leonid P. Rasskazov,

Honored Public figure of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History, Law and State at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin.

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Defectology and Inclusive Education, Donskoy state technical university;

Lyubov Y. Horonko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of department of Education and Pedagogical Sciences, Academy of psychology and pedagogics, Southern Federal University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич
Тел.: +7(928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна
Тел.: +7(988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных Партизан д. 371 оф. 28

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(861) 226-08-65

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

371, of. 28, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Krasnodar district, 350049, RF.

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(861) 226-08-65

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Большак А.В., Волошина К.С.</i> Изучение терминологии через призму антропоцентризма	19
<i>Духовная Т.В.</i> Европейская политика мультиязычного образования	23
<i>Латышев К.И.</i> Особенности функционирования метафоры в терминологии (на материале соматизмов в англоязычной судостроительной терминологии)	28
<i>Гарцуева О.А., Леонтьева В.С.</i> Ораторское мастерство юриста как средство манипуляции и воздействия	36
<i>Спасова М.В., Савельева О.Г.</i> Трансформация коннотативного значения в некоторых полуаффиксальных морфемах в современном английском языке	41
<i>Шершнева Н.Б.</i> Принцип языкового разнообразия в реализации языковой политики в Европейском союзе	45
<i>Ястребова О.И., Машенкин О.В.</i> К вопросу о нормативно-правовой культуре деловой речи в юридической практике	50

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Вишневецкий К.В.</i> О зависимости криминальной виктимизации населения от географического фактора	57
<i>Качмазов О.Х., Аршиев А.Г.</i> Проблемные вопросы выделения специальной нормы о мошенничестве в сфере страхования (ст. 1595 УК РФ)	62
<i>Рясов Д.А.</i> Уголовно-правовые средства обеспечения режима охраны государственной тайны	68
<i>Сачков А.Н.</i> Субъективные признаки состава преступления при организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества	74
<i>Упоров И.В., Попов М.Ю.</i> Законодательство о правосудии в советском государстве начального периода: общепризнанные нормы и условия для произвола	78

<i>Чапурко Т.М., Белова С.Л., Расцветаева О.А.</i> Криминализация сферы банкротства в России. Итоги первых 20 лет XXI века	84
--	----

<i>Штурба Е.В.</i> Сотрудничество России и Организации Объединенных Наций в решении глобальных проблем современности	90
--	----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Базаева Ф.У.</i> Проблемы обучения студентов вузов методике формирования гражданской грамотности в старших классах	103
---	-----

<i>Кузьмина С.В.</i> Понятие «социальная компетентность» и его трансформация в контексте отечественных педагогических исследований	108
--	-----

<i>Лазарев В.А., Лазарев К.В.</i> Об опыте открытия математических классов в 1980-е годы и некоторые современные проблемы развития одарённых школьников. Часть 2	114
--	-----

<i>Опарина Н.А.</i> Постановочные аспекты деятельности организатора театрализованного досуга школьников	119
---	-----

<i>Сельмурзаева М.Р.</i> Профессионально-этическая культура педагога как условие успешной профессиональной деятельности	126
---	-----

<i>Томаева Д.М.</i> Принципы подготовки студентов юридических факультетов для работы с девиантными подростками	129
--	-----

<i>Тубеева Ф.К., Баликоева М.В.</i> Особенности самооценки у подростков с нарушением интеллектуального развития	133
---	-----

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Alla V. Bolshak, Karina S. Voloshina</i> Learning terminology through the prism of anthropocentrism	19
<i>Tatiana V. Duhovnaiya</i> Multilingual education policy in europe	23
<i>Kirill I. Latyshev</i> Features of functioning of metaphor in terminology (on the material of somatisms in english shipbuilding terminology)	28
<i>Oksana A. Gartsueva, Valeria S. Leontieva</i> Oratorical skills of a lawyer as a means of manipulation and influence	36
<i>Maria V. Spasova, Olga G. Saveleva</i> Transformation of connotative meaning in some semiaffixational morphemes in modern english language	41
<i>Natalia B. Shershneva</i> The principle of linguistic diversity in the implementation of language policy in the European Union	45
<i>Oksana I. Yastrebova, Oleg V. Mashenkin</i> To the question of the regulatory culture of business speech in legal practice	50

JURISPRUDENCE

<i>Kirill V. Vishnevetsky</i> On the dependence of the criminal victimization of the population on the geographical factor	57
<i>Oleg Kh. Kachmazov, Azamat G. Arshiev</i> Problematic issues of the allocation of a special rule on fraud in the insurance sector (Article 1595 of the Criminal Code of the Russian Federation)	62
<i>Dmitry A. Ryasov</i> Criminal-legal means of ensuring the regime of protection of state secrets	68
<i>Andrey N. Sachkov</i> Subjective signs of the corpus delicti when organizing attraction activities cash and (or) other property	74
<i>Ivan V. Uporov, Mikhail Yu. Popov</i> Legislation on justice in the initial period of the soviet state: universally recognized norms and conditions for an arbitrary	78

<i>Tatiana M. Chapurko, Svetlana L. Belova, Oksana A. Rastsvetaeva</i> Criminalization of the sphere of bankruptcy in Russia. Results of the first 20 years of the XXI century	84
--	----

<i>Evgeny V. Sturba</i> Cooperation between Russia and the United Nations in addressing the global challenges of our time	90
---	----

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Fatima U. Bazaeva</i> Problems of teaching university students in the methodology of forming civil literacy in the high schools	103
--	-----

<i>Svetlana V. Kuzmina</i> The concept of «social competence» and its transformation in the context of domestic pedagogical research	108
--	-----

<i>Viktor A. Lazarev, Konstantin V. Lazarev</i> About the experience of opening math classes in the 1980s and some modern problems of development of gifted schoolchildren. Part 2	114
---	-----

<i>Nina A. Oparina</i> Standing aspects of activity organizer of theaterized leisure of schoolchildren	119
--	-----

<i>Marizha R. Selmurzaeva</i> Professional and ethical culture of a teacher as a condition for successful professional activity	126
---	-----

<i>Diana M. Tomaeva</i> Principles of training law students to work with deviant teenagers	129
---	-----

<i>Fialeta K. Tubeeva, Madina V. Balikoeva</i> Features of self-esteem in adolescents with intellectual disabilities	133
---	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИЗУЧЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

LEARNING TERMINOLOGY THROUGH THE PRISM OF ANTHROPOCENTRISM

Большак Алла Викторовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
в профессиональной сфере,
Кубанский государственный университет
al.bolshak@mail.ru

Alla V. Bolshak

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of English
in the Professional Sphere,
Kuban State University
al.bolshak@mail.ru

Волошина Карина Сергеевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
в профессиональной сфере,
Кубанский государственный университет
ksvoloshina@gmail.com

Karina S. Voloshina

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of English
in the Professional Sphere,
Kuban State University
ksvoloshina@gmail.com

Аннотация. Как отмечают авторы, на протяжении более чем векового периода социальная работа решает всевозможные проблемы, связанные с адаптацией, как отдельных индивидов, так и целых групп населения к своему социальному окружению. При этом в каждый определенный временной отрезок возникают свои социальные проблемы, требующие особого подхода к поиску возможных путей гармонизации личностных и общественных отношений. В данной статье рассматривается возможность изучения терминологии социальной работы на основе антропоцентрического подхода. Поскольку научные достижения во всех областях знаний описываются посредством терминологического аппарата, человек, являясь носителем определенных знаний и опыта, становится фокусом, на который ориентируется и современная лингвистика.

Ключевые слова:

социум, специализированная лексика, мировоззрение, акт коммуникации, лексическая единица.

Annotation.

As the authors note, for more than a century social work solves all sorts of problems associated with adaptation, both individuals and entire groups of the population to their social environment. At the same time, in each certain time period there are social problems, requiring a special approach to the search for possible ways to harmonize personal and social relations. This article explores the possibility of studying the terminology of social work on the basis of an anthropocentric approach. Since scientific achievements in all fields of knowledge are described through the terminology apparatus, a person, being a carrier of certain knowledge and experience, becomes a focus on which modern linguistics is oriented.

Keywords:

society, specialized vocabulary, worldview, act of communication, lexical unit.

Н а протяжении более чем векового периода времени социальная работа решает всевозможные проблемы, связанные с адаптацией, как отдельных индивидов, так и целых групп населения к своему социальному окружению. При этом в каждый определенный временной отрезок возникают свои социальные проблемы, требующие особого подхода к поиску возможных путей гармонизации личностных и общественных отношений. Такая социально-психологическая направленность данного вида деятельности является важнейшим фактором в определении приоритетных направлений исследований, поскольку, по мере расширения базы знаний социальных работников и усилении их роли в жизни общества раздвигаются и границы их полномочий.

Важно отметить, что ценности, присущие социальной работе, равно как и ее цели, составляют основу, так называемых, субъект-субъектных отношений, когда процесс социального действия и интеракций между специалистом и клиентом характеризуется, прежде всего, выдвиганием на первое место прав клиента, заключающихся в сохранении за ним преимуществ при принятии решения, конфиденциальности, честности и справедливости.

Данная ситуация так или иначе отражается в языке. Особенно это касается того пласта, который представлен специализированной лексикой. По мнению Р.Я. Дмитрасевича, вопросы терминологии разных сферах научной и профессиональной деятельности на сегодняшний день приобретают значительную актуальность [3 с. 73]. В русле рассматриваемого вопроса также приведем точку зрения на роль терминологии в формировании тех направлений, в которых сейчас развивается наше общество, А.Ю. Асадовой, которая указывает на тот факт, что именно термины являются инструментом выражения сути научных прорывов во всех областях знаний, выражают новые и уже существующие научные понятия, а также дают названия новым концептам [1, с. 795]. Но, так как именно, человек как член социума является непосредственным потребителем результатов всевозможных научных изысканий, то можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день соотношение «язык и общество» выходит на абсолютно новый качественный уровень, поскольку именно через язык формируется и развивается менталитет и мировоззрение каждого человека, что, в конечном итоге, влияет на понимание и восприятие нами всех норм и законов мироустройства. Являясь носителем определенных знаний и опыта, человек, таким образом, становится фокусом, на который ориентируется и современная лингвистика. Исходя из этого, можно утверждать, что в процессе развития современных подходов и технологий, используемых для изучения языковых средств выражения понятий, человеческий фактор является одним из основополагающих элементов.

В рамках данной концепции в лингвистике появляется такое понятие, как «языковая личность», которое отражает междисциплинарный характер поведения индивида и его роли в жизни общества в целом.

Такое направление, называемое антропоцентрическим, на наш взгляд, является вполне закономерным явлением, поскольку «реальный социальный мир предстает в человеческом измерении; экономика и техника являются средством, а человек, его материальное, физическое и нравственное состояние, возможность проявить свою индивидуальность становится основным социальным индикатором прогрессивности или реакционности всех явлений и процессов современного мира» [8, с. 43].

М.В. Тарасова, в этой связи, также отмечает, что «Антропоцентризм – это отправная точка теоретической и практической деятельности человека. Антропоцентрична и человеческая речь» [10, с. 36].

В контексте данного подхода мы полностью разделяем мнение С.Л. Мишлановой, которая считает, что «антропоцентризм становится ведущим направлением междисциплинарного синтеза, что проявляется в учете человеческого фактора при формировании системы языка, номинативной организации текста и языковой личности» [7, с. 94].

Интерес к языку как атрибуту сознания языковой личности, когда, по мнению Е.С. Кубряковой, «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функции для развития человеческой личности и ее совершенствования» [5, с. 212], несомненно, спроецировался и на терминоведение, поскольку именно термин как языковое выражение специальных понятий, является неотъемлемой частью реализации профессиональной деятельности каждого человека.

В отношении терминологии социальной работы можно с уверенностью сказать, что этот лексический пласт требует дальнейшего изучения как раз в свете антропоцентрической парадигмы, поскольку конечные результаты данной работы непосредственно направлены на человека, а само изучение проблемы не имеет смысла без учета человеческого фактора. При этом важно учитывать тот факт, что смысловая нагрузка термина актуальна только при условии, что он входит в определенную терминологическую систему [6, с. 303].

Так, Е.М. Каргина полагает, что изучение терминологической единицы имеет важное значение, как с теоретической, так и практической точки зрения, поскольку, с одной стороны, мы обогащаем наше представление о слове в целом, с другой же, позволяет грамотно строить процесс преподавания, что является краеугольным камнем в воспитании не только высококвалифицированного специалиста, но и полноценной личности [4].

Что касается профессионального языка социальной работы, то, на наш взгляд, он полностью отражает совершенно новую идеологию, которая, с одной стороны, «рассматривает че-

ловека как активного деятеля, имеющего возможность и желание строить и контролировать свою жизнь (эта философия называет человека «актером в собственном существовании»), а с другой стороны, выделяет новую роль социального сектора как деятельного субъекта развития, активно и решительно воздействующего на свое окружение» [9, с. 7].

Иными словами, выступая в роли медиатора между отдельным индивидом и его социальной средой, терминология способствует усовершенствованию процесса установления обратной связи между ними с целью достижения определенных результатов в коммуникативной цепочке «социальный работник – клиент». Однако, на сегодняшний день, одной из трудно разрешимых проблем при сборе и анализе информации о потенциальных клиентах социальных работников является, как раз таки, отсутствие единообразной терминологии. И хотя в деятельности всех ныне существующих подразделений служб социальной защиты особых различий не наблюдается, тем не менее, некоторые расхождения, все же, присутствуют. В результате для составления отчетов, описания планируемых мероприятий по оказанию населению социальных услуг, аналитических сводок и многого другого используется разная терминология. Подобная проблема, к сожалению, существует не только в нашей стране. Например, в США в ходе проведения работ по сбору информации по какому-либо общественно важному вопросу операторы большинства действующих национальных систем разрешают организациям давать собственное определение данным в соответствии с принятой у них практикой и процедурами. В итоге, бывает очень трудно получить реальную картину о состоянии общества и перспективах его развития в масштабах всей страны.

В свете рассматриваемой проблемы закономерна мысль Л.Ю. Буяновой о том, что «научное познание мира (предметно-пространственных и событийно-временных аспектов в их динамической изменчивости), невозможно вне языковой личности, обуславливает гетерогенность спектра точек зрения на исследуемый объект» [2, с. 44].

Вместе с тем, необходимо отметить, что успех процесса взаимодействия социального работника и клиента во многом определяется и языковым фактором, а именно, в частности, тем терминологическим запасом, который, выполняя посредническую функцию, обеспечивает обратную связь между участниками коммуникативного акта, т.е., социальным работником и клиентом.

В отношении социальных работников можно сказать, что с помощью терминологического аппарата им гораздо легче изучать и разрабатывать особые технологии, то есть, способы и методы воздействия на различные группы и типы клиентов, нуждающихся в социальных услугах.

В отношении же клиентов можно сказать следующее: от того, насколько четкими, корректными и своевременными будут результаты деятельности социальных работников, зависит их благосостояние, в целом, а также, преодоление конкретных проблем, возникающих в определенном социальном контексте.

Как мы полагаем, именно антропоцентрический взгляд на актуальность терминологической лексики может способствовать решению спорной дилеммы о том, «что лежит в основе социальных проблем: общественные отношения, общество, в целом, социальная среда или же человек, в котором заключены детерминированные природой основные причины всех его бед и несчастий» [9, с. 349].

Наши наблюдения показывают, что основными участниками в процессе преодоления социальной дисгармонии являются социальный работник и клиент как объект деятельности помогающей профессии, а терминологическая лексика выполняет роль посредника в осуществлении контакта между ними.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, еще раз подчеркнем, что поскольку «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [5, с. 212], изучение терминологической лексики также целесообразно проводить с точки зрения антропоцентричности.

Литература:

1. Асадова А.Ю. Некоторые лингвистические характеристики терминологических единиц (на примере современной англоязычной терминологии цифровой фотографии) / А.Ю. Асадова // Молодой ученый. 2015. № 6(86). С. 794–799. URL : <https://moluch.ru/archive/86/16090/> (дата обращения 06.04.2021).

2. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в современном русском языке: (Метаязыковой аспект) / Л.Ю. Буянова; Под ред. д-ра филол. наук. Г.П. Немца. Краснодар, 1996.
3. Дмитрасевич Р.Я. Структурный и словообразовательный анализ английской терминологии юридической психологии / Р.Я. Дмитрасевич // Международный научно-исследовательский журнал «Филологические науки». 2013. Вып. № 9(16). Ч. 2.
4. Каргина Е.М. Изучение иноязычной научно-технической терминологии в историческом контексте / Е.М. Каргина // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 2. Ч. 4. URL : <https://web.snauka.ru/issues/2015/02/46715> (дата обращения 06.04.2021).
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Языки и наука конца XX века: Сб. ст. М., 1995.
6. Лаврищев А.И. Многозначность понятий «термин» и «терминология» / А.И. Лаврищев // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 2(52).
7. Мишланова С.Л. Терминоведение XXI века: история, направления, перспективы / С.Л. Мишланова // Филологические науки. 2003. № 2.
8. Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке / Г.В. Осипов // Социс. 2004. № 3(239).
9. СЭ – Социальная энциклопедия. М. : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2000.
10. Тарасова М.В. О когнитивном основании эмотивности / М.В. Тарасова // Вопросы филологии. 2003. № 4(12).

Literature:

1. Asadova A.Yu. Some linguistic characteristics of terminological units (on the example of modern English-language terminology of digital photography). 2015. № 6(86). P. 794–799. URL : <https://moluch.ru/archive/86/16090/> (date of application 06.04.2021).
2. Buyanova L.Yu. Terminological derivation in the modern Russian language: (Metalanguage aspect) / L.Yu. Buyanova; Edited by G.P. Nemets, Doctor of Philology. Krasnodar, 1996.
3. Dmitrasevich R.Ya. Structural and word-formation analysis of the English terminology of legal psychology / R.Ya. Dmitrasevich // International scientific research journal «Philological Sciences». 2013. Iss. № 9(16). Part 2.
4. Kargina E.M. The study of foreign-language scientific and technical terminology in the historical context / E.M. Kargina // Modern scientific research and innovation. 2015. № 2. Part 4. URL : <https://web.snauka.ru/issues/2015/02/46715> (date of application 06.04.2021).
5. Kubryakova E.S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (experience of paradigmatic analysis) / E.S. Kubryakova // Languages and science of the end of the XX century: Collection of articles. M., 1995.
6. Lavrishchev A.I. Polysemy of the concepts «term» and «terminology» / A.I. Lavrishchev // Scientific notes of the Oryol State University. 2013. № 2(52).
7. Mishlanova S.L. Thermal Studies of the 21st Century: History, Directions, Prospects / S.L. Mishlanova // Philological Sciences. 2003. № 2.
8. Osipov G.V. Russian sociology in the XXI century. 2004. № 3(239).
9. SE-Social Encyclopedia. M. : Scientific publishing house «Big Russian Encyclopedia», 2000.
10. Tarasova M.V. On the cognitive basis of emotion / M.V. Tarasova // Questions of philology. 2003. № 4(12).

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА МУЛЬТИЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

MULTILINGUAL EDUCATION POLICY IN EUROPE

Духовная Татьяна Валерьевна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры прикладной лингвистики
и новых информационных технологий,
факультет
романо-германской филологии,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
tdukhovnaya@mail.ru

Tatiana V. Duhovnaiya

Candidate of Philological Sciences,
Senior Lecturer
Department of Applied Linguistics
and New Information Technologies,
Faculty
Romano-Germanic Philology,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
tdukhovnaya@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению европейской политики в сфере образования, которая направлена на развитие у школьников межкультурных и многоязычных компетенций. Настоящее исследование включает в себя анализ концепции и сущности многоязычия как части европейской интеграции и предлагаются новые перспективы его интерпретации и использования. В статье также анализируется то, каким образом политические изменения, происходящие в области языкового образования, влияют на составление школьных учебных программ и формирование чувства идентичности у европейцев.

Ключевые слова:

многоязычие, европейская языковая политика, языковое образование, идентичность.

Annotation. This article examines European education policy which is aimed at developing students' intercultural and multilingual competences. This study includes an analysis of the concept and essence of multilingualism as a part of European integration and offers new perspectives on its interpretation and use. The article also analyzes how political changes in language education affect school curricula and Europeans' sense of identity.

Keywords: multilingualism, European language policy, language education, identity.

Глобализация, политика Европейского союза (ЕС), миграционные потоки и глобальный английский, определенным образом, меняют языки и культуру европейских стран. Европейское общество сейчас находится на пути интеграции через многоязычное образование.

Термины «многоязычное образование», «двоязычное образование» и «образование на родном языке» используются в литературе по-разному. В данной работе эти термины используются следующим образом: образование на родном языке предполагает обучение в лингвистически однородном сообществе, где на родном языке говорят учителя и издаются учебные материалы.

Следует отметить, что образование на родном языке является нормой в большинстве западных стран. Двоязычное образование используется для обозначения образовательного процесса, при котором ребенок получает образование, по крайней мере, на двух языках, причем, один из них является родным языком некоторых или всех детей в классе. Второй язык, обычно, является языком более широкой сферы общения, часто, официальным или национальным языком.

Многоязычное образование используется, прежде всего, как синоним двоязычного образования. Основное различие между ними заключается в том, что программы, предусматривающие многоязычное образование, могут включать обучение на трех или более языках, а не только на двух. Тем не менее, предполагается, что родной язык, как правило, используется в начальном образовании ребенка.

До второй половины XX века изучение иностранных языков в школе было привилегией молодежи высших социальных классов, и только недавно многие «языки меньшинств» в Европе (например, галисийский в Испании, лапландский в скандинавских странах) получили статус государственного языка меньшинств и преподаются в школах как родные языки [1; 3; 5].

В то время как конкретная языковая политика государств-членов ЕС в определенной степени различается, Европейская комиссия и Совет Европы преследуют совершенно схожую цель: разнообразие и многоязычие. Как заявил комиссар ЕС по вопросам многоязычия Л. Орбан, многоязычие является плюсом для европейской интеграции, конкурентоспособности, экономического роста и трудоустройства. Граждане ЕС рассматривают данную политику как средство выражения своего демократического права: понимать политику ЕС и быть понятым институтами власти. В девизе «Много людей говорит на многих языках» Л. Орбан видит многоязычие как способность говорить на языке других, так и способность других говорить на твоём языке. Содействие многоязычию в различных сферах политики ЕС, таких, как культура, образование, коммуникация и занятость находится в центре его интересов, и он твердо верит в то, что языки действительно открывают новые возможности, двери для нового опыта, и они могут указать путь к более инклюзивной, процветающей Европе для всех граждан [15].

Европейские школы функционируют уже на протяжении 50 лет в государствах-членах ЕС и завоевали прочную репутацию заведений высокого как языкового, так и общего школьного образования [2]. В последние годы также наблюдается растущий интерес к Европейской школе как модели развития многоязычного образования в других странах. Европейские школы обеспечивают детей сотрудников учреждений ЕС высококачественным поликультурным и многоязычным образованием, однако, большинство учеников Европейских школ являются представителями языковых меньшинств в том смысле, что их родной язык не является языком большинства членов сообщества, в котором находится школа.

По возможности, предпринимаются усилия по зачислению детей из стран, не входящих в ЕС (включая детей иммигрантов), чтобы избежать «геттоизации» и сбалансировать численность учащихся в языковом отношении. Важной миссией Европейской школы является развитие плюралистической идентичности и подготовка учащихся к жизни в лингвистически и культурно неоднородных обществах. Это подразумевает аддитивное многоязычие с высоким уровнем грамотности и функционального владения, как минимум, двумя языками: родным языком ученика и рабочим языком школы.

Рассмотрим, что стоит за понятием «многоязычное образование», предусмотренного моделью Европейских школ. Многоязычное образование ставит перед собой две, казалось бы, противоречивые цели, а именно: с одной стороны, сохранение самобытной родной культуры и национальной идентичности ребенка, а с другой – развитие наднациональной европейской идентичности.

В ЕС появляется такое явление, как «социальная инженерия». Данный процесс представляет собой преднамеренное смешение учащихся с разной национальной и языковой принадлежностью для совместного обучения. Таким образом, целью «социальной инженерии» является как минимизация фрагментации школьников по национальным и языковым признакам, так и улучшение процесса обучения иностранным языкам.

Тщательно разработанные учебные программы Европейской школы предусматривают преподавание языков и других предметов на целевых языках и регулярное взаимодействие различных языковых групп учеников, создавая ежедневные возможности для общения на этом языке внутри и за пределами класса.

Из полученных эмпирических данных о двуязычных и многоязычных программах Европейских школ [4; 7; 10] можно сделать несколько общих выводов об успешности многоязычного образования, в целом.

Во-первых, многоязычное образование эффективно способствует функциональному овладению вторым, а то и третьим или четвертым языком без ущерба развитию языковых навыков на родном языке или академическим достижениям студентов. Часто существует положительная корреляция между количеством изучаемых языков и их успешным овладением, но не всегда.

Во-вторых, многоязычные программы, которые обеспечивают соответствующее непрерывное обучение, могут быть эффективными для младших или старших студентов. Другими словами, продвинутый уровень функционального владения несколькими языками может быть достигнутым учащимися, которые начинают многоязычное образование, как в начальных, так и в старших классах.

В-третьих, многоязычное образование эффективно для большинства студентов с различными показателями успеваемости.

В-четвертых, важна методика преподавания языков. Как нам представляется, интерес к овладению несколькими языками повышается, когда учащимся предоставляются расширенные возможности использования языков в интерактивной форме. Кроме того, хотя функциональное использование целевых языков, в целом, эффективно для развития мультилингвальных компетенций, учебные стратегии, которые систематически повышают осведомленность и создают возможности для изучения студентами конкретных языковых форм, отвечающих их коммуникативным потребностям и целям, могут увеличить с их стороны интерес к изучению новых языков.

Но успех в многоязычном образовании, в конечном счете, определяется множеством факторов, как учебных, так и внеклассных, некоторые из которых вполне могут находиться вне контроля педагогов. Необходимы дополнительные исследования, чтобы установить значимость этих факторов и их взаимодействия при определении успешности овладения несколькими языками в Европейской школе как модели многоязычного образования. Исходя из этих рассуждений, а также, учитывая сложность организации ЕС и недостаток научно обоснованных знаний о его функционировании, можно заключить, что было бы явно неуместно переносить модель Европейской школы в другие контексты.

Совет Европы (СЕ) активно занимается укреплением культурного наследия Европы, способствуя единству в многообразии, особенно, в области образования. СЕ уже давно осуществляет межъевропейские проекты, направленные на передачу демократических ценностей молодежи и подготовку ее к жизни в многоязычной и многокультурной Европе. Европейская комиссия (ЕК), со своей стороны, проводит очень активную языковую политику, ориентированную на разнообразие. Наглядную иллюстрацию этому можно увидеть в рекомендациях, которые она дает, по преподаванию языков:

- каждый гражданин ЕС должен уметь пользоваться тремя языками сообщества (после окончания средней школы);
- изучение языка сообщества должно быть развито «как можно раньше»;
- необходимо улучшить качество языкового и межкультурного обучения, а также, содействовать более сбалансированной языковой экологии;
- повышение языковой компетенции увеличивает мобильность граждан, а также, дает лучшие возможности для поиска работы в разных странах-членах ЕС [16].

Ограничение обучения различным иностранным языкам для обеспечения общего знания английского языка как универсального второго языка может возводить барьеры на пути понимания молодыми европейцами богатого культурного разнообразия континента и полноценного участия в культурной жизни различных стран [14]. Поэтому важно содействовать изучению менее широко используемых или преподаваемых языков [12].

Европейский союз основан на «единстве в многообразии»: многообразии культур, обычаев, верований и языков. Помимо 202 официальных языков Союза, существует около 60 других языков коренных народов и десятки некоренных языков, на которых говорят иммигрантские общины. Именно это разнообразие делает Европейский Союз тем, чем он является: не «плавающим котлом», в котором нивелируются различия, а общим домом, в котором празднуется разнообразие, и где многочисленные языки являются источником богатства и мостом к большей солидарности и взаимопониманию. Язык – это самое непосредственное выражение культуры, это то, что делает нас людьми и дает каждому из нас чувство идентичности.

Европейская коммуникативная среда порождает множество разнообразных установок с богатством различных коммуникативных потребностей. Это указывает на то, что каждый европеец находится в многоязычной среде, которая структурирует его возможности для коммуникативного участия. Все больше и больше европейских детей вырастают многоязычными. Они не похожи на иммигрантов, родившихся в одной культуре и выросших в другой, и они не похожи на детей, выросших в моноязычной, монокультурной семье, которая оказалась в более широком мультикультурном сообществе. Для детей, о которых мы говорим, культурное и языковое разнообразие не просто находится где-то вне их, в обществе, в целом, это – часть их самих, и оно имплантируется в их сознание как новый вид культурной идентичности.

Многоязычие, однако – это не только экзистенциальное условие: оно также оказывает влияние на нашу познавательную жизнь. Недавние исследования, проведенные в области психологии развития [11] показывают, что у детей, говорящих на нескольких языках, быстрее развивается способность понимать психические состояния других. Дети с мультилингвальными компетенциями, как ни странно, преуспевают в том, что известно как «задача ложного убежде-

ния», на несколько месяцев раньше, чем одноязычные. Вероятная интерпретация этих выводов заключается в том, что у них более тонкая способность понимать свое социальное окружение и, в частности, более глубокое осознание того факта, что разные люди могут представлять реальность по-разному. Пока нет убедительных эмпирических данных из стран ЕС, на которых можно было бы основывать окончательные утверждения об образовательных (или других) преимуществах многоязычного образования. Но существует много отрицательных доказательств того, что одноязычные модели неэффективны, поэтому любая практика, система или технология, которые дают надежду и возможность для многоязычного образования, должны быть оценены очень высоко.

В.П. Томас и В. Кольер предполагают, что лучшие модели многоязычного образования также положительно влияют на вертикальную социальную интеграцию и формирование позитивного отношения к языкам меньшинств [13]. Решения, касающиеся языковой политики, всегда основываются на какой-то идеологии [6]. С одной стороны, обычное многоязычие отражает языковые отношения между сообществом его пользователей и другим сообществом и, в большинстве случаев, содержит ценностное суждение. Языковая политика, в основном, ориентирована на идеологии, которые являются ассимиляционистскими, плюралистическими, народными или склонными к интернационализму. Первые две идеологии изучают отношения между языками или языковыми вариациями, сосуществующими в одной стране, чтобы решить, какое количество языков или языковых вариаций следует признать официально. Последние два определяют область, из которой будет взят стандарт, подлежащий выбору и кодификации. Это может быть либо местный язык (или вариация языка), или универсальный язык (или другой вариант, используемый в обществе в качестве стандарта в другом месте).

С другой стороны, инклюзивное многоязычие отражает образовательное развитие сознания значимости мультILINGВАЛЬНЫХ компетенций для участия в демократических и других социальных процессах в странах ЕС. Проводя инклюзивную многоязычную политику, педагоги обязаны обучать коммуникативным инструментам, с помощью которых говорящие могут принимать и согласовывать лингвистические решения, а обучение глобальному английскому языку может даже способствовать вхождению других языков в европейский дискурс. Х. Янссен высказывается в пользу английского языка, заявляя, что компетентное использование английского языка обеспечивает доминирование говорящего в любом типе общения между говорящими из европейских стран [9]. В связи с этим, владение английским языком должно быть неотъемлемой целью обучения иностранному языку. Таким образом, если изучение глобального английского языка в многоязычной среде будет ограничено, как предлагают некоторые авторы, ожидаемым результатом будет укрепление языковой дискриминации.

Пренебрежение этими установками может спровоцировать серьезные языковые конфликты и формирование новых, более негативных установок по отношению к английскому языку и/или внедрение английского языка извне или сверху, что, в свою очередь, может быть воспринято только как, своего рода, лингвистический империализм. Следует еще раз подчеркнуть, что не английский язык вызовет конфликты, а разговорное и установочное использование его.

Х. Янссен утверждает, что преподавание глобального английского языка с целью достижения высокого уровня владения им может и должно приветствоваться до тех пор, пока индивидуальные и коллективные языковые права многоязычных учащихся ЕС защищаются в школах [9]. Отсутствие английского языка в программах по мультязычному образованию может нанести такой же вред, как и девальвация языкового разнообразия.

Не может быть никаких сомнений в том, что свобода выбора языка является основополагающим культурным правом. Кроме того, в многоязычных условиях представляется столь же актуальным, чтобы люди могли участвовать в общественной коммуникации, не подвергаясь доминирующему использованию языка. Поэтому право на использование собственного языка и многоязычных коммуникативных компетенций (различной степени) должны рассматриваться как дополнительные элементы демократического гражданства ЕС.

Вывод, вытекающий из изложенного выше, состоит в том, что активное инклюзивное многоязычное образование в Европе создает новое поколение когнитивно более гибких школьников, которые с самого начала интегрируют смешанную культурную среду в свою собственную идентичность и свое собственное познание. Благодаря многоязычным программам европейских школ, европейские граждане становятся более толерантными и менее чувствительными к местным симпатиям и антипатиям. Их терпимость к разнообразным культурным идентичностям строится изнутри, а не усвоена как социальная норма. Европейская языковая политика многоязычия, как нам кажется, лучшее противоядие от культурной нетерпимости, которое можно найти сегодня.

Литература / Literature:

1. Alcon E. Intercultural Language Use and Language Learning / E. Alcon, M.P. Safont. Berlin : Springer, 2008. 288 p.
2. Baker C. Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. Clevedon : Multilingual Matters, 1996. 446 p.
3. Bhatia T.K. Ritchie, W. Handbook of Bilingualism and Multiculturalism. Malden : Blackwell, 2004. 904 p.
4. Cenoz J. English in Europe. The acquisition of a third language / J. Cenoz, U. Jessner. Clevedon : Multilingual Matters, 2000. 288 p.
5. Christian D. Bilingual Education / D. Christian, F. Genesee. Alexandria : TESOL, 2001. P. 573–582.
6. Cobarrubias J. Ethical issues in status planning / J. Cobarrubias // Progress in language planning. International perspectives. Berlin : Mouton, 1983. P. 41–85.
7. De Bot K. A Dynamic Systems Theory approach to second language acquisition / K. De Bot, W. Lowie, M. Verspoor. Bilingualism : Language and Cognition, 2007. № 10(1). P. 7–21.
8. Hamers J. Bilinguality and bilingualism / J. Hamers, M. Blanc. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 484 p.
9. Janssen H. Linguistic dominance or acculturation – problems of teaching English as a global language / H. Janssen // Teaching and Learning English as a Global Language, Native and Non-Native Perspectives. 1999. P. 41–55.
10. Muller A. Multilingual Interaction in Plurilingual Classes – European School Practice / A. Muller, H.B. Beardsmore // Bilingual Education and Bilingualism. 2004. № 7(1). P. 24–42.
11. Scholl, B., Leslie, A. Minds, Modules, and Meta-Analysis // Child Development. 2001. № 72(3). P. 696–701.
12. Sheils J. The European Language Portfolio: towards a democratic citizenship. Babylonia, 1999. P. 6–7.
13. Thomas W.P. School effectiveness for language minority students / W.P. Thomas, V. Collier. Washington D.C. : National Clearinghouse for Bilingual Education, 1997. № 1. 97 p.
14. Trim J.M.L. Common tools to promote linguistic and cultural diversity, respect, tolerance and understanding in Europe. Babylonia. 1999. № 1. P. 8-9.
15. Orban L. France and Romania, a good example of people united in diversity / L. Orban // Franco-Romanian meeting Brussels, 26 June 2007. URL : https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_07_426
16. Council of Europe. From Linguistic Diversity to Plurilingual Education: Guide for the Development of Language Education Policies in Europe. Strasbourg: Council of Europe, 2007. URL : <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016802fc1c4>

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАФОРЫ
В ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОМАТИЗМОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)**

**FEATURES OF FUNCTIONING OF METAPHOR
IN TERMINOLOGY (ON THE MATERIAL OF SOMATISMS
IN ENGLISH SHIPBUILDING TERMINOLOGY)**

Латышев Кирилл Игоревич
специалист кафедры фонетики
и лексики английского языка,
Института филологии,
Московский педагогический
государственный университет
kirlat@bk.ru

Kirill I. Latyshev
Specialist of the Department
of Phonetics and English Vocabulary,
Institute of Philology,
Moscow Pedagogical
State University
kirlat@bk.ru

Аннотация. Метафора как объект научного исследования практически всегда, со времен античности и до нашего времени, привлекали внимание исследователей гуманитарных дисциплин. За сотни лет гуманитарные дисциплины накопили солидный запас знаний про метафору и её роль в языке. Статья посвящена исследованию особенностей функционирования метафоры в терминологии, особенно английской терминологии судостроительного дела. Проанализированы основные этапы становления и развития английского термина судоремонта, созданного путём метафоризации, и понятия, которое с ним связано. Рассмотрены основные семантико-стилистические типы метафор. Определена роль метафоры в терминологии. Статья также посвящена актуальной проблеме анализа терминологической системы судостроения с точки зрения использования соматической метафоры. Особое внимание уделяется исследованию явления метафоризации как когнитивной модели терминообразования англоязычных морских терминов, образованных на базе соматической лексики. Делается попытка понять роль национально-культурного восприятия действительности и его отражение в номинации частей корабля названиями частей тела человека.

Ключевые слова:

английский язык, судостроительная терминология, метафора, семантизм, терминология.

Annotation.

The metaphor as an object of the research always, since antiquity to nowadays, has attracted humanities' attention. For hundreds of years humanities have accumulated the solid stock of knowledge about metaphor and its role in the language. The article is devoted to the study of peculiarities of metaphor functioning metaphor in the terminology, especially English shipbuilding terminology. The main stages in the process of setting of the term, which has been created by the way of metaphORIZATION, and the concept which is associated with it, are analyzed. The role of the metaphor in the terminology is investigated. The paper deals with the topical problem related to the analysis of shipbuilding terminology from the point of view of using somatic metaphor. Of special interest, there is the study of metaphORIZATION phenomenon as the cognitive model for marine term-formation based on somatic lexical units. There is the attempt to understand the role of national and culturally specific comprehension of the reality and its reflection for nominating ship components by the names of parts of human body.

Keywords:

English language, ship-building terminology, metaphor, semantics, terminology.

С о времен Аристотеля отношение к употреблению метафоры в научном дискурсе менялось. Это зависело от философских взглядов, от научной и культурной жизни общества. Представители рационализма, позитивистских и прагматических взглядов считали метафору аномалией, искусством иллюзии, и её функционирование в научном тексте было запрещено.

Современное интенсивное развитие науки, которое обуславливает возникновение большого количества новых терминов, их формирование происходит, главным образом, с помощью таких общеязыковых способов, как синтаксический, морфологический и семантический.

Метафоризация как частный случай семантического способа словообразования – один из эффективных способов образования терминологических единиц, что делает исследования особенностей функционирования метафоры в терминосистеме судостроения и судоремонта особенно актуальным.

Метафоризация всегда была неотъемлемым механизмом создания любой терминосистемы. Очевидно, долгое нахождение в тени других наук привело к тому, что речь о судостроении и судоремонте не попадало в сферу интересов лингвистов. Поэтому вопрос о роли метафоры в формировании, структурировании и функционировании в терминологии судостроительной терминологии остаётся открытым, что в совокупности с высокой производительностью метафорических моделей и эффективностью использования метафор в современной ветеринарии свидетельствует об актуальности нашего исследования.

Материалом исследования послужила выборка из толковых словарей современного английского языка и специализированного словаря (850 единиц).

Современная наука знает несколько направлений в исследовании метафоры и процессов метафоризации. Сегодня самыми распространёнными теориями, которые пытаются объяснить механизм метафоры, является семантическая и когнитивных. Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, тем фактором, что сегодня полипарадигматичная лингвистика может объяснить любое явление только привлекая к решению каждой проблемы данные из семантики, лексикологии, лингвокультурологии, лингвопрагматики, коммуникативной лингвистики, этнолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, поскольку такой объект исследования, как язык, сегодня нуждается в многовекторности; с другой стороны неуклонное развитие и совершенствование способов строительства, комплектации судов как объектов терминообразования вызывает неуклонное развитие терминологической системы: часть из имеющихся в обращении терминов устаревает, меняет своё первоначальное содержание, то есть, нуждается в постоянном изучении.

Язык отражает все изменения, происходящие в обществе, в том числе, и в профессиональной сфере. Профессиональная деятельность выражается с помощью специального языка, то есть, терминологии, которая является частью общего литературного языка. Терминология характеризуется как общелингвистическими, так и специфическими закономерностями и процессами.

Как и слово, термин является компонентом лексической системы национального языка, выполняющим номинативную функцию. По мнению учёных (Даниленко, 1977; Лотте, 1982; Канделаки, 1977; Капанадзе, 1965; Реформатский, 1968 и др.), главным отличительным признаком термины – это их связь со специальным понятием, то есть, термин-это средство выражения научных, технических и производственных понятий.

Следовательно, термины, в отличие от обычных слов, имеют много специфических характеристик, обусловленных этой особенностью, включая однозначность, отсутствие образности, эмоциональности, выразительности, метафорического употребления, отсутствие синонимов, унифицированного употребления и последовательности. В то же время, исследователи терминологии (например, С. Фернандес-Сильвия) выделяют вариативность терминов, обусловленную жанром текста [Fernandez-Silvia, 2013].

Большинство исследователей отмечают последовательность, самостоятельность и самодостаточность научной терминологии как лексической подсистемы национального литературного языка [Фернандес-Сильвия, 2013; Веклич, 1999; Насырова, 2013]. Однако нельзя отрицать связи и корреляцию различных терминологических систем. С общеупотребительной лексикой. В.Н. Прохоров объяснял это явление следующим образом: «На начальных этапах формирования многих терминологических систем пользователи терминологии не имели большого выбора языковых средств для обозначения специальных понятий, а семантическое словообразование (номинация с использованием общего слова) был наиболее доступным, простым и удобным методом» [Прохорова, 1996: 13–14]. На самом деле терминология является частью определенного языка; поэтому его становление и развитие неотделимы от истории и культуры

определенного народа. Носители языка и носители культуры непосредственно влияют на формирование и развитие понятийного содержания терминов. В. Лейчик писал: «Кроме всего прочего, на формирование терминологических систем влияет мировоззрение носителей языка» [Leichik, 2007: 9]. Русский философ П.А. Флоренский назвал этот термин «продуктом историко-культурного творчества» [Флоренский, 2000: 375]. На наш взгляд, такие термины можно отнести к ключевым словам для конкретной культуры, так как «[с]ультуральные ключевые слова могут служить инструментом межкультурной коммуникации. Они являются индикаторами для описания и понимания культур» [Акижанова и др., 2018: 78]. Они исходят из тезиса о том, что формирование анатомической метафоры (соматизмов) – это «естественный, исторический процесс, взаимосвязанный с развитием национальной культуры и формированием научных представлений о строении человеческого тела» [Веклич, 1999: 3].

Учёные изучали казахскую судостроительную терминологию с разных точек зрения: с диахронической точки зрения [Аяпбергенова, 1999], с точки зрения источников терминов (Кайдаров, 1993; Курманбайулы, 2005), пути их формирования [Насырова, 2013; Курманбайулы, 2005]. В частности, ими была проведена большая работа по унификации анатомических метафор в составе терминологии судостроения и их лексикографическому представлению в двуязычных, трёхязычных терминологических словарях и справочниках [Ахметов, 2005; Исамбаев М. и др., 2007; Аубакиров и др., 2008].

Современные лингвистические исследования, трактуя метафору как мыслительный и когнитивный феномен, дают возможность говорить об универсальности метафоры, ее присутствию в концептуальных структурах человеческого мышления.

Аналогия предметного мира, который человек использовал для номинации, прежде всего, наверное, базируется на одной из базовых концептосфер сознания, то есть, на знаках человеческого тела, названия которых используют как номинации в других концептосферах, в том числе, в терминологии судостроения. «Корабль», «судно» всегда персонифицировалось в английском языке с образом женщины, матери, и уже это антропоцентрическое видение материального объекта позволяет предположить, что в процессе номинации его компонентов будет использовано соматическую лексику. В этносознании англичан издавна корабль ассоциировался с живым существом – женщиной (she). Лексема ship входит в состав устойчивых словосочетаний и авторских высказываний с конотативными значениями: родина, нация, порядок, человек, женщина: *A great ship asks deep water, Many commanders sink the ship*. Это объясняется тем, что судьба моряка зависит от его корабля, а суровое морское бытие, жизнь в однополом коллективе, печаль за домом, женщиной отразились в их фемининных ассоциациях. Чувственное, пассивное, непонятное противопоставлялось логическому, рациональному, активному, доминирующему – мужу капитану, модели «мужчина – женщина». Антропоцентричный характер имеет восприятие этносом корабля как живого существа именно в наличии таких понятий, как жизнь и смерть. Спуск корабля метафорически воспринимается как начало жизни; утилизация, авария, то есть, невозможность выполнения функции транспортировки пассажиров и груза, как смерть; старение корабля коррелируют с болезнями и старением человеческого организма.

Как известно, соматизми представляют патронимическая отношение «суперконцепта» ЧЕЛОВЕК через осознание функциональной отдельности части физического тела человека и его наивную анатомическую картину, отражённую в данном языке, что означает целостность и зависимость всех компонентов друг от друга в составе одного объекта. Соматическая лексика вообще составляет целостную систему, имеющую постоянное количество объектов коммуникации и предназначенный для их обозначения конкретный состав лексики единиц. В зависимости от характера объекта номинации выделяют:

- 1) соматическую лексику (тело, голова и её части, шея, туловище, верхние и нижние конечности);
- 2) остеонимическую лексику (кости человеческого тела и их соединения);
- 3) спланхонимическую лексику (внутренние органы);
- 4) ангионимическую лексику (кровеносная система);
- 5) сенсонимическую лексику (органы чувств).

Изложение основного материала. На современном этапе развития лингвистической науки актуально факт существование двух типов метафоры – художественной и языковой. Между ними выделены определённые различия, касающиеся степени эксплицитности образа и функции в языке, но по аспектам когнитивных процессов симилиации, которые лежат в основе метафорического переноса, между языковой и речевой авторской метафорой принципиальные разногласия отсутствуют, поскольку они представлены как две специфические манифестации

единого универсального когнитивного процесса [6, с. 49]. Языковая метафора широко представлена в словарях разного типа, поэтому ее можем называть и научной, а замечая о научной метафору, мы, в частности, утверждаем о языковой метафору, что является сложившейся и функционирующей в языке науки [12, с. 58–60].

Существующие классификации метафор охватываются семантическими и структурно-грамматическими критериям.

Сейчас в лингвистике известен ряд типологий метафор:

1) по морфологическим проявлениям главного компонента метафоры: существительные, прилагательные, глагольные (Л. Андриенко, М. Варламов, Г. Гасанова, И. Нечитайло и др.).

2) по структуре: простые (однокомпонентные), сложные (многокомпонентные) (Н. Арутюнова, Н. Варич, Е. Ильина).

3) по функции: сравнение, противопоставление, загадка, номинация, базовая метафора, приписывание свойств (Н. Арутюнова, А. Балабан, А. Вежбицька, В. Петров).

4) по принадлежности к системам языка и речи: узуальная (или стёрты, мертвы, языковые), авторские (образные, окказиональные, речевые) (В. Вовк, В. Гак, В. Телия).

5) по семантике: антропометафоры, зоометафоры, ботанометафоры (или биометафоры), метафоры-опредмечивания признаков, метафоры-синестезии (сенсорные метафоры) (Б. Болоквдзе, Т. Ещенко, А. Купина, Л. Макаренко, А. Потеня, А. Тимченко, А. Тищенко, А. Ткаченко).

6) по принадлежности главного компонента метафоры к определенной лексико-тематической группы (А. Поцибина, А. Яковенко) и др.

Эмпирическое освоения мира отражено в языке через метафорическое мышление, основанное на универсальных, стереотипных или базисных понятиях. Базисные метафоры, по мнению Э. Кассирера, сформирован еще в мифологии, но появляются в течение разрушения мифологического мышления, выполняют в новой философской системе моделирующую функцию [5, с. 34–35]. Они не только формируют представление об объекте, но направляют способ мышления о нем. Базисные метафоры призваны создавать аналогии и ассоциации между различными системами понятий. Они приобщают образ одного фрагмента действительности к другому её фрагменту и обеспечивают его концептуализацию по аналогии с уже созданной системой понятий [5, с. 14]. Новые понятия в науке и технике является результатом метафорического переосмысления определенных наиболее освоенных сторон познавательной деятельности человека. Термин приобретает новое значение через и за помощью старого, что за ним фактически и сохранено [8, с. 69].

Также, известно, что соматизмы, по большей части, передают переносные метафорические и метонимические значения. Национально-культурная семантика отражает специфическое восприятие реалий каждым этносом, опирается на особые фоновые значения о фрагмент действительности, присущие каждому отдельному народу, культурной общности, а метафоры с ярко выраженной национально-культурной семантикой является неотъемлемой частью и одним из средств формирования языковой картины мира. Как подчёркивает Дж. Локофф, метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действиях человека [12, с. 62]. Да, О. Селиванова отмечает, что в украинской этноседемости стереотипными функциональными свойствами соматизмов есть такие, как:

1) председатель – предикаты физиологического и мыслительной действия, памяти, психических и эмоциональных состояний человека, его поведения, умственные способности, жизнь – смерть;

2) глаз – спектр зрительного восприятия, знания, наблюдательности, опытность, находчивость, знаки человеческого поведения, экспрессивное обозначение психоэмоциональных и физиологических состояний;

3) ухо – слуховое восприятие;

4) нос – подсознательное, интуитивное предвидение, чванливость, равенству острого предмета [11, с. 276].

Поскольку метафоризации и метонимизации подвергаются именно те слова, обозначающие наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека, а наименования понятия переносятся на другой предмет или понятие на основе их сходства, то можно сказать, что в основе метафоры лежат объективируемые ассоциативные связи, которые отражаются в коннотативных признаках, содержащих сведения о бытовой, практический опыт данного этноса и о его культурно-историческое значение. Представляя универсальные явления, метафора и метонимия занимают особое место в сфере научно-технической коммуникации.

У. Чейф [15] говорит о том, что впервые наблюдаемое событие мы, несомненно, осознаем через восприятие. Понимание некоторой ситуации сводится, прежде всего, к попытке найти в памяти знакомую ситуацию, сходную с новой. Обработка новых данных осуществляется с применением содержащегося в памяти ранее накопленного опыта. Опыт организуется с помощью стереотипных моделей, уже имеющих у нас в сознании. Упорядочение понятий, возникающих в результате поступления внешних сигналов, приводит к отделению сходных представлений от несходных. В обозначении таких процессов У. Чейф употребляет термин «схема». Именно схемы определяют нашу концептуальную организацию опыта, наше отношение к нему, связанные с ним ожидания, а также то, как мы будем о нем рассказывать. Этот термин находится в одном смысловом ряду с когнитивными структурами и концептами, хотя в некоторых работах эти понятия разграничиваются [14].

Отмечено, что семантический способ создания терминов, который базируется на различных метафорических переносах является постоянным источником пополнения терминологической лексики, производительность метафорического номинирования научных объектов в ходе дальнейшего развития науки будет стремительно расти в результате широкого проведения аналогии между объектами и системами объектов разных наук, а доминирующий плетень при семантическом способе терминообразования – это возникновение терминов в результате переноса по внешнему сходству и функции, особенно в тех системах, в которых преобладает конкретная лексика.

Все больше становится очевидной огромная роль метафоры в организации интеллектуальной и духовной жизни человека, поэтому лингвистическое определение метафоры как вида транспозиции значение сосуществует сегодня с пониманием метафоры как формы существования и организации научного знания, поскольку является непосредственной генетической связью метафоры и новизны – «новое может быть высказано только метафорой, а в любой метафоре непременно присутствует что-то новое» [6, с. 80].

Изучение метафоры как когнитивного модельного термина позволяет выделить основные варианты возникновения новых метафор и копирования по аналогии, перенос, проектирование, ассоциации, заимствования [12, с. 52].

Известны следующие виды метафор – терминов: по сходству размеров, по сходству формы, по сходству местоположения, по сходству консистенции.

Соматизмы – маринизмы характеризуются тем, что они представляют патронимическое отношение к суперконцепту ЧЕЛОВЕК через осознание функциональной отдельности части физического тела человека в наивноавтономичной картине, которая отражена в языке, а поскольку большинство названий части тела стала известна примерно 150–200 лет назад, то символическое значение имеют только те части тела, которые можно обозначить как внешние органы тела, а потому именно они вошли в состав поговорок, пословиц, идиом, терминов.

Анализ англоязычных текстов общего объема 500000 слов и судостроительных словарей [12, с. 206] позволил выделить 250 терминов соматизмов. Наиболее частотные соматизмы – маринизмы представлены двумя разрядами соматической лексики и сомонімічної и сенсонімічної: head (27 %), back (15 %), hand (15 %), arm (12 %), body (7 %), foot (7 %), face (6 %), eye (4 %), heel (4 %), knee (3 %), jaw (0,16 %), elbow (0,14 %), skin (0,14%), leg (0,13 %), neck (0,12 %), tooth (0,11 %), nose (0,11 %), chest (0,10 %), sole, (0,2 %), toe (0,2 %), crook (0,1 %), palm (0,1 %), thumb (0,1 %), knuckle (0,1 %), wrist (0,1 %), fist, храм, waist и crotch почти совсем не встречаются.

Например, лексема head является самым частым сомонимическим соматизмом, а также – символом мыслительных способностей человека. Действительно, лексема голова в языковой картине мира рассматривается в качестве органа интеллекта. Стереотипными функциональными свойствами соматизма является также предикаты физиологического и мысленного действия, памяти. Так, при описании корабля его переднюю часть называют именно head. В английском языке первичными семемами лексемы head являются верхняя часть, головная часть. Конечно, так как этот орган с анатомической точки зрения находится на самом верху тела, то и ассоциации людей весьма целесообразны и легко оправданы: head – верх; макушка; голова. Сопоставляя голову с названиями различных частей приборов, инструментов и частей корабля, где термин head (голова; головка), как правило, обозначает боковую или верхнюю конечную часть станка, механизма, устройства, прослеживается довольно естественное появление таких значений соматизма head, как топ (мачты), нос (суда), наконечник горелки, шляпка (гвоздя), обух (топора) и тому подобное. Так как одно из коннотативных значений слова head является инструмент управления, имеют место также такие ассоциации как to head-управлять; возглавлять.

Семантический анализ соматизмов-маринизмов позволяет представить их классификационную модель:

- названия частей элементов корпусов (leg – галс, foot (of a sail) – нижняя шкаторина (паруса), arch knee – арка ахтерштевня, heel of the rudder – пятка руля, anchor throat – тренд якоря и т. п.);
- названия физических величин, процессов (board foot – бодрфут (1/12 куб. фута / 2359,7 см), running foot – погонный фут, foot-ton-force – тона-сила-фут (3,254 кДж) и т.д.);
- названия процессов движения судна, состояния судна (parliament heel – крен, возникающий при перемещении груза или балласта, running back – движение назад, turning on her heel – разворот на месте, head downstream – носом вниз по течению, to nose – разрезать носом (волны); двигаться вперед и т.п.);
- названия должностей на судне (head foreman – прораб, body – матрос, headman – бригадир, hand – рабочий; член команды судна, human controller – оператор и т.п.);
- названия предметов и явлений окружающей среды (head sea – встречная волна, eye of the storm, wind's eye – «глаз бури», back wash – водоворот, body of water – водный простор, head wind – встречный ветер, face of the wave – склон волны и т.п.);
- названия береговых навигационных сооружений на воде (jetty head – главная часть причала, river-mouth harbor – речной порт, tongue (neck) of land, headland – коса, мыс, navigation head – порт поставка и т.п.);
- названия команд на судне («Back her!» – «Задний ход!», «Back starboard!» – «Права руля!» и др.);
- названия видов судна (headline баржа – катер для переднего станкового троса, body of revolution submarine – осесимметричный подводная лодка и тому подобное).

Одним из путей пополнения научной лексики общеупотребительный язык и, как правило, метафорические переносы в выражениях понятны даже не специалисту. Этот процесс является вполне закономерным, поскольку:

1) сроки, как и все языковые единицы, подлежащие одинаковым фонетическим, морфологическим, синтаксическим правилам, имеют те самые грамматические категории (хотя, в этом случае могут происходить довольно значительные изменения: потеря некоторых категорий, например функционирования названий существ как неодушевленные в терминосистеме, употребление понятий только в форме множественного числа, поскольку они в терминосистеме обозначают множественные понятия);

2) сроки, как и общеупотребительные слова, выполняют основную функцию номинативную, обозначают, называют понятия, отражают явления объективной действительности;

3) сроки находятся в тесной связи с общеупотребительными словами, дополняя при этом лексическую систему языка. Знаковую систему язык образует через материально-идеальные единицы единства означаемого и обозначающего, потому что еще со времен Августина слово считается самым главным знаком.

Этот путь пополнения лексического фонда английской морской терминологии достаточно продуктивным.

Мы можем выделить три основных этапа в становлении термина и, связанного с ним понятия, путём метафоризации. На первом этапе осуществляется отбор объекта исследования по отдельным опознавательным признакам, которые составляют первоначальное понятие о данном объекте. Это первоначальное понятие определяет выбор определенного слова с лексического фонда. Выбор наименования происходит на основе совпадения двух нетипичных гетерогенных объектов с помощью отдельного признака, что является существенным в понятии о новом объекте на конкретном этапе его познания. Определение подобного признака, в свою очередь, требует сравнения двух планов: значение общеупотребительного слова и понятия об объекте, подлежащем терминологизации.

Например, на первом этапе становления термина blanket войск, дымовая завеса (основное значение общеупотребительного слова blanket шерстяная (шерстяная) одеяло) подобным признаком стало значение укрытия. Второй этап терминообразования – это этап концептуализации. Он заключается в дальнейшем формировании понятия объекта исследования под влиянием определенного значения общеупотребительного слова, даёт модель познания объекта. При этом могут проявляться некоторые различия сравниваемых понятий. Этот этап характеризует интенсивная умственная деятельность познающего субъекта. Третий этап терминообразования – это процесс закрепления выбранной единицы номинации за новым понятием и, соответственно, разграничением семантических планов на основании того, что новое наимено-

вание приобретает новый смысл. В связи с этим, новая единица номинации приобретает «самостоятельную номинативную ценности» и становится термином. После образования термина, общеупотребительное значение занимает место внутренней его формы и служит для мотивации. В то же время общеупотребительное значение как внутренняя форма термина-метафоры является не его полноценным элементом, а только фоновым значением, помогает специалисту представить объект.

Использование метафор в языке науки облегчает интерпретацию научного дискурса, поскольку позволяет рассмотреть явление с нескольких сторон и по сравнению с другими явлениями позволяет увидеть динамику их развития. Метафора вводит в действие особые сценарии, в которых отражены предыдущий опыт индивида, который был получен в других областях знаний. Новые фреймовые связи, образуют и выполняют большие эвристические нагрузки. Активизация подобных сценариев облегчает индивиду идентификацию объектов и ситуаций, создаёт возможность прогнозировать развитие событий, облегчает понимание внутренних связей между явлениями [2, с. 221].

Таким образом, анализ соматической лексики, представленной в судостроительной терминологической системе, позволяет сделать выводы относительно того, что:

- антропоцентричное по своей природе сознание человека создаёт эталоны (стереотипы), которые служат для этноса своеобразными ориентирами в процессе восприятия окружающей действительности;
- одним из базовых концептосфер сознания считается человеческое тело;
- одним из когнитивных инструментов, который позволяет зафиксировать ассоциативную связь между признаком и предметом и взаимодействует с существующими в национальном сознании параллельными ассоциациями, раскрывающими символическое отношение к понятию, является метафора;
- терминология на основе соматической лексики использует в процессе своего формирования образ номинацию – метафору, саму по себе, или осложнённую метонимией или деривационными элементами.

Перспектива дальнейшего исследования заключается в изучении когнитивной основы английских терминов военного дела.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
2. Будайки С.В. Художественно-эстетический потенциал ономастического поля русского языка / С.В. Будайки // Лингвистика на рубеже веков: актуальные проблемы и новые подходы: коллективная монография. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. Ч. 2. С. 4–59.
3. Будасси Э.В. Когнитивные основы использования метафоры в естественнонаучных популярных журнальных дискурсах / Э.В. Будасси // Когнитивная семантика: материалы Второй между. школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2000. Ч. 1. С. 219–226.
4. Вербицкая О.А. Ономастические функции синестезической метафоры в украинском языке (на материале предметов обихода) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Украинский язык». Харьков, 1993. 24 с.
5. Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры. М., 1990. С. 33–43.
6. Кононова И.В. Метафора как когнитивный инструмент / И.В. Кононова // Поиск молодых. Уссурийск, 1998. С. 45–56.
7. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М. : Ком-Книга, 2009. 256 с.
8. Мишланова С.Л. Метафора в поле термина (на материале медицинских текстов) / С.Л. Мишланова // Фактическое поле языка. Пермь, 1998. С. 41–48.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. 77 с.
10. Прохорова В.Н. Имя собственное как элемент языковой картины мира / В.Н. Прохорова // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений. Ч. IV: Слово в тексте. Смоленск : Изд-во Смоленского гос. пед. ин-та, 1999. 199 с.

11. Селіванова О.О. Лшгвютичний енциклопедичний словник. Полтава : Довктя КиТв, 2011. 844 с.
12. Складьяревская Г.Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания. Вопросы языкознания, 1987. № 2. С. 54–62.
13. Фернандес-Сильвия Г. Поглощение корпорации / Г. Фернандес-Сильвия; Под ред. пользователя А. Хаккер. N.Y. : Flarper and Row Publishers, 1980. 280 с.
14. Уиллс Г.А. Вступление. В кн.: Объяснение языковых явлений / Г.А. Уиллс; Под ред. пользователя D.Cohen. Н.Ю. [и др.]. 1974. С. 1–20.
15. Чейф В. Знакомство с юридическим английским языком / В. Чейф // Информационный бюллетень IATEFL ESP SIG – 14 августа 1999 г.

Literature:

1. Harutyunova N.D. Metaphor and discourse / N.D. Harutyunova // Theory of metaphor. M., 1990. P. 5–32.
2. Budayki S.V. Artistic and aesthetic potential of the onomastic field of the Russian language / S.V. Budayki // Linguistics at the turn of the century: topical problems and new approaches: collective monograph. Volgograd: Publishing House of VGSPU «Change». 2012. Part 2. P. 4–59.
3. Budassi E.V. Cognitive basics of using metaphor in natural science popular journal discourses / E.V. Budassi // Cognitive semantics: materials of the Second inter-school seminar on cognitive linguistics. Tambov, 2000. Part 1. P. 219–226.
4. Verbitskaya O.A. Onomasiological functions of synesthetic metaphor in Ukrainian (on the material of everyday objects) : autoref. dis. ... candidate philol. sciences: special. 10.02.02 «Ukrainian language». Kharkov, 1993. 24 p.
5. Cashier E. The power of metaphor / E. Cassirer // Theory of metaphor. M., 1990. P. 33–43.
6. Kononov I.V. Metaphor as a cognitive tool / I.V. Kononov // Search for the young. Ussuriysk, 1998. P. 45–56.
7. Leuchik V.M. Thermal studies. Subject, methods, structure. M. : Com-Book, 2009. 256 p.
8. Mishlanova S.L. Metaphor in the field of the term (based on medical texts) / S.L. Mishlanova // The actual field of the language. Perm, 1998. P. 41–48.
9. Ortega y Gasset H. Two great metaphors / H. Ortega y Gasset; Ed. N.D. Harutyunova and M.A. Zhurinsky // Metaphor theory. The appearance. Art. And comp. N.D. Harutyunova; commonly. M. : Progress, 1990. 77 p.
10. Prokhorova V.N. Own name as an element of the language picture of the world / V.N. Prokhorova // Different-level characteristics of lexical units: sb. scientific. Article on the materials of reports and communications. C.IV. Word in text. Smolensk : Publishing House of Smolensk State Pedagogical Institute, 1999. 199 p.
11. Selivanova O.O. Lshgvutichny encyclopedic dictionary. Poltava : Dovkтя KiTв, 2011. 844 p.
12. Sklyarevskaya G.N. Language metaphor in the dictionary. System Description Experience. Issues of linguistics, 1987. № 2. P. 54–62.
13. Fernandez – Sylvia G. Takeover Corporation / Under Editorial User A. Hacker. N.Y. : Flarper and Row Publishers, 1980. 280 p.
14. Wills G.A. Introduction. In book: Explanation of language phenomena / G.A. Wills; Ed. by user D. Cohen. N.Y. [et al.]. 1974. P. 1–20.
15. Chef V. Introduction to Legal English / V. Chef // IATEFL ESP SIG Newsletter – August 14, 1999.

**ОРАТОРСКОЕ МАСТЕРСТВО ЮРИСТА
КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ И ВОЗДЕЙСТВИЯ**

**ORATORICAL SKILLS OF A LAWYER
AS A MEANS OF MANIPULATION AND INFLUENCE**

Гарцуева Оксана Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
языкознания и иностранных языков,
ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия»,
Северо-Кавказский филиал
ukka@yandex.ru

Oksana A. Gartsueva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
linguistics and foreign languages,
FSBOU VO
«Russian State University Justice»,
North Caucasus branch
ukka@yandex.ru

Леонтьева Валерия Сергеевна

студентка,
ФГБОУ ВО
«Российский Государственный
университет правосудия»,
Северо-Кавказский филиал
ukka@yandex.ru

Valeria S. Leontieva

Student,
FSBOU VO
«Russian State University of Justice»,
North Caucasus branch
ukka@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена роли ораторского мастерства юриста, с помощью которого, он умело воздействует на публику и манипулирует ею. Мы выяснили, насколько важно в профессии юриста владеть навыками ораторского мастерства для повышения уровня квалификации и компетенции в вопросах подготовки публичных выступлений, общения с клиентами, коллегами, должностными лицами. В статье приводится проблема необходимости развития навыков ораторского мастерства в юриспруденции и важность влияния на карьерный рост.

Ключевые слова: манипуляция; юриспруденция; ораторское мастерство; воздействие; юрист-оратор; публичные выступления; красноречие.

Annotation. This article is devoted to the role of public speaking skills of a lawyer, with the help of which he skillfully influences and manipulates the public. We found out how important it is in the legal profession to have the skills of public speaking to improve the level of qualification and competence in the preparation of public speeches, communication with clients, colleagues, and officials. The article presents the problem of the need to develop public speaking skills in law and the importance of influencing career growth.

Keywords: manipulation; jurisprudence; oratory; influence; lawyer-speaker; public speeches; eloquence.

*«Красноречие дороже денег, славы и власти,
ибо последние очень часто достигаются
благодаря красноречию»
Древнегреческий философ Скилеф*

Юрист – это специалист в области права, оказывающий профессиональную юридическую помощь людям, организациям и государственным органам. Как же, в совершенстве владея профессиональными знаниями, быть успешным на этом поприще, стать высоко квалифицированным юристом-оратором? «Мастерство юристов-ораторов иногда называют красноречием. Красноречие – это умение говорить красиво и убедительно, это сочетание таланта оратора и конкретных знаний и умений, усвоенных в процессе изучения [13].

Проанализировав научную литературу, большое количество случаев из судебной практики, можно сделать вывод о том, только нестандартно мыслящий специалист, овладевший способностью грамотно выстраивать коммуникацию, умело воздействующий на сознание адресата, может добиться запланированных результатов.

Все то, что ораторское искусство – то выступление, но не все, что выступление – то ораторское искусство. Рассмотрим понятие «ораторское мастерство»: с одной стороны, это – знание и соблюдение в своих выступлениях определенных правил и закономерностей, с другой стороны, велика роль личностных качеств оратора. Наши современники, выбравшие профессию, в которых по роду своей деятельности приходится сталкиваться с необходимостью ведения переговоров, публичных выступлений, составления служебных записок, не смогут достичь поставленных целей без владения ораторским мастерством, поэтому особое внимание уделяется подготовке различных видов публичных выступлений и умению грамотно излагать свои мысли, вести конструктивный диалог и прения. Получение и передача информации возможно только при умении говорить, так как малый словарный запас, неполные, стереотипные, непонятные фразы говорят не только о речевой неграмотности, но и о профессиональной непригодности.

Еще в Античном мире люди знали, что слово обладает огромной силой, именно поэтому и появилось ораторское мастерство. Слово может изменить жизнь человека, страны или всего мира, как говорил Менандр: «Нет ничего сильнее слова» [11]. И данная точка зрения актуальна до сих пор, ведь словом можно утешить или ободрить, воодушевить или разочаровать, заставить плакать или смеяться. Поэтому необходимо изучать механизм управления словом, ведь приобретает оно свою силу только благодаря человеку. «Слово – одно из величайших орудий человека. Бессильное само по себе – оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренне и вовремя. Оно способно увлекать и ослеплять его и окружающих блеском» – утверждал Кони [14].

Ораторское мастерство популярно в 21 веке, но истоки этого искусства уходят далеко в прошлое. Однако теми догмами, которые зародились еще в 5 в до н. э., мы пользуемся до сих пор. Например, Сократ говорил о том, что на 1 месте в речи должно быть вступление, на 2 месте – изложение и свидетельства, на 3 месте – доказательства, на 4 месте – правдоподобные выводы (и еще добавочное подтверждение) [13]. Этот совет Сократа и многие другие советы древних великих ораторов очень поучительны и применяются нашими современниками, но наука не стоит на месте, поэтому учебная дисциплина «риторика» включена в перечень обязательных предметов многих специальностей. Одной из таких специальностей является юриспруденция.

Юрист должен найти общий язык с каждым своим собеседником, кем бы он ни являлся не в зависимости от его должности и ситуации. Поэтому настоящий профессионал грамотно выстраивает свою речь не только на официальных мероприятиях (в суде), но и в повседневном общении с коллегами, клиентами, представителями органов власти, доходчиво донося свою мысль до собеседника. Исходя из этого, очень важно юристу развивать такие особенности своей речи, как:

- богатый словарный запас, позволяющий ему в нужный момент уметь подобрать необходимое слово;

- способность подобрать употребляемые средства языка, выбрать нужную форму выражения, использовать богатства различных стилистических и иных языковых пластов, из которых эти выражения можно черпать.

Стиль общения юриста должен быть максимально приближен к лексике, употребляемой представителями социальной группы, с которыми он работает; умение понять смысл, заложенный в рассказе собеседника, способность войти в его положение, размышлять так, как размышлял бы говорящий, а не он сам.

Во время своего высказывания профессионал должен четко разъяснить ситуацию противоположной стороне, предлагать ее решение, если это необходимо, подкреплять свои высказывания аргументами, и это все, в совокупности, повлияет на мысли и решение оппонента. Од-

нако ораторское мастерство помогает юристу не только в устном выражении своих мыслей, но и при составлении документов, в которых нужно грамотно и ясно прописать всю важнейшую информацию в соответствии с законом и требованием клиента. Например, при составлении искового заявления мало просто описать сложившуюся ситуацию, нужно сделать это логично, последовательно, без ошибок.

Вся профессиональная деятельность юриста зависит от его способности пользоваться комплексом знаний и умений по подготовке и произнесению публичных речей в соответствии с требованием закона. Умение формировать научно-правовые убеждения и строить объективно аргументированное рассуждение - еще один признак грамотного профессионала. Все вышесказанное просто необходимо для манипуляции и воздействия юриста на правосознание людей. Публичные речи зависят от его умения «Выяснить, доказать и убедить – вот три взаимосвязанные функции, которые определяют внутреннее содержание судебного красноречия», - отмечал один из исследователей судебной речи.

Для успешного воздействия на слушателей и манипулирования ими необходимо умение найти точные языковые средства для выражения мыслей, потому что содержательная, ценная мысль требует облачения в идеальную форму. Совершенство речи способствует формированию доверия к оратору и увеличивает его власть над слушателями. Говорить убедительно, доходчиво, логично, в соответствии с нормами литературного языка, это мастерство, которое не дается просто так, в нагрузку при рождении. Искусство говорить хорошо основывается на целенаправленном, ежедневном, упорном труде. Только многочисленные упражнения и желание в совершенстве овладеть мастерством убеждения, приведут к умению публично высказываясь воздействовать на аудиторию.

Только четко аргументированное, безупречное и ясное изложение своей позиции способно увлечь и притягивать своих слушателей и манипулировать ими. П.С. Пороховщиков, известный теоретик судебного красноречия утверждал: «Не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья» [8], поэтому одним из главных качеств убедительной речи является ее ясность. Ясность изложения способствует тому, что речь понимается без затруднений и мысль слушателей следует за мыслью оратора. Многие знаменитые речи судебных ораторов прошлого и наших современников отличаются доступным для восприятия изложением. Немаловажным качеством убедительной речи является точность – грамотный подбор слов и выражений, идеально подходящих по смыслу и замыслу. Ушаков говорил: «Неточное слово в праве – большое социальное зло: оно создает почву для произвола и беззакония» [11]. Ясно выраженные мысли, четко обозначенные понятия необходимо логично отражать в речи, доносящей слушателю. Логичность зависит от того, насколько ясно и точно выражена связь отдельных высказываний и частей текста. Еще одним важным качеством убедительной речи является уместность – соразмерность языковых средств и содержания, соответствием языковых средств обстановке и соответствием языковых средств оратору. Ярким примером служит высказывание П.С. Пороховщикова: «Красота и живость речи уместны не всегда; можно ли щеголять изяществом слога, говоря о результатах медицинского исследования мертвого тела, или блистать красивыми выражениями, передавая содержание гражданской сделки?» [8]. Чистота речи также влияет на убедительность. Чтобы речь юриста способствовала манипуляции, она должна быть лишена просторечных, диалектных, жаргонных слов, а также не стоит заполнять паузы растягиванием букв, например: ээээ. Одним из основных качеств ораторских речей является их правильность, которая предполагает соблюдение: лексических, орфоэпических, акцентологических, морфологических норм. «Речь должна быть ни длинной, ни краткой, но в меру» [10]. Этот Сократовский совет очень поучителен и побуждает делать свою речь лаконичной. Эмоциональность и экспрессивность речи – совершенно не излишнее украшение ораторской речи юриста. Выразительная речь вызывает интерес у слушателей и удерживает внимание до завершительного слова. Умение говорить о значимых фактах собственными словами, не затертыми фразами делает речь индивидуальной. П.С. Пороховщиков предупреждал судебных ораторов: «Не говорите: преступление совершено под покровом ночи, цепь улики сковала подсудимого... Уши вянут от таких метафор» [8]. Речь должна быть насыщена разнообразными языковыми средствами, в ней нужно использовать активный состав конструкций, словосочетаний и предложений, оперируя большим словарным запасом.

Только при соблюдении вышеперечисленных условий публичные выступления будут воздействовать на публику и управлять ею. Virtuозное владение убедительной речью нужно использовать с осторожностью, ведь она может воодушевить как на истинно благие деяния, так и принести вред, поэтому не стоит забывать слова А.В. Луначарского: «Ведь мы бьем в набат

не в колокол – в сердце человеческое, а это тонкий музыкальный инструмент» [15]. Мастерски владея этим инструментом воздействия, оратор обладает огромной властью убеждения. «Пусть зовётся оратором тот, кто умеет убеждать» Цицерон.

Литература:

1. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи : учеб. пособие для вузов / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. Ростов-н/Д. : Феникс, 2007. 539 с.
2. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. М., 2011. 272 с.
3. Ивакина Н.И. Основы судебного красноречия. Риторика для юристов : учеб. пособие / Н.И. Ивакина. М., НОРМА, 2011. 592 с.
4. Соловьев Н.В. Основы риторики. М., 2005.
5. Карабчевский Н.П. Судебные речи : учебник. М. : Директ-Медиа, 2012. 504 с.
6. Мельник В.В. Искусство речи в суде присяжных : учебно-практ. пособ. / В.В. Мельник, И.Л. Трунов. М. : Юрайт, 2011. 662 с.
7. Спасович, В.Д. Судебные речи / В.Д. Спасович. М. : ЮРАЙТ, 2010. 403 с. (Антология юридической мысли)
8. Баев О.А. Ораторское искусство и деловое общение. М., 2002.
9. Резник Г.М. Судебные речи известных русских юристов / Г.М. Резник // Сборник : в 2 ч. / Г.М. Резник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. Ч. 1. 378 с.
10. Ивакина Н.И. Основы судебного красноречия. Риторика для юристов : учеб. пособие / Н.И. Ивакина. М. : НОРМА, 2011. 592 с.
11. Ковалев А.Н. Логика. Ораторское искусство юриста : учебно-метод. пособ. / А.Н. Ковалев, И.В. Галюк. Электрон. текстовые данные. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2014. 146 с. URL : <http://www.iprbookshop.ru/65483.html>
12. Стернин И.А. Речевое воздействие как теоретическая и прикладная наука / И.А. Стернин // Теоретические прикладные проблемы языкознания. Воронеж : Истоки. 2008. С. 238–353
13. URL : <https://moluch.ru/archive/196/48680/>
14. URL : <https://www.livelib.ru/quote/324204-a-f-koni-izbrannye-trudy-i-rechi-a-f-koni>
15. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42946991>

Literature:

1. Vvedenskaya L.A. Russian language and culture of speech: a textbook for universities / L.A. Vvedenskaya L.G. Pavlova, E.Yu. Kashaeva. Rostov-on/D. : Phoenix, 2007. 539 p.
2. Proving in the criminal process: traditions and modernity / Ed. by V. A. Vlasikhin. M., 2011. 272 p.
3. Ivakina N.I. Fundamentals of judicial eloquence. Rhetoric for lawyers : textbook / N.I. Ivakina. M. : NORMA, 2011. 592 p.
4. Solov'ev N.V. Osnovy ritoriki (Fundamentals of Rhetoric). M., 2005.
5. Karabchevsky N.P. Judicial speeches : textbook. M. : Direct-Media, 2012. 504 p.
6. Melnik V.V. The art of speech in the jury trial : an educational and practical guide / V.V. Melnik, I.L. Trunov. M. : Yurayt, 2011. 662 p.
7. Spasovich V.D. Judicial speeches / V.D. Spasovich. M. : YURAYT, 2010. 403 p. (Anthology of legal thought) .
8. Baev O.A. Oratorical art and business communication. M., 2002.
9. Reznik G.M. Judicial speeches of famous Russian lawyers. Collection : in 2 h. Part 1 / G.M. Reznik. 2nd ed., ispr. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2018. 378 p.
10. Ivakina N.I. Osnovy sudebnogo eloquence. Rhetoric for lawyers : textbook / N.I. Ivakina. M., NORMA, 2011. 592 p.
11. Kovalev A.N. Logika. Oratorical art of a lawyer: educational and methodological manual / A.N. Kovalev, I.V. Galyuk. Electron. text data. SPb. : St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2014. 146 p. URL : <http://www.iprbookshop.ru/65483.html>
12. Sternin I.A. Speech influence as a theoretical and applied science / I.A. Sternin // Theoretical and applied problems of linguistics. Voronezh : Istoki, 2008. P. 238–353

13. URL : <https://moluch.ru/archive/196/48680/>
14. URL : <https://www.livelib.ru/quote/324204-a-f-koni-izbrannye-trudy-i-rechi-a-f-koni>
15. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42946991>

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ
В НЕКОТОРЫХ ПОЛУАФФИКСАЛЬНЫХ МОРФЕМАХ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

**TRANSFORMATION OF CONNOTATIVE MEANING IN SOME
SEMI-AFFIXATIONAL MORPHEMES IN MODERN ENGLISH LANGUAGE**

Спасова Мария Валерьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
в профессиональной сфере,
Кубанский государственный университет
mspasova@mail.ru

Maria V. Spasova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of English
in the Professional Sphere,
Kuban State University
mspasova@mail.ru

Савельева Ольга Геннадиевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
в профессиональной сфере,
Кубанский государственный университет
savelieva13.05@mail.ru

Olga G. Saveleva

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of English
in the Professional Sphere,
Kuban State University
savelieva13.05@mail.ru

Аннотация. В настоящее время не существует единого мнения по проблеме полуаффиксов, поскольку исследователи не пришли к консенсусу, является ли полуаффиксация отдельным способом словообразования, потому что не существует ни единого списка полуаффиксальных морфем, ни единого мнения относительно классификационных моделей. В статье полуаффиксация рассматривается как отдельный вид словообразования. Авторами акцентируется внимание на критериях для выделения полуаффиксации в отдельный вид словообразования и рассматривается изменение коннотативного значения некоторых полуаффиксов в процессе перехода от отдельной лексической единицы в словообразовательную морфему.

Ключевые

слова:

словообразование, полуаффиксация, лексическое значение, коннотативное значение, морфема, лексема.

Annotation.

At present, there is no consensus on the issue of semi-affixation, since the researchers have not come to a consensus whether semi-affixation is a separate way of word formation, there is not a single list of semi-affixation morphemes, no opinion on classification models. The article considers the semi-affixation as a separate way of word formation, the criteria of separating the semi-affixation as a separate way of word formation is outlined, the transformation of a connotative meaning in the process of the shift from a lexical unit to a word formation morpheme is analyzed.

Keywords:

word formation, semiaffixation, lexical meaning, connotative meaning, morpheme, lexeme.

В настоящее время не существует единого мнения по проблеме полуаффиксов, поскольку исследователи не пришли к консенсусу, является ли полуаффиксация отдельным способом словообразования; не существует ни единого списка полуаффиксальных морфем, ни единого мнения относительно классификационных моделей. Вслед за И.Н. Коноплевой мы исходим из определения полуаффикса, который предложил В.П. Коровушкин: «Словообразовательный элемент (формант), который формально совпадает с основой или словоформой, свободно функционирующего слова, схож с ним семантически с разной степенью переосмысления, свя-

зан с ним этимологически и серийно употребляется в словообразовании в качестве относительно связанной морфемы, в которой обобщенное грамматическое значение, неизменное для конкретного класса созданных с помощью этой морфемы слов, преобладает над первоначальным десемантизированным лексическим значением» [2, с. 77].

При этом вслед за Е.С. Дьячковой, мы придерживаемся полевой теории при построении иерархической структуры полуаффиксов, понимая под словообразовательным полем «иерархически организованную (центр-периферия) по степени представленности существенных признаков совокупность словообразовательных элементов, объединенным общим характером значения, дистрибуции и функциональных характеристик» [1, с. 111]. Мы придерживаемся точки зрения, что полуаффиксация является самостоятельным способом словообразования по следующим основаниям:

– широкое участие в словообразовательном процессе в современном английском языке;

– полуаффиксальные морфемы существуют наряду с полностью омонимичной им лексемами, однако, при этом их лексическое значение отличается от соответствующих им лексическим единицам. Лексическое значение полуаффиксальной морфемы десемантизировано и, в некоторых случаях, даже приобретает определенные значения, не присущие соответствующей лексеме;

– при, такого рода, трансформации лексического значения, они не способны функционировать в этом новом, преобразованном значении в качестве самостоятельных лексем;

– при переходе в категорию полуаффиксальных морфем они формируют иерархически организованное словообразовательное поле с ядром, приядерной зоной и периферией, относя к центру словообразовательного поля простые морфемы англосакского происхождения с высокой словообразовательной активностью, подвергшиеся серьезной десемантизации, к приядерной зоне – производные морфемы, сохраняющие «более тесную семантическую связь с соответствующей лексемой и периферийной части можно отнести морфемы типа *-related* и *-ridden*, которые, приобретая некоторое самостоятельное лексическое значение, сохраняют настолько тесную семантическую связь с соответствующей лексемой, что легко разворачиваются в семантически мотивирующее словосочетание» [3, с. 234].

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей изменения лексического значения некоторых полуаффиксальных морфем в процессе их миграции от отдельной лексемы в категорию полуаффиксов. Целью статьи является анализ трансформации коннотативного значения данных морфем в процессе такого перехода.

В некоторых случаях можно наблюдать определенное переосмысление лексического значения в процессе дифференциации полусуффиксальной морфемы от омонимичного ей слова. При этом данное значение актуализируется только в полуаффиксальной морфеме и не присуще омонимичной лексеме.

Рассмотрим морфему *-worthy*. Морфема *-worthy* является довольно высокопродуктивной в современном английском словообразовании. Данный полусуффикс, сохраняя семантическую связь с омонимичной ей лексической единицей, приобретает более абстрагированное значение «подходящий для первого компонента». При этом он теряет положительную коннотацию лексемы-омонима *достойный, уважаемый*, формируя словообразовательные ряды с положительным, с отрицательным и с нейтральным оттенком значения:

This sounds idealistic and perhaps *praiseworthy* indeed, but, as was recognized during the workshop discussion, not at all straightforward in practice. Это звучит идеалистично и, возможно, даже *достойно похвалы*, но, как было признано во время дискуссии на семинаре, на практике отнюдь не так однозначно. В данном примере актуализируется положительный оттенок значения «достойный похвалы».

For something that ended 150 years ago on April 9th, America's civil war is strangely *newsworthy*. Гражданская война в Америке закончилась 150 лет назад, но ее тема все еще, как это ни странно, *актуальна*. – Здесь имеет место нейтральная окраска компонента *-worthy*.

His attempt at an apology was *cringeworthy*. Его попытка извиниться вызывала отвращение. В этом примере актуализируется отрицательная коннотация данного компонента слова.

А морфема *-ridden*, в отличие от омонимичной ей третьей формы неправильного глагола *ride*, приобретает ярко выраженную отрицательную коннотацию «охваченный или одолеваемый каким-то отрицательным явлением»:

Troops were deployed in the *violence-ridden* province to re-establish law and order. В провинции, охваченной насилием, были развернуты войска для восстановления правопорядка.

Although outdoor plants are always at risk for abuse from nature, indoor plants can become *pest-ridden as well*. Хотя растения, растущие на улице всегда подвержены перипетиям природы, комнатные растения тоже могут подвергнуться нашествию паразитов.

Также, в качестве примера такого феномена может выступать словообразовательный компонент *half-*, выступающий в качестве полупрефиксальной морфемы. Данная словообразовательная морфема не просто подверглась десемантизации, приобретая более абстрактное значение по сравнению с омонимичным ей словом, но, в ряде случаев, которые могут быть подвержены типизации, приобретает не свойственный исходной лексической единице оценочное значение. *Half-* в качестве префикса в регулярно повторяющихся случаях приобретает ярко выраженную негативную коннотацию:

Education has been damaged by the half-baked notions of theorists who have never been in a classroom – Системе образования нанесли серьезный урон плохо продуманные идеи теоретиков, которые ни разу не бывали в аудитории.

The previous owner had made a half-hearted attempt at renovating the place. Предыдущий владелец сделал слабую попытку отремонтировать здание.

Half-responsible в отличии от *equally responsible* может приобретать значение «ответственный не полностью» – «I'm only half-responsible!», а в словосочетании «half-responsible parent» *half-responsible* приобретает оттенок «безответственный».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ряд полуаффиксальных морфем не только подвергается определенной генерализации лексического значения, претерпевая десемантизацию, но и приобретают дополнительное коннотативное значение, которым не обладают самостоятельно функционирующие омонимичные им лексемы. Данное явление не характерно для такого способа словообразования как словосложение и позволяет заключить, что полуаффиксация является отдельным способом словообразования.

Литература:

1. Дьячкова Е.С. Формирование словообразовательного поля полусуффиксов в современном английском языке / Е.С. Дьячкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. С. 110–115. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-slovoobrazovatel'nogo-polya-polusuffiksov-v-sovremennom-angliyskom-yazyke>
2. Коноплева И.Н. Полупрефиксация в английском лексическом субстандарте: структурно-семантические особенности. Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17(232). Филология. Искусствоведение. Вып. 55. С. 76–79. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/poluprefiksatsiya-v-angliyskom-leksicheskom-substandarte-strukturno-semanticheskie-osobennosti>
3. Спасова М.В. Роль полусуффиксации в словообразовании в современном английском языке / М.В. Спасова, О.Г. Савельева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 230–235. URL : www.gramota.net/editions/2.html
4. Academic Dictionaries and Encyclopedias. URL : <http://www.enacademic.com/>
5. Cambridge Dictionary. URL : <http://dictionary.cambridge.org>
6. Collins Dictionary. URL : <https://www.collinsdictionary.com/>
7. How to grow Begonias. URL : <https://www.wikihow.com/Grow-Begonias#:~:text=Although%20outdoor%20plants%20are%20always,become%20pest%20ridden%20as%20well.&text=Indoor%20plants%20often%20become%20infested,mild%20insecticide%20used%20for%20gardening>
8. Wiktionary. URL : <https://en.wiktionary.org/>
9. Write Better English! URL : <https://ludwig.guru/>

Literature:

1. Dyachkova E.S. Formation of the word-forming field of semi-suffixes in the modern English language / E.S. Dyachkova // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Herzen, 2008. P. 110–115. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-slovoobrazovatel'nogo-polya-polusuffiksov-v-sovremennom-angliyskom-yazyke>

2. Konopleva I.N. Semiprefixation in the English lexical substandard: structural and semantic features. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2011. № 17(232). Philology. Art history. Iss. 55. P. 76–79. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/poluprefiksatsiya-v-angliyskom-leksicheskom-substandarte-strukturno-semanticheskie-osobennosti>
3. Spasova M.V. The role of semi-suffixation in word formation in the modern English language. Questions of theory and practice / M.V. Spasova, O.G. Savel'eva. Tambov : Gramota, 2020. Vol. 13. Iss. 12. P. 230–235. URL : www.gramota.net/editions/2.html
4. Academic Dictionaries and Encyclopedias. URL : <http://www.enacademic.com/>
5. Cambridge Dictionary. URL : <http://dictionary.cambridge.org>
6. Collins Dictionary. URL : <https://www.collinsdictionary.com/>
7. How to grow Begonias. URL : <https://www.wikihow.com/Grow-Begonias#:~:text=Although%20outdoor%20plants%20are%20always,become%20pest%20Dridden%20as%20well.&text=Indoor%20plants%20often%20become%20infested,mild%20insecticide%20used%20for%20gardeni ng>
8. Wiktionary. URL : <https://en.wiktionary.org/>
9. Write Better English! URL : <https://ludwig.guru/>

**ПРИНЦИП ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ
ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ**

**THE PRINCIPLE OF LINGUISTIC DIVERSITY IN THE IMPLEMENTATION
OF LANGUAGE POLICY IN THE EUROPEAN UNION**

Шершнева Наталья Борисовна

кандидат филологических наук,
и.о. заведующей кафедрой
теории и практики перевода факультета
романо-германской филологии,
Кубанский государственный университет,
Краснодар
ukka777@yandex.ru

Natalia B. Shershneva

Candidate of Philological Sciences,
Acting Head of Department
Theories and Practices
of Faculty Translation
Romano-Germanic Philology,
Kuban State University,
Krasnodar
ukka777@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции языковой политики Европы, направленные на поддержание языкового разнообразия. Многоязычие является одной из фундаментальных характеристик языковых процессов в Европейском союзе, а меры, обеспечивающие сохранение и поддержку языков, определяются в качестве базовых характеристик языковой политики. Анализ основных документов, регламентирующих процессы по поддержанию языкового разнообразия и сохранения языков, свидетельствует об использовании различного инструментария в процессе реализации языковой политики.

Ключевые слова:

языковое разнообразие, языковая политика, сохранение языков, многоязычие.

Annotation.

The article examines the tendencies of the language policy of Europe. Multilingualism is one of the fundamental characteristics of linguistic processes in the European Union, and measures, preservation and maintenance of the preservation and maintenance of languages, as the basic characteristics of language policy. The basic principles of the implementation of documents regulating the processes of maintaining a diverse diversity and preservation of languages are evidenced by the use of various tools in the process of implementing language policy.

Keywords:

linguistic diversity, language policy, preservation of languages, multilingualism

Одним из уникальных феноменов Европейского союза является сфера языков, характеризующаяся как значительным количественным составом и разнообразием, так и особыми тенденциями их использования [1]. Кроме того, обширный диапазон языков Европы используются на институциональном уровне, что официально закреплено в документах Совета Европы. И данная характеристика касается не только признанных официальных языков ЕС, но и значительного количества языков коренных народов, региональных языков и языков меньшинств [2].

Разнообразие языков проявляется не просто в их количественном измерении, но и в качественных характеристиках, например, это касается принадлежности языков к разным языковым семьям:

- «германский, романские, славянские, кельтские языки, греческий язык, которые входят в индоевропейскую – семью;
- финский, эстонский, венгерский и др., которые составляют финно-угорскую семью;
- мальтийский как язык семитской семьи;
- баскский язык» [3].

Кроме того, функционирование языков происходит на разных уровнях социума:

- на публичном институциональном уровне использование языков связано с пленарными сессиями Европарламента и работой различных комиссий с гражданами ЕС;

- на закрытом институциональном уровне активизация языков затрагивает встречи парламентских комиссий, деятельность чиновников и т. п.;
- на уровне взаимодействия граждан внутри страны-члена ЕС;
- на уровне взаимодействия между гражданами ЕС, проживающими в разных странах [4].

Анализ направлений деятельности ЕС в области поддержки языков, безусловно, связан с разработкой принципов и мероприятий языковой политики как «важного компонента национальной государственной политики, в основу которой должны быть положены такие факторы, как самобытность народов, уникальность их языков, традиций, культур, своеобразие этнической психологии» [5]. Реализация языковой политики проводится на основе законов, концепций, программ, ориентированных на поддержание равноправия языков и стабильности в регионе, стимулирование толерантности и достижения взаимопонимания. К основным учреждениям и органам Европейского союза, деятельность которых направлена на продвижение языкового разнообразия и изучения языков, относятся:

- Комитет по культуре и образованию Европейского Парламента (URL : <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/CULT/home.html>);
- Совет Европейского союза, и в частности сектор Образование, молодежь, культура и спорт (URL : <http://www.consilium.europa.eu/en/council-eu/configurations/eucs/>);
- Европейская комиссия и комитет по делам образования и обучения (URL : <http://ec.europa.eu/education/>);
- Комиссия по социальной политике, образованию, занятости, исследованиям и культуре Комитета регионов (URL : <http://cor.europa.eu/en/activities/commissions/Pages/corcommissions.aspx?comm=SEDE>);
- Центр переводов для институтов Европейского союза (URL : http://ec.europa.eu/education/policy/multilingualism_en).

Основными тенденциями реализации языковой политики в ЕС, позиционируемые представленными выше организациями и реализуемыми странами-членами ЕС, являются признание языкового разнообразия в качестве фундаментальной ценности и запрета дискриминации по признаку языка [6]. Принципы языкового разнообразия, обосновывающие политику институционального многоязычия, основаны на признании языкового разнообразия Европы как «неотъемлемой части европейской культурной идентичности»; «основной ценности»; «основания» и «основного принципа ЕС» [7; 8; 9].

Реализация языковой политики связана с особенностями развития ЕС, проявляющимися как «...ярко выраженная динамичность, с одной стороны, и несомненная противоречивость – с другой. Подобное сочетание не может не служить источником напряженности как внутриэтнической, так и межэтнической языковой ситуации. Причиной повышенной динамичности, во многом, явились экстралингвистические факторы и, прежде всего, огромные достижения научно-технического прогресса» [10, с. 38].

Следует отметить, что язык рассматривается в документах, регламентирующих языковую политику, как культурный феномен в тесной связи с культурным разнообразием: язык – это «уникальный способ восприятия и описания реальности» [9], «наиболее прямое выражение культуры» [8, с. 2] и потенциальный «мост» между культурами [11, с. 3]. Таким образом, каждый язык рассматривает как уникальный феномен, добавляющий свой собственный уникальный аспект к общему европейскому культурному фону [11, с. 3]. Также, в европейских документах разграничивается языковое разнообразие на социальном и индивидуальном уровнях. Это касается использования двух терминов при обращении к вопросам многоязычия и языкового разнообразия в документах, регламентирующих реализацию языковой политики в Европе: мультилингвизм и плюрилингвизм. Их разграничение основано на понимании индивидуального или социального многоязычия.

Мультилингвизм применяется для описания феномена языкового многообразия как характеристики социальной среды, социальной группы и т.п., в то время как плюрилингвизм касается отдельного индивида и его способности говорить на нескольких языках, переключаться с одного языка на другой для достижения понимания и осуществления коммуникации [1].

Однако наравне с признанием ценности европейских языков наблюдаются и разнонаправленные тенденции, связанные с изменениями роли разных языков и их разных статусов. К примерам подобных тенденций можно отнести глобализацию и, как следствие, распространение английского языка с направленностью на формирование моноязыкового пространства или монолингвизма [1]. Н.Н. Трошина подчеркивает, что «объединение Европы – это важнейшее

политическое достижение, которое, однако, стоит всем европейским языкам, кроме английского, утраты своего коммуникативного престижа и своих позиций» [4, с. 8]. А.В. Кириллина, определяя роль английского языка, указывает на формирование в языковой сфере оппозиции «английский язык – неанглийские языки» [11].

Б. Дендринс указывает на широкое распространение английского языка в европейских образовательных учреждениях и его преимущественный выбор в качестве первого иностранного языка: по данным Евростата, 97,3 % учащихся младших классов средних школ по всей Европе изучают английский язык [2].

Другой тенденцией, обуславливающей сложности институционального плана, является функционирование языков, обладающих разными статусами [1], что связано с трудностями выбора языков в качестве официальных на межгосударственном уровне. В данном контексте Т. Ван Элс предлагает разграничивать два типа языковой политики в ЕС:

1) институциональный тип, который определяет использование языков в учреждениях ЕС и между ними, использование языков за пределами ЕС и языки, используемые в общении между ЕС и его государствами-членами;

2) неинституциональный тип, который характеризует использование языков в отдельных государствах-членах между гражданами [13].

Основополагающий принцип институциональной языковой политики ЕС – многоязычие [14]. Так, каждое государство-член ЕС имеет право требовать, чтобы любому из своих национальных официальных языков был придан статус официального языка ЕС. Любой официальный язык ЕС используется для перевода официальных документов ЕС, для ведения парламентских дебатов и официальных заседаний [14]. Таким образом, принцип многоязычия предоставляет следующие гарантии:

- все граждане ЕС могут иметь доступ к законодательству ЕС на своем родном языке;
- признания языкового и культурного разнообразия всеми государствами-членами ЕС

[14].

Вместе с тем, К.Дж.У. Бааидж отмечает некоторые проблемы, возникающие в рамках институционального типа языковой политики при определении официальных языков ЕС с разным количеством их носителей. Так, выбор общегосударственного языка, как правило, основан на национальном языке государства-члена ЕС. Однако этот критерий отбора может приводить к выбору языков, на которых говорит относительно небольшое количество европейцев, в то время как исключаются языки, на которых говорит значительное число европейцев [15]. К.Дж.У. Бааидж сопоставляет ирландский, который является первым официальным государственным языком Ирландии и официальным языком ЕС, и каталонским как вторым официальным государственным языком Испании. Если на ирландском языке говорит около 1,6 миллиона европейцев, то каталонский используют около 10 миллионов человек, но он не имеет статуса официального языка ЕС [15, с. 18].

Рассматривая статусы региональных языков и языков меньшинств, мы обращаем также внимание на специальные механизмы, созданные для общения с учреждениями ЕС с использованием языков, которые признаны в конституции запрашивающего государства-члена в качестве официального государственного языка. Вместе с тем инициатива и затраты на реализацию данного механизма возложены на государства в составе ЕС [15, с. 18].

Как видим, указанные тенденции разнонаправлены, и они, во многом, определяют сложность функционирования языкового пространства современной Европы и необходимость разработки эффективной языковой политики. Исследование сосуществования и взаимодействия языков на территории Европейского союза создает основы для выявления этнокультурных особенностей региона, что имеет влияние расширяющееся и выходящее за пределы собственно лингвистической проблематики.

Следует подчеркнуть, что вопросы языкового разнообразия на территориальном уровне и функционирование языкового разнообразия в качестве ведущего принципа реализации языковой политики определяют отношение к языкам с различным статусом в Европейском союзе и указывают на необходимость поддержки языков для разных целей и в зависимости от различных условий и обстоятельств. Меры языковой политики, предпринимаемые в Европе, направлены не только на регламентирование использования языков стран-членов ЕС, но и на сохранение и развитие функционального использования языков и распределения в рамках официального и институционального применения.

Кроме того, как мы увидели, что, в приведенных в статье примерах, равенство языков как один их способов достижения языкового многообразия проявляется вне зависимости от количества носителей языков и реализуется как способов языковой идентификации носителей языка в европейском пространстве.

Литература:

1. Рекош К.Х. Языковая политика в Европе Вавилоне XXI века / К.Х. Рекош // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3(36). С. 224–231.
2. Dendrinos B. Multilingualism language policy in the EU today: A paradigm shift in language education / B. Dendrinos // Training, Language and Culture. 2018. № 2(3). P. 9–28.
3. Трошина Н.Н. Введение. Языковая ситуация в Европе в эпоху глобализации / Н.Н. Трошина // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров. М., 2015. С. 5–14.
4. De Swaan A. The language predicament of the EU since the enlargements / A. De Swaan // Sociolinguistica. 2007. № 21. P. 1–21.
5. Биткеева А.Н. Предисловие / А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2015. С. 5–9.
6. Charter of Fundamental Rights of the European Union (2000/C 364/01) // Official Journal of the European Communities. URL : https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf
7. Communication from the Commission. Promoting Language Learning and Linguistic Diversity: An Action Plan 2004–2006. // COM (2003) 449 final, 24.07.2003. URL : http://ec.europa.eu/education/doc/official/keydoc/actlang/act_lang_en.pdf
8. Communication of the Commission. A New Framework Strategy for Multilingualism. // COM (2005) 596 final, 22.11.2005. URL : http://ec.europa.eu/education/languages/archive/doc/com596_en.pdf
9. Parliament's Replies to Court of Auditors. Special Report № 9/2006 concerning translation expenditure. OJ C 284/25. 21.11.2006. P. 25–26. URL : <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2006:284:0001:0039:EN:PDF>
10. Нещименко Г.П. К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации / Г.П. Нещименко // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и языковые процессы. М., 2006. Кн. 1. С. 38–69.
11. Communication from the Commission. Multilingualism: an asset for Europe and a shared commitment. // COM (2008) 566 final. 18.9.2008. URL : http://ec.europa.eu/education/languages/pdf/com/2008_0566_en.pdf
12. Кирилина А.В. Немецкий язык и дискурс глобализации // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. М., 2014. Т. 11: Языковая системность и дискурсивные практики. С. 11–229.
13. Van Els T. The European Union, its Institutions and its Languages: Some Language Political Observations // Language Planning and Policy in Europe. The Czech Republic, The European Union and Northern Ireland. Clevedon : Multilingual Matters Ltd., 2008. P. 202–251.
14. Kuzelewska E. Unity in diversity. The language policy of the European Union// Studies in logic, grammar and rhetoric. 2014. № 38(51). P. 151–165.
15. Baaij C.J.W. The EU policy on institutional multilingualism: between policy and practicality // Language & Law. № 1. URL : <http://www.languageandlaw.de/volume-1/3338>

Literature:

1. Rekosh K.H. Language policy in Europe in Babylon of the XXI century / K.H. Rekosh // Bulletin of MGIMO University. 2014. № 3(36). P. 224–231.
2. Dendrinos B. Multilingualism language policy in the EU today: A paradigm shift in language education / B. Dendrinos // Training, Language and Culture. 2018. № 2(3). P. 9–28.
3. Troshina N.N. Introduction. The language situation in Europe in the era of globalization / N.N. Troshina // Language situation in Europe at the beginning of the XXI century: Collection of reviews. M., 2015. P. 5–14.
4. De Swaan A. The language predicament of the EU since the enlargements / A. De Swaan // Sociolinguistica. 2007. № 21. P. 1–21.
5. Bitkeeva A.N. Preface / A.N. Bitkeeva, V.Yu. Mikhailchenko // Language policy in the context of modern language processes. M. : Publishing Center «Azbukovnik», 2015. P. 5–9.
6. Charter of Fundamental Rights of the European Union (2000/P. 364/01) // Official Journal of the European Communities. URL : https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf
7. Communication from the Commission. Promoting Language Learning and Linguistic Diversity: An Action Plan 2004–2006. // COM (2003) 449 final, 24.07.2003. URL : http://ec.europa.eu/education/doc/official/keydoc/actlang/act_lang_en.pdf

8. Communication of the Commission. A New Framework Strategy for Multilingualism. // COM (2005) 596 final, 22.11.2005. URL : http://ec.europa.eu/education/languages/archive/doc/com596_en.pdf
 9. Parliament's Replies to Court of Auditors. Special Report № 9/2006 concerning translation expenditure. OJ C 284/25. 21.11.2006. P. 25–26. URL : <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2006:284:0001:0039:EN:PDF>
 10. Neshchimenko G.P. To consider the dynamics of the language situation through the prism of integration and differentiation processes / G.P. Neshchimenko // Globalization-ethnization: Ethnocultural and linguistic processes. M., 2006. Book 1. P. 38–69.
 11. Communication from the Commission. Multilingualism: an asset for Europe and a shared commitment. // COM (2008) 566 final. 18.9.2008. URL : http://ec.europa.eu/education/languages/pdf/com/2008_0566_en.pdf
 12. Kirilina A.V. German language and the discourse of globalization. Russian Germanistics: Yearbook of the Russian Union of Germanists. M., 2014. Vol. 11: Linguistic system and discursive practices. P. 11–229.
 13. Van Els T. The European Union, its Institutions and its Languages: Some Language Political Observations // Language Planning and Policy in Europe. The Czech Republic, The European Union and Northern Ireland. Clevedon : Multilingual Matters Ltd., 2008. P. 202–251.
 14. Kuźelewska E. Unity in diversity. The language policy of the European Union// Studies in logic, grammar and rhetoric. 2014. № 38(51). P. 151–165.
- Baaij C.J.W. The EU policy on institutional multilingualism: between policy and practicality // Language & Law. № 1. URL : <http://www.languageandlaw.de/volume-1/3338>

**К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ
ДЕЛОВОЙ РЕЧИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ**

**TO THE QUESTION OF THE REGULATORY CULTURE
OF BUSINESS SPEECH IN LEGAL PRACTICE**

Ястребова Оксана Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия»,
Северо-Кавказский филиал
miss.oxenia@yandex.ru

Oksana I. Yastrebova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Linguistics
and Foreign Languages,
FGBOU VO
«Russian state
University of Justice»,
North Caucasian branch
miss.oxenia@yandex.ru

Машенкин Олег Витальевич

студент по специальности
«Судебная и прокурорская деятельность,
уголовно-правовой профиль»,
ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия»,
Северо-Кавказский филиал
yalia@bk.ru

Oleg V. Mashenkin

Student by specialty
«Judicial and prosecutorial activity,
criminal law profile»,
FSBOU VO
«Russian State
University of Justice»,
North Caucasus branch
yalia@bk.ru

Аннотация.

Для достижения высокого профессионального рейтинга, а, следовательно, и востребованности со стороны работодателя или потенциальных клиентов, каждый юрист должен обладать некоторыми знаниями, помогающими ему сделать свою речь не только правильной, но и интересной. Более того, он должен обладать еще и таким качеством, как точность изложения текстов без каких-либо просторечных слов, ведь точная речь должна быть четкой и понятной. Для того, чтобы точно и правильно выбрать нужное слово, ему необходимо знать его значение и связь с другими выражениями, словами. Как отмечают авторы статьи, в речи юриста точность выбора слов играет важную роль при выражении норм права. Именно эти качества помогут стать юристу человеком многоуважаемым и высококвалифицированным.

**Ключевые
слова:**

юрист, юридическая деятельность, юридическая терминология, культура речи, судебная речь, жаргон, диалекты.

Annotation.

To achieve a high professional rating, and, therefore, demand from the employer or potential clients, each lawyer must have some knowledge, helping him to make his speech not only correct, but also interesting. Moreover, it should also have such a quality as the accuracy of the presentation of texts without any simple words, because accurate speech should be clear and clear. In order to choose the right word accurately and correctly, it needs to know its meaning and connection with other expressions, words. As the authors of the article note, in the lawyer's speech the accuracy of the choice of words plays an important role in the expression of the law. It is these qualities that will help to become a lawyer a man of respect and highly qualified.

Keywords: lawyer, legal activity, legal terminology, culture of speech, jurisprudence, jargon, dialects.

Начиная с написания статьи, мы хотим придать особое значение речевой культуре в юридической деятельности. Язык и правильность речи занимают важное место в речи юриста, потому что он постоянно им оперирует. Именно правильность речи показывает и определяет профессиональный и социальный статус данного человека.

Специалисты в правовой сфере играют немаловажную роль в этом виде деятельности, поскольку при их непосредственном участии развивается правовая сфера жизни общества [3, с. 272].

Правовая культура юриста формируется в процессе обучения, правового и культурного воспитания и проявляется в профессиональной деятельности этой категории специалистов. Основной значимой единицей в этой сфере деятельности является слово. Функция слова – называть предметы, их качества, действия, состояния, различные явления. Явления, в свою очередь, делятся на конкретные (судья, протокол, обвиняемый) и абстрактные (преступность, правопорядок, правосознание) [4].

Одним из важнейших условий успешного осуществления деятельности юриста является его речь, то есть, владение им нормами и правилами устного и письменного языка. Культура речи показывает уровень речевого развития юриста.

Актуальность избранной нами темы публикации выражена слабым вниманием со стороны ученых-лингвистов к языку юристов, а также, сотрудников правоохранительных органов, что зачастую приводит к демонстрации неграмотности в судебной деятельности и иных направлениях правоохранительной практики. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что правоведы во многих случаях игнорируют нормы русского языка, что отражает, как минимум, их неуважительное отношение к русскому языку, а также демонстрирует окружающим, в том числе, и их коллегам свою неграмотность. Ведь высокий рейтинг и свои первые впечатления юрист должен продемонстрировать посредством демонстрации окружающим своей интеллигентности и безупречного владения языком, которое остаются у аудитории и участников, например, судебного процесса после их выступления, благодаря продемонстрированному им умению точно, ясно, правильно и логично выражать свои мысли.

Для достижения высокого рейтинга и обретения уважения к себе со стороны работодателя и потенциальных клиентов, каждый юрист должен обладать некоторыми качествами, помогающими ему сделать свою речь не только правильной, но и интересной. Эти все качества помогут юристу стать в общественном мнении человеком многоуважаемым и высококвалифицированным.

Самым важным качеством юриста в культуре речи является точность изложения своих мыслей и юридических терминов. В юридической деятельности точность схожа с законностью, которая заключается в правильности речи всех юридических деятелей [2]. Одним из таких качеств является точность изложения текстов без каких-либо просторечных слов, ведь точная речь должна быть четкой и понятной. Для того, чтобы точно и правильно выбрать нужное слово, необходимо знать его значение и понимать его связь с другими выражениями, словами. В речи юриста точность выбора слов играет важную роль при выражении норм права. Поэтому культура речи юриста наиболее важна, так как это поднимает словарный запас и повышает репутацию [2]. В данном контексте следует сказать о уместности произносимой или планированной юристом для своего выступления при подготовке или уже в ходе судебного процесса речи. Уместность, в данном случае, нами понимается как использование им такого подбора языковых средств, который делает эту речь, отвечающей целям и условиям общения юриста с конкретной аудиторией. В данном случае необходимо умение юриста пользоваться официально-деловым стилем. Под ним понимается такой стиль, в котором представлена правовая и административно-общественная сфера деятельности. Этот стиль, в основном, используется в документах, делах, то есть, в письменной речи. Его также можно увидеть в процессуальных актах, законах и других наиболее важных для судопроизводства документах.

Одним из главных качеств в судебной речи юриста является её уместность, то есть, правильно соотносить языковые средства с данной темой, задачей, временем и местом. К таким качествам относятся:

Чистота речи.

Под этим требованием понимается следующее: речь каждого юриста, желающего иметь высокий профессиональный статус, должна быть чистой, без жаргонизмов, диалектов и просто-

речных слов, которые могут повлечь неблагоприятные последствия: отрицательная реакция со стороны публики, недоверие слушателей, отсутствие уважения и появление сомнений в его профессиональных качествах. В профессиональной речи юриста, которая будет являться чистой, не должно быть жаргонных и просторечных слов: «проплатил», «закуп товара», «пролив квартиры» и другие [1].

Правильность речи.

Одним из важнейших качеств в судебной речи является правильность её содержания и изложения. Так как юрист – это профессия распространённая, то ему приходится сталкиваться с людьми, имеющими разный образовательный уровень, а, следовательно, и разный словарный запас. Поэтому профессионально подготовленный юрист должен к каждому человеку иметь собственный подход в процессе общения с ним. В частности, как и он, так и присутствующая на судебном заседании аудитория, должны понять данного оратора и правильно, для чего он должен изложить свою мысль в доступных для её восприятия терминах и выражениях [1].

Лаконичность речи.

Лаконичная речь – это точное выражение мысли, чёткое формирование, отсутствие слов, несущих лишнюю информацию. Ошибкой может являться многословие, как, например: «Подсудимый был в совершенно нетрезвом состоянии» или «Иванов всякий раз отзывается только положительно на просьбы своих соседей, где они живут вместе». Следовательно, юрист должен чётко выражать свои мысли и говорить конкретно по сути дела [1].

Краткость речи.

Это качество очень важно для юриста, потому что краткая речь всегда очень понятна, выразительна и доходчива, и информативна. Краткость предаёт выступающему юристу значимость и репутацию, и она должна сочетаться с эмоциональностью и экспрессивностью. Эмоции вызывают сам материал юридической речи. Синонимы становятся источником эмоциональной и выразительной речи. Нередко, в тексте выступления юриста используется одновременно несколько синонимов. Однако иногда они ничего не добавляют к сказанному, делая выступление юриста многословным и утомительным [4].

Выразительность речи.

Выразительность речи зависит конкретно от выступающего юриста, который умеет чётко передать не только участникам процесса, но и всей аудитории свои мысли. Выразительная речь всегда является интересной и привлечёт внимание слушателей, которые составят у себя отличное впечатление о данном юристе [4].

Еще одним важнейшим качеством является богатство речи юриста. Оно заключается в использовании им не только профессиональных терминов и выражений, а также демонстрацию присутствующим своего богатого словарного запаса с использованием веской, логически выстроенной аргументации и добавлением в своем выступлении цитат, уместных в данном случае [4].

Ясность речи.

Одним из главных качеств в профессиональной деятельности юриста является ясность его речи. Ведь речь выступающего человека должна быть понятной и доступной для восприятия любому, присутствующему на судебном заседании, человеку. Ясность в речи юриста достигается не только глубоким знанием материала, но и убедительностью используемых аргументов [2].

Индивидуальность речи.

К числу наиболее ценных качеств, которым, по нашему мнению, должен обладать юрист, является индивидуальность его речи. Оно проявляется в умении юриста, как одного из важных участников судебного заседания, говорить о самых знакомых фактах своими словами, не употребляя, в то же время, речевых штампов [2].

Следовательно, успех оратора в каждом эпизоде его профессиональной деятельности заключается в соблюдении им всех вышеперечисленных требований, что требует приложения постоянных усилий, направленных на работу юриста над повышением не только уровня своих профессиональных знаний, но и общей эрудиции, культуры поведения на бытовом уровне. Не случайно специалисты отмечают, что культура речи начинается там, где знание переходит в навык, так как если в реальной жизни юрист будет говорить безграмотно и допускать ошибки, то и в профессиональной деятельности он уже не исправится. Поэтому необходимо постоянно работать над совершенствованием культуры речи. Все эти качества позволяют юристу сделать речь по-настоящему доказательной [5].

Языковые средства способствуют логичности, убедительности речи. В качестве примера мы приведем коллективную монографию «Язык закона», в которой говорится о том, что в

правовой деятельности имеет место слабая изученность языка закона, так как юристы не используют в достаточной мере данные лингвистики и поэтому их рассуждения о юридическом языке сводятся лишь к общим выводам о необходимости писать законы чётко, кратко и понятно [5].

Таким образом, речь играет важную роль в юридической деятельности, так как в ходе её полностью реализуется весь речевой потенциал правоведа в ходе общения с людьми [1, с. 154]. Юристу необходимо соблюдать языковые нормы, владеть навыками, необходимыми для осуществления успешной публичной речи и ораторского мастерства, чтобы точно, ясно и убедительно излагать и аргументировать свои мысли. Повышение уровня культуры речи – одно из главных условий повышения качества профессиональной деятельности любого представителя юридических профессий [4, с. 493].

В завершение нашей публикации мы хотим процитировать высказывание одного из выдающихся российских юристов и общественных деятелей А.Ф. Кони, который говорил: «Юрист должен быть человеком, безупречно владеющий нормами литературного языка, у которого общее образование идет впереди специального. Юрист ежедневно имеет дело с самыми разнообразными явлениями жизни, и эти явления он должен правильно оценить, принять по ним нужное решение и убедить в правильности своей точки зрения обращающихся к нему людей. Нарушение юристом языковых норм может вызвать отрицательную реакцию со стороны собеседников» [4].

Литература:

1. Канафина М.А. Профессиональная речь юриста / М.А. Канафина // Наука и современность. 2015. № 36.
2. Писарева В.А. Культура речи в профессиональной деятельности юриста / В.А. Писарева, Ю.Р. Перепелицына. М., 2012. 230 с.
3. Нерсесянц В.С. Общая теория Права и государства. М., 2002. 560 с.
4. Шепелёв А.Н. Формирование языковой культуры юриста / А.Н. Шепелёв // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 12(128).
5. Язык закона : коллективная монография / Под ред. А.С. Пиголкина М., 1990. 200 с.

Literature:

1. Kanafina M.A. Professional Lawyer Speech / M.A. Kanafina // Science and Modernity. 2015. № 36.
2. Pisareva V.A. Culture speech in the professional activities of a lawyer / V.A. Pisareva, R.R. Perepilitsyn. M., 2012. 230 p.
3. Nersesianz V.S. General theory of law and state. M., 2002. 560 p.
4. Shepelev A.N. Formation of the language culture of the lawyer / Herald of the University of Tambov. Series: Humanities. 2013. № 12(128).
5. The language of the law : collective monograph / Ed. by A.S. Pigolkina M., 1990. 200 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**О ЗАВИСИМОСТИ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ
НАСЕЛЕНИЯ ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА**

**ON THE DEPENDENCE OF THE CRIMINAL VICTIMIZATION
OF THE POPULATION ON THE GEOGRAPHICAL FACTOR**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Kirill V. Vishnevetsky
Doctor of Law,
Professor,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

Аннотация. Одним из перспективных направлений современной криминологической науки является изучение закономерностей распространения в пространстве и изменения во времени качественно-количественных показателей преступности, обусловленных взаимодействием компонентов социальных, природных и антропогенных подсистем на локальном, региональном и глобальном уровнях. Учет географического распределения криминальной виктимизации населения позволяет исследовать виктимологический аспект преступности с учетом комплексного взаимодействия различных компонентов социальных, природных и производственных подсистем на локальном, региональном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: преступность, виктимность, виктимизация, география, региональный уровень, глобальный уровень.

Annotation. One of the most promising areas of modern criminological science is the study of patterns of distribution in space and changes in time of qualitative and quantitative indicators of crime caused by the interaction of components of social, natural and anthropogenic subsystems at the local, regional and global levels. Taking into account the geographical distribution of criminal victimization of the population allows us to study the victimological aspect of crime, taking into account the complex interaction of various components of social, natural and industrial subsystems at the local, regional and global levels.

Keywords: crime, victimization, geography, regional level, global level.

Виктимность является массовым явлением, в силу чего, для виктимологического обеспечения национальной безопасности России сегодня назрела необходимость создания единой базы научного анализа и, что тоже немаловажно, хранения информации о жертвах преступления и виктимологических процессах в обществе [1, с. 352].

Изучение детерминации преступности предполагает, прежде всего, системный подход, то есть, необходимость исследования всей совокупности факторов, детерминирующих преступность. Соответственно, в процессе рефлексии феномена преступности как массового, системного преступного (уголовно наказуемого) поведения части членов общества [2, с. 6–10] должны учитываться все внешние (объективные) и внутренние (субъективные) факторы, определяющие его и влияющие на его содержание и динамику [3, с. 129–133].

Кроме причин и условий в философской и юридической литературе сегодня указывается более чем на тридцать видов причинной и не причинной детерминации, что делает очевидным вывод о невозможности сведения детерминации преступности только к категориям причин и условий, игнорируя другие виды криминогенной детерминации. Детерминацию преступности

следует представлять шире, включая в ее понятие все связи, опосредования и взаимодействие преступности с другими социальными явлениями и процессами. Именно поэтому совокупность всех видов криминогенной детерминации криминологи определяют как «факторы», или «криминогенные факторы» [4, с. 342–351].

Указанное, на наш взгляд, в полной мере относится к виктимологическим факторам (от лат. *factor* – делающий, производящий), что означает движущую, действующую силу какого-либо процесса, явления, определяющую его характер или отдельные черты) преступности в целом и факторам криминальной виктимизации в частности.

Факторы виктимизации – это совокупность обстоятельств в жизни людей и общества, которые детерминируют процесс превращения данной личности в жертву преступления либо, тем или иным образом, способствуют содействию реализации этого процесса. Факторы виктимизации населения проявляются как на массовом (политические, социально-экономические, культурно-информационные), так и на индивидуально-групповом уровне [5].

Качественно-количественными параметрами, определяющими характер виктимности и специфику виктимизации различных социальных страт, выступают следующие основные зависимости:

- процент мужчин и женщин в каждой страте, являющихся жертвами преступных посягательств;
- соответствующие показатели для числа преступников;
- процент лиц молодого и пожилого возраста, являющихся, соответственно, жертвами и преступниками в каждой из страт;
- мера соответствия стратовой виктимизации социально-демографической структуре региона.

Дополнительно могут выступать такие параметры, как зависимость виктимности от пьянства и наркомании; родственных, соседских и т.п. отношений между жертвой и преступником; числом посягательств на незнакомых/знакомых лиц и т.п. При этом следует учитывать, что изменения социальной структуры российского общества происходят под воздействием качественных сдвигов, вызванных масштабными преобразованиями социального, экономического, политического, правового характера, осуществлявшихся в ходе радикальных реформ тысяча девятьсот девяностых годов. Другим мощным фактором этих изменений являются процессы глобализации, которые оказывают влияние на динамику стратификации во всех странах современного мира. Комплексным результатом этих разнонаправленных процессов оказывается углубление социального неравенства, резкий рост безработицы, активизация социальной миграции и пр. [6, с. 39–41] Указанное свидетельствует об актуальности и необходимости выделения в качестве отдельного объекта виктимологического исследования географического фактора криминальной виктимизации населения.

Одним из перспективных направлений современной криминологической науки, изучающей закономерности распространения в пространстве и изменения во времени качественно-количественных показателей преступности, обусловленных взаимодействием компонентов социальных, природных и антропогенных подсистем на локальном, региональном и глобальном уровнях, является география преступности. С прикладной точки зрения, для разработки эффективных программ борьбы с преступностью необходимо обладать точным представлением о сложившейся качественно-количественной характеристике преступности исследуемой территории, знать ее тенденции и закономерности для осуществления прогнозирования [7].

География как наука представляет собой целую систему естественных и общественных наук о нашей планете, изучающих природные, производственно-территориальные и социально-территориальные комплексы и их компоненты, исследует законы (закономерности) их размещения и взаимодействия [8]. Рассматривая географические факторы криминализации и виктимизации общества, следует учитывать, что качественно-пространственные особенности преступности могут обуславливаться взаимосвязью совершения отдельных преступлений с характеристиками (географическими и пространственно-геометрическими) определенных точек пространства, в пределах которых они совершаются [9, с. 145–146; 10, с. 323–325].

На глобальном уровне социальных стран – на уровне всего населения следует учитывать, что географический фактор виктимизации населения необходимо рассматривать, прежде всего, в контексте виктимологических особенностей такого социального процесса, как миграция.

Помимо чисто экономических функций, миграция выполняет и социальные. В качестве социальных функций выделяются следующие: свободный выбор индивидуумом сферы деятельности в соответствии со способностями и склонностями, удовлетворение личных потреб-

ностей за счет изменения комплекса жизнеобеспечения, изменение социального статуса работника и возможности наиболее полной реализации его личностного потенциала.

Если говорить о главной социальной функции миграции, то ее можно определить как стремление, благодаря изменению места проживания, более полно удовлетворить потребности мигранта. В сознании человека потребность в миграции формируется под влиянием такого противоречия, которое проявляется в соотношении реальной и желаемой ситуации. Начальным импульсом к миграции может служить желание улучшить сложившуюся жизненную ситуацию. Под причинами миграции следует понимать сочетание объективных и субъективных условий, взаимосвязь и взаимодействие которых непосредственно вызывают перемещение населения и рабочей силы. Социальной группой с наиболее повышенной степенью виктимности являются сами мигранты в первую очередь – незаконные. Стоит начать уже с того, что эти люди с самого начала оказываются в полной зависимости от транснациональной организованной преступности, сетевые элементы которой специализируются на данном виде «бизнеса». Мигранты являются лицами с повышенной степенью виктимности также из-за сложностей интеграции в культурное пространство страны пребывания. Серьезные проблемы, связанные с внутренней миграцией, вызванной экономической неравномерностью развития регионов России, международными проблемами и пр. Наряду с социально-политическими и экономическими факторами миграции в Российской Федерации, существуют и факторы экологического характера, которые несут в себе значительную угрозу дестабилизации общества [11, с. 10–14].

Как можем видеть на примере виктимологических особенностей миграции, полноценное исследование детерминации и процесса криминальной виктимизации населения невозможно без учета географической (причем, не только в плане сугубо пространственно-территориальных характеристик, а в широком понимании) составляющей.

Именно география имеет существенный и необходимый методологический потенциал для исследования преступности:

- изучением природных комплексов занимаются отдельные отрасли физической географии;
- изучением производственно-территориальных и социально-территориальных комплексов занимается – социально-экономическая география;
- исследованием взаимодействия в системе «общество – природа – антропогенная среда» занимается геоэкология;
- отображением пространственно-распределенной информации – картография.

Следовательно, нельзя сводить географию преступности к простому статистическому анализу пространственного распределения качественных и количественных показателей преступности. Методологически география преступности позволяет постичь сущность преступности, закономерности ее функционирования и трансформации. Исследование географии преступности позволяет на основе пространственного моделирования, не просто отражать и анализировать пространственно-временные характеристики преступности, но и прогнозировать перспективы дальнейшего развития криминальной ситуации на различных территориальных уровнях организации. С практической точки зрения, это способствует разработке соответствующих (глобальных, региональных, локальных) программ по подбору наиболее эффективных методов и средств, определению механизмов борьбы с преступностью, учитывающей специфику исследуемой территории [12, с. 290–292].

Таким образом, учет географического распределения криминальной виктимизации населения позволяет исследовать виктимологический аспект преступности с учетом комплексного взаимодействия различных компонентов социальных, природных и производственных подсистем на локальном, региональном и глобальном уровнях. Это позволит не только глубже изучить проблему криминальной виктимизации населения, но дает возможность осуществлять эффективное виктимологическое моделирование и прогнозирование.

Литература:

1. Вишневецкий К.В. Виктимологическое обеспечение национальной безопасности России / К.В. Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 352.
2. Игнатов А.Н. Понятие общеуголовной преступности / А.Н. Игнатов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1(39). С. 6–10.

3. Игнатов А.Н. Методологические основы исследования преступности / А.Н. Игнатов, Е.Б. Ильянович // Общество и право. 2015. № 2(52). С. 129–133.
4. Игнатов А.Н. Факторы детерминации коррупционных преступлений сотрудников органов внутренних дел / А.Н. Игнатов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 342–351.
5. Вишневецкий К.В. Виктимизация: факторы, условия, уровни / К.В. Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 226–227.
6. Вишневецкий К.В. К вопросу о виктимности социальных страт в современном российском обществе / К.В. Вишневецкий // Юрист-Правоведъ. 2004. № 4(11). С. 39–41.
7. Яшенков В.О. Использование ГИС при анализе и прогнозировании состояния преступности на региональном и локальном уровнях / В.О. Яшенков // В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 547–550.
8. Богучарсков В.Т. История географии : учеб. пособие. Саратов : Вузовское образование, 2017. 521 с.
9. Игнатов А.Н. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления / А.Н. Игнатов, С.В. Пахомов // Общество и право. 2016. № 3(57). С. 145–146.
10. Игнатов А.Н. О необходимости исследования качественно-пространственных особенностей преступности / А.Н. Игнатов, С.В. Пахомов // В сборнике: Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России). Сборник материалов международной научно-практической конференции. 2016. С. 323–325.
11. Вишневецкий К.В. Социальная миграция как фактор криминализации и виктимизации населения / К.В. Вишневецкий // В сборнике: Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации. материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к годовщине вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации. Краснодарский университет МВД России Крымский филиал. 2015. С. 10–14.
12. Яшенков В.О. География преступности как ее качественно-количественная характеристика / В.О. Яшенков // В сборнике: Уголовная политика и культура противодействия преступности. Материалы Международной научно-практической конференции : в 2-х томах. 2018. С. 290–292.

Literature:

1. Vishnevetsky K.V. Victimological support of the national security of Russia / K.V. Vishnevetsky // Theory and practice of social development. 2012. № 3. P. 352.
2. Ignatov A.N. The concept of ordinary crime / A.N. Ignatov // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(39). P. 6–10.
3. Ignatov A.N. Methodological foundations of crime research / A.N. Ignatov, E.B. Ilyanovich. 2015. № 2(52). P. 129–133.
4. Ignatov A.N. Factors of determination of corruption crimes of employees of internal affairs bodies / A.N. Ignatov // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2019. Vol. 5. № 3. P. 342–351.
5. Vishnevetsky K.V. Victimization: factors, conditions, levels / K.V. Vishnevetsky // Theory and practice of social development. 2014. № 4. P. 226–227.
6. Vishnevetsky K.V. On the question of victimization of social strata in modern Russian society. 2004. № 4(11). P. 39–41.
7. Yashenkov V.O. The use of GIS in the analysis and forecasting of the state of crime at the regional and local levels / V.O. Yashenkov // In the collection: Ensuring public safety and countering crime: tasks, problems and prospects. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. 2020. P. 547–550.
8. Bogucharskov V.T. History of geography : textbook. Saratov : University Education, 2017. 521 p.
9. Ignatov A.N. Influence of qualitative and spatial features of the area on the choice and implementation of the method of committing a crime / A.N. Ignatov, S.V. Pakhomov // Society and law. 2016. № 3(57). P. 145–146.

10. Ignatov A.N. On the need to study the qualitative and spatial features of crime / A.N. Ignatov, S.V. Pakhomov // In the book: The Theory and practice of combating crime in the Asia-Pacific region (the 95th anniversary of the formation of the far Eastern law Institute of the MIA of Russia) proceedings of the international scientific-practical conference. 2016. P. 323–325.
11. Vishnevetsky K.V. Social migration as a factor of criminalization and victimization of the population / K.V. Vishnevetsky // In the collection: Problems of the transition period: adaptation of normative legal acts of the Crimean Federal District to the legislation of the Russian Federation. materials of the All-Russian Scientific and Practical conference dedicated to the anniversary of the entry of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol into the Russian Federation. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Crimean branch. 2015. P. 10–14.
12. Yashenkov V.O. Geography of crime as its qualitative and quantitative characteristics / V.O. Yashenkov // In the collection: Criminal policy and the culture of countering crime. Materials of the International Scientific and Practical Conference : in 2 vol. 2018. P. 290–292.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫДЕЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ НОРМЫ
О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ (СТ. 1595 УК РФ)**

**PROBLEMATIC ISSUES OF THE ALLOCATION
OF A SPECIAL RULE ON FRAUD IN THE INSURANCE SECTOR
(ARTICLE 1595 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Качмазов Олег Хазбиевич
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
ГОУ ВПО «Северо-Осетинский
государственный университет
имени К.Л. Хетагурова»
koh@inbox.ru

Oleg Kh. Kachmazov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Proceedings,
GOU VPO «North Ossetian
State University
named after K.L. Khetagurov»
koh@inbox.ru

Аршиев Азамат Геннадьевич
магистрант 1 курса
юридического факультета,
ГОУ ВПО «Северо-Осетинский
государственный университет
имени К.Л. Хетагурова»
koh@inbox.ru

Azamat G. Arshiev
Master of the 1st year
Faculty of Law,
GOU VPO «North Ossetian
State University
named after K.L. Khetagurov»
koh@inbox.ru

Аннотация. Выделение нормы о мошенничестве в сфере страхования произошло с сохранением ее общей нормы – ст. 159 УК РФ, поэтому, анализируя обоснованность данного законодательного решения, сравнение критериев общественной опасности необходимо проводить именно с общей нормой о мошенничестве. В статье рассматривается обоснованность решения законодателя о дифференциации уголовной ответственности за мошенничество и выделения специальных норм о мошенничестве. На основании проведенного анализа, авторами предложены критерии отграничения мошенничества в сфере страхования от смежных составов, а также особенности объекта мошенничества в сфере страхования.

Ключевые слова: мошенничество, страхование, дифференциация, имущество, хищение, обман, злоупотребление доверием, уголовная ответственность.

Annotation. The allocation of the rule on fraud in the insurance sector occurred with the preservation of its general norm – Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, so, analyzing the validity of this legislative decision, the comparison of the criteria of public danger should be carried out with the general rule on fraud. The article considers the validity of the decision of the legislator on the differentiation of criminal liability for fraud and the allocation of special rules on fraud. Based on the analysis, the authors propose criteria for distinguishing fraud in the insurance industry from related compounds, as well as the features of the object of fraud in the insurance industry.

Keywords: fraud, insurance, differentiation, property, theft, deception, abuse of trust, criminal liability.

В 2012 г. российское уголовное законодательство в части ответственности за мошенничество, в результате принятия ФЗ № 207, претерпело радикальные изменения: из состава мошенничества были выделены его отдельные специальные виды, среди которых, в числе прочих – норма о мошенничестве в сфере страхования, статья 159.5 УК РФ.

Результатом данных законодательных новелл стала необходимость разрешения ряда важных теоретических проблем:

- 1) особенности объекта мошенничества в сфере страхования;
- 2) обосновано ли вообще и чем подтверждается деление мошенничества на специальные виды;
- 3) каковы критерии отграничения мошенничества в сфере страхования от смежных составов и другие.

В пояснительной записке к проекту обозначенного выше федерального закона подчеркивалась направленность данного законопроекта на разграничение мошенничества на отдельные виды [1].

Необходимо подчеркнуть, что решение законодателя о дифференциации уголовной ответственности за мошенничество и выделении специальных норм о мошенничестве, как считают некоторые авторы, является необоснованным и непродуманным [2, с. 25–27; 3, с. 16–17], то есть, оно вызвало в научных кругах далеко неоднозначные мнения.

Говоря о дифференциации, следует определиться, что под ней понимается. Дифференциация – это разделение целого на различные формы, части, ступени [4, с. 272], происходит от латинского «*differentia*» – разность, различие.

Мы считаем нужным согласиться с мнением Л.Л. Кругликова и А.В. Васильевского, отмечающих дискуссионность вопроса об основаниях дифференциации ответственности в уголовном праве [5, с. 64].

В качестве критериев разграничения уголовной ответственности можно выделить следующие:

- 1) общественная опасность содеянного, его характер и степень;
- 2) особенности общественной опасности виновного [6, с. 368].

В.С. Прохоров справедливо, по нашему мнению, отмечает, что сущность общественной опасности заключается в направленности любого преступления на причинение ущерба обществу, его важнейшим ценностям [7, с. 20].

Необходимо подчеркнуть, что именно общественная опасность выступает ключевым признаком, позволяющим отграничить преступления от иных правонарушений: административных, гражданско-правовых, дисциплинарных.

На наш взгляд, достаточно удачным и лаконичным является определение общественной опасности, данное в учебнике по уголовному праву 2014 года под редакцией А.И. Рарога: «Общественная опасность – имманентное объективное свойство (качество) преступления, означающее способность причинить существенный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона [8, с. 33].

Исходя из положений теории уголовного права, критериями общественной опасности являются:

- 1) характер общественной опасности – это ее качественный показатель;
- 2) степень общественной опасности – это ее количественный показатель.

Характер и степень общественной опасности преступного деяния устанавливаются при помощи анализа:

- 1) объекта преступления – значимости общественных отношений, которым причиняется или создается угроза причинения вреда данным деянием;
- 2) объективной стороны преступления – внешней стороны преступления, причиненного данным деянием вреда, места, времени, орудий, средств, обстановки и способа его совершения.

Необходимо подчеркнуть, что для признания обоснованности дифференциации уголовной ответственности не обязательно наличие всех перечисленных выше признаков, достаточно существенного изменения хотя бы нескольких из них.

Следует отметить такой факт, что выделение нормы о мошенничестве в сфере страхования произошло с сохранением ее общей нормы – ст. 159 УК РФ, поэтому, анализируя обоснованность данного законодательного решения, сравнение критериев общественной опасности необходимо проводить именно с общей нормой о мошенничестве.

Для того, чтобы ответить на вопрос: В чем сходство и в чем различие мошенничества в сфере страхования с общей нормой о мошенничестве, необходимо провести сравнительный структурно-правовой анализ элементов и признаков данных составов преступлений.

Сравнительному структурно-правовому анализу будут подвержены следующие элементы и признаки составов мошенничества в сфере страхования и обычного мошенничества:

1) объект преступления – родового, видовой и непосредственный объекты, предмет преступления;

2) объективная сторона преступления – такие признаки как деяние (действие или бездействие), способ совершения преступления;

3) субъективная сторона преступления – такие признаки как вина, цель и мотив;

4) субъект преступления – общий или специальный.

Говоря о родовом и видовом объектах анализируемых преступлений, необходимо подчеркнуть их идентичность, так как норма о мошенничестве в сфере страхования – ст. 1595 УК РФ и общая норма о мошенничестве – ст. 159 УК РФ включены в главу 21 раздела VIII Особой части Уголовного кодекса Российской Федерации.

В качестве родового объекта мошенничества в сфере страхования и обычного мошенничества выступают общественные отношения по охране экономики Российской Федерации, нормального функционирования и развития всех ее отраслей и сфер.

Видовой объект мошенничества в сфере страхования и обычного мошенничества – общественные отношения по охране права собственности вне зависимости от ее форм (частной, государственной, муниципальной и других) от любых преступных посягательств.

Далее, необходимо отметить, что мошенничество в сфере страхования существенно отличается от обычного мошенничества по своему основному непосредственному объекту [9, с. 138], которым выступают общественные отношения, охраняющие право собственности страховщиков (государственных и частных страховых организаций и компаний) от любых преступных посягательств, в отличие от основного непосредственного объекта обычного мошенничества, которым являются общественные отношения по охране права собственности вне зависимости от ее форм (частной, государственной, муниципальной и других) от любых преступных посягательств.

Теперь перейдем к разграничению мошенничества в сфере страхования с общей нормой о мошенничестве, базирующемся на различиях в предмете вышеперечисленных преступлений.

Необходимо подчеркнуть, что указание в диспозиции ст. 1595 УК РФ на чужое имущество как предмета данного преступления, с нашей точки зрения, и также, по мнению других ученых, является ошибочным и неправильным, а в качестве предмета мошенничества в сфере страхования, по нашему мнению, должно выступать имущество страховщика (и только оно).

В диспозиции же ч. 1 ст. 159 УК РФ, то есть, общей нормы о мошенничестве, предмет преступления законодателем указан в качестве альтернативного:

1) чужое имущество;

2) право на чужое имущество.

Следующим элементом в составе мошенничества в сфере страхования в контексте сравнительного структурно-правового анализа будет подвержена объективная сторона преступления, а в ней такие ее признаки, как деяние (действие или бездействие) и способ совершения преступления.

Далее, необходимо отметить, что в диспозиции ч. 1 ст. 1595 УК РФ мошенничества в сфере страхования законодателем закреплен только один вид деяния – хищение.

В отличие от мошенничества в сфере страхования, в диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ, то есть, общей нормы о мошенничестве, законодателем указаны в качестве альтернативного два вида деяния:

1) хищение (чужого имущества);

2) приобретение (права на чужое имущество).

Мошенничества в сфере страхования совершаются только в результате активного поведения, то есть, действий, бездействие при этом исключается как вид данного преступного поведения, а обычные мошенничества могут быть иногда совершены и бездействием (пассивным поведением) в определенных случаях. В качестве примера совершения обычного мошенничества бездействием (пассивным поведением) приведем такой случай, когда бедного простого человека по ошибке окружающие из-за удивительного внешнего сходства принимают за другого (очень богатого – князя, царя, боярина, бизнесмена, олигарха и так далее), а бедный про-

стой человек не выдает себя и пользуется всеми привилегиями и благами своего нового положения в роли другого.

Следующим объективным признаком является имущественный вред.

Для определения значимости причиненного вреда, необходимо обратиться не к абсолютным показателям, а к значимости причиненного вреда для собственника данного имущества. Нет сомнения в том, что хищение обманным путем суммы в сто тысяч рублей для страховой организации менее значительно, чем для физического лица (большинства граждан).

В диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ, то есть, общей нормы о мошенничестве, способ совершения преступления законодателем указан в качестве альтернативного:

- 1) обман;
- 2) злоупотреблением доверием.

Следует отметить, что способ совершения преступления из факультативного признака объективной стороны превращается в обязательный (конструктивный) признак, а также то, что именно способ совершения хищения при мошенничестве (обман и (или) злоупотреблением доверием) положен в основу отграничения мошенничества как одной из форм хищения, от других ее форм – кражи, грабежа, разбоя, присвоения, растраты.

Необходимо подчеркнуть, что злоупотребить доверием для совершения мошенничества может лишь лицо, имеющее из-за родства, совместной работы, дружбы, общего хобби и т.д. тесные (доверительные) связи с потерпевшим (жертвой).

В диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ законодателем не закреплена такая его способ совершения, как злоупотреблением доверием, им указан только обман в качестве конструктивного признака объективной стороны [10, с. 116].

Необходимо подчеркнуть прямую непосредственную связь между обманными действиями во время совершения мошенничества в сфере страхования с наступлением конкретного страхового случая или, с подлежащим выплате, размером страхового возмещения.

Субъективная сторона мошенничества в сфере страхования полностью совпадает с субъективной стороной мошенничества, закрепленного в статье 159 УК РФ, и включает в себя вину в виде прямого умысла и корыстную цель (а правильнее, корыстный мотив).

В качестве последнего элемента составов мошенничества в сфере страхования и мошенничества сравнительному структурно-правовому анализу будет подвержен субъект преступления.

Следует отметить, что существенное различие между рассматриваемыми преступлениями заключается в том, что у мошенничества в сфере страхования субъект – специальный, страхователь или выгодоприобретатель [11, с. 19], тогда, как субъект обычного мошенничества является общим, то есть, достигшим шестнадцатилетнего возраста вменяемым физическим лицом.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Мошенничества в сфере страхования значительно отличается от общей нормы о мошенничестве по следующим элементам и признакам данных составов преступлений:

1. По признакам объекта преступления: основному непосредственному объекту и предмету преступления.

Мошенничество в сфере страхования существенно отличается от мошенничества по своему основному непосредственному объекту, которым выступают общественные отношения, охраняющие право собственности страховщиков (государственных и частных страховых организаций и компаний) от любых преступных посягательств, в отличие от основного непосредственного объекта и мошенничества, которым являются общественные отношения по охране права собственности вне зависимости от ее формы (частной, государственной, муниципальной и других) от любых преступных посягательств.

Необходимо отметить то, что в качестве предмета мошенничества в сфере страхования, по нашему мнению, должно выступать имущество страховщика (и только оно), вместо закрепленного законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ словосочетания «чужое имущество». В диспозиции же ч. 1 ст. 159 УК РФ, то есть, общей нормы о мошенничестве, предмет преступления законодателем указан в качестве альтернативного:

- 1) чужое имущество;
- 2) право на чужое имущество.

2. По признакам объективной стороны преступления – таким, как деяние (действие или бездействие) и способ совершения преступления.

В диспозиции ч. 1 ст. 1595 УК РФ, мошенничества в сфере страхования, законодателем закреплен только один вид деяния – хищение. В отличие от данной нормы, в диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ, то есть, общей нормы о мошенничестве, законодателем указаны в качестве альтернативного два вида деяний:

- 1) хищение (чужого имущества);
- 2) приобретение (права на чужое имущество).

Мошенничества в сфере страхования совершаются только в результате активного поведения, то есть, действий; бездействие при этом исключается как вид данного преступного поведения. А мошенничества могут быть иногда совершены и бездействием (пассивным поведением) в определенных случаях.

В диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ, то есть, общей нормы о мошенничестве, способ совершения преступления законодателем указан в качестве альтернативного:

- 1) обман;
- 2) злоупотреблением доверием.

Следует отметить, что способ совершения преступления из факультативного признака объективной стороны превращается в обязательный (конструктивный) признак, а также то, что именно способ совершения хищения при мошенничестве (обман и (или) злоупотреблением доверием) положен в основу отграничения мошенничества, как одной из форм хищения, от других ее форм – кражи, грабежа, разбоя, присвоения, растраты.

В диспозиции ч. 1 ст. 1595 УК РФ законодателем не закреплен такой его способ совершения, как злоупотреблением доверием, указан только обман в качестве конструктивного признака объективной стороны.

3. По признакам субъекта преступления – общий или специальный. Мошенничеств в сфере страхования субъект – специальный, страхователь или выгодоприобретатель, тогда как субъект обычного мошенничества является общим, то есть, достигшим шестнадцатилетнего возраста вменяемым физическим лицом.

В результате рассмотрения обоснованности дифференциации уголовной ответственности за мошенничество, подчеркнем, что по характеру и степени общественной опасности мошенничества в сфере страхования, отмечается существенность отличия от общей нормы о мошенничестве, что подчеркивает уголовно-правовую обоснованность выделения специальной нормы о мошенничестве в сфере страхования – ст. 1595 УК РФ.

Литература:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части дифференциации мошенничества на отдельные составы): законопроект № 53700-6. URL : <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%20%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=53700-6&02> (дата обращения 10.12.2020).
2. Гаухман Л.Д. Мошенничество: новеллы уголовного законодательства / Л.Д. Гаухман // Уголовное право. 2013. № 3. С. 25-27.
3. Голик Ю. Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика / Ю. Голик, А. Коробеев // Уголовное право. 2013. № 2. С. 16–17.
4. Большой энциклопедический словарь. СПб. : Норинт, 1997.
5. Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Васильевский. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.
6. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М. : НОРМА, 2000.
7. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / Под ред. А.И. Рарога. М. : ТК Велби, Проспект, 2014.
9. Маслов В.А. К вопросу о целесообразности дифференциации уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования / В.А. Маслов // Юрист-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 136–141.
10. Жиров Р.М. Проблемы разграничения общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) и специальной нормы о мошенничестве в сфере страхования (ст. 1595 УК РФ) / Р.М. Жиров, А.А. Ибрагимов // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. IV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017. № 4(4). С. 114–117.

11. Кинзягулов А.Ф. Ограничение мошенничества в сфере страхования от смежных составов преступлений / А.Ф. Кинзягулов // *Перо науки*. 2020. № 24. С. 18–21.

Literature:

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation (regarding the differentiation of fraud into separate compositions): bill № 53700-6. URL : <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%20%28SpravkaNew%29?openAgent&RN=53700-6&02> (date of application 10.12.2020).
2. Gaukhman L.D. Fraud: novelties of criminal legislation / L.D. Gaukhman // *Criminal law*. 2013. № 3. P. 25–27.
3. Golik Yu. Last year's transformations of the criminal law: replica / Yu. Golik, A. Korobeev // *Criminal law*. 2013. № 2. P. 16–17.
4. Large encyclopedic dictionary. SPb. : Norint, 1997.
5. Kruglikov L.L. Differentiation of responsibility in criminal law / L.L. Kruglikov, A.V. Vasilevsky. SPb. : Law Center Press, 2003.
6. Lesniewsky-Kostareva T.A. Differentiation of criminal liability. Theory and legislative practice. M. : NORM, 2000.
7. Prokhorov V.S. Crime and responsibility. L. : Publishing house of the Leningrad University, 1984.
8. Criminal law of Russia. The General and Special part: textbook / under the editorship of A.I. Rarov. M. : TK velbi, Prospekt, 2014.
9. Maslov V.A. On the question of the expediency of differentiating criminal liability for fraud in the field of insurance / V.A. Maslov // *Jurist*. 2019. № 2(89). P. 136–141.
10. Zhirov R.M. Problems of distinguishing between the general norm on fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the special norm on fraud in the field of insurance (Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation) / R.M. Zhirov, A.A. Ibragimov // *Current problems of jurisprudence: a collection of articles on the materials of the IV international scientific and practical conference*. Novosibirsk, 2017. № 4(4). P. 114–117.
11. Kinzyagulov A.F. Delineation of fraud in the field of insurance from related crimes / A.F. Kinzyagulov // *The pen of science*. 2020. № 24. P. 18–21.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РЕЖИМА ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ**

**CRIMINAL-LEGAL MEANS OF ENSURING
THE REGIME OF PROTECTION OF STATE SECRETS**

Рясов Дмитрий Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
Ставропольский филиал,
Российская Федерация
ryasov_dmitriy@mail.ru

Dmitry A. Ryasov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Stavropol branch,
Russian Federation
ryasov_dmitriy@mail.ru

Аннотация. Установленный порядок обращения с государственной тайной на территории Российской Федерации обеспечивается мерами административно-правового режима. В статье рассматриваются особенности юридической конструкции состава разглашения государственной тайны (ст. 283 УК РФ), как основания уголовной ответственности за посягательство на безопасность государства и его основы конституционного строя. Обращено внимание на юридико-техническую точность используемых признаков в конструкции данной нормы, а также критерии отграничения государственной измены от смежных общественно-опасных посягательств.

Ключевые слова: безопасность государства, информационная безопасность, государственная тайна, преступление, основание уголовной ответственности, состав преступления, сведения, информация, квалификация, уголовная ответственность.

Annotation. The established procedure for the treatment of state secrets in the territory of the Russian Federation is provided by measures of administrative and legal regime. The article deals with the features of the legal structure of the composition of the disclosure of state secrets (Article 283 of the Criminal Code of the Russian Federation), as the basis of criminal liability for encroachment on the security of the state and its foundations of the constitutional system. Attention is drawn to the legal and technical accuracy of the features used in the construction of this norm, as well as the criteria for distinguishing high treason from related socially dangerous encroachments.

Keywords: statesecurity, informationsecurity, statesecret, crime, basisofcriminalliability, corpusdelicti, information, information, qualification, criminalliability.

Источники, составляющие государственную тайну Российской Федерации (далее – РФ), разнообразны по их физическим свойствам и информационному наполнению, общим для них является особая ценность и значимость для обеспечения государственных интересов в сфере политической и экономической безопасности, сохранения суверенитета, а также развития научно-технического прогресса.

Установленный порядок обращения с государственной тайной на территории Российской Федерации обеспечивается мерами административно-правового режима. Однако важное значение в обеспечении сохранности государственной тайны имеют нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), закрепляющие в себе основания уголовной ответственности за общественно опасные деяния в области установленного порядка обращения с государственной тайной.

Необходимость защиты государственной тайны, обуславливается тем, что именно обеспечение сохранности указанных данных выступает гарантией сохранения целостности конституционного строя, а также национальной безопасности России

Установление правовых ограничений в сфере обращения с информацией, составляющей государственную тайну, в некоторой степени, ограничивает конституционное право граждан на свободный поиск, получение, передачу, воспроизведение и распространение информацию любым законным способом (ст. 29 Конституции РФ).

Однако это не касается тех сведений, которые относятся к государственной тайне, о чем трактуется в данной статье Конституции РФ, поскольку они находятся под особой охраной государства. Поместив данное уточнение в указанную норму, законодатель имел своей целью продемонстрировать особую значимость государственной тайны, как одного из специальных видов административно-правового режима. В целом, данная конституционная норма вызывает некий интерес как для разработки различных теоретических, так и практических версий. Сказанное подкрепляется тем существенным фактором, что, к сожалению, на территории многих стран, в том числе, это касается и Российского государства, право на информацию обеспечивается и реализуется не в полной мере. Разглашение государственной тайны выступает отдельным составом преступления, который отражается в Особенной части УК РФ – это статья 283. Указанный состав закрепляется в главе 29, именуемой: «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Однако, названная глава содержит в себе также и иные противоправные деяния, которые связаны с раскрытием особо важных, государственных сведений, защита которых обеспечивается федеральным законодательством, в том числе, указами Президента РФ (ст. 2831 «Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну», ст. 284 «Утрата документов, содержащих государственную тайну»).

Особенность сегмента общественных отношений, составляющих объект уголовно-правовой охраны норм главы 29 УК РФ, образует сложившаяся в государстве система общественных отношений, обеспечивающих стабильность и нормальное функционирование государственных институтов в сфере обороноспособности, территориальной целостности, надлежащего порядка функционирования органов государственной власти, отстаивания государственных интересов во внешнеполитической деятельности и т.п.

Содержание непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ кроется в дефинитивной норме, закрепленной в ст. 2 Закона РФ «О государственной тайне» [1]. Речь идет о понятии «государственная тайна». Указанный акт трактует данное определение следующим образом, – защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности РФ.

В науке уголовного права вопрос, связанный с определением природы непосредственного объекта государственной тайны, по сегодняшний день подвергнут научным дискуссиям, что привело в итоге к отсутствию единообразной позиции. По мнению одних авторов, непосредственный объект преступлений, посягающих на обеспечение сохранности государственной тайны, образуют общественные отношения, возникающие в связи с отнесением сведений к государственной тайне, их засекречиванием или рассекречиванием и защитой в интересах обеспечения безопасности государства [2, с. 35]. Другие, под объектом рассматриваемого преступления предлагают понимать совокупность общественных отношений, составляющих информационную безопасность [3, с. 32]. Так или иначе, обе отмеченные позиции авторов сходятся в части установления значимости охраняемой уголовным законом информации для безопасности государства, т.е., в постановке под угрозу обороноспособности, суверенитета, территориальной целостности государства его экономики и других сфер государственности. Несколько отличающейся, является позиция Е.В. Пономаренко, предлагающей рассматривать непосредственный объект рассматриваемого преступления, как общественные отношения, обеспечивающие сохранность государственной тайны [4, с. 121].

Обобщив представленные мнения, составляющие содержание уголовно-правовой доктрины в части понимания непосредственного объекта преступления предусмотренного ст. 283 УК РФ, считаем наиболее точным будет его определение как совокупности общественных отношений, складывающихся в сфере сохранности и обеспечения конфиденциальности сведений, составляющих государственную тайну.

Устанавливая правовые ограничения в области свободы получения, обмена, хранения и пользования информацией, государство затрагивает закрепленные в Конституции РФ гражданские свободы.

Что есть «информационные права и свободы»? Каким образом они реализуются? Отвечая на поставленные вопросы, было бы верным отметить, что декларативное закрепление в высшем нормативно-правовом акте государства гарантий на свободное обращение информации, обеспечиваемое мерами юридической ответственности за их нарушение, имеет под собой базисный толчок в реализации описываемого социально-экономического права человека. Охрана государственной тайны достигается при помощи существования информационной безопасности. Кроме того, данная охрана может обеспечиваться посредством установления законодательно определенных ограничений, таких как: ограничение свободного обращения информации составляющей содержание государственной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка с целью предотвращения беспорядков или преступлений и др.

Охрана государственной тайны есть средство обеспечения информационной безопасности как важной составляющей национальной безопасности. И именно для того, чтобы прийти к общему знаменателю в части достижения общих интересов, государство идет по пути меньшего сопротивления, дабы не нанести вред общественным отношениям и, тем самым, вводит определенные ограничения на свободное обращение информации, а также, выработку таких правил обращения с секретной информацией.

Объективную сторону рассматриваемого преступления образуют следующие признаки:

- а) активные действия, состоящие в разглашении сведений, составляющих государственную тайну;
- б) последствия – получение доступа третьих лиц к сведениям, составляющим государственную тайну;
- в) причинная связь между разглашением государственной тайны и получением соответствующих сведений третьими лицами.

Разглашением государственной тайны следует признавать любой способ predания огласке сведений, составляющих государственную тайну. При этом указанное распространение сведений может быть изложено при различной ситуации, например, когда лицо знакомится с соответствующими документами, упоминает в разговорной речи нежелательную не доступную ни для кого информацию, при изучении тех или иных схем, моделей, образцов и др., и, как следствие, такая информация подвергается доступу со стороны сторонних субъектов.

Описываемая законодателем трактовка объективной стороны рассматриваемого деяния, имеет существенный признак, касающийся условия наступления уголовной ответственности. Речь идет о наличии имеющейся оговорки в ч. 1 ст. 283, содержание которой заключается в том, что разглашенные сведения должны быть доведены до иных лиц, в частности тех, кто не имеет доступа к секретной информации.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что указанный состав преступления является формально-материальным, поскольку с того момента, когда сведения, составляющие государственную тайну, оказались в действительности разглашенными, и при этом возникла опасность их использования в ущерб безопасности и иным важным интересам России. Существенным обстоятельством является также и то, что особо охраняемые сведения, которые были распространены, будут подлежать квалификации по ст. 283 УК РФ только при том факте, что в совершенных действиях отсутствуют признаки государственной измены (ст. 275 УК РФ).

Бланкетный характер описания признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ, требует обращения к законодательству, имеющему иную отраслевую принадлежность. Порядок сохранения и обращения со сведениями, составляющими государственную тайну, определен Законом РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне». Правилами отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности [5], перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне, а также системой подзаконных нормативных актов в виде инструкций, положений, памяток и т.п.

Способ разглашения государственной тайны может быть различным, он не оказывает влияния на квалификацию рассматриваемого преступления и не способен влиять на дифференциацию уголовной ответственности.

В уголовно-правовой доктрине применительно к характеристике субъективной стороны рассматриваемого преступления, на сегодняшний момент сложилось не однозначное представление. Так, определенная часть ученых считают, что данное посягательство на охраняемые государством сведения, облакается только умышленным совершением преступления [6, с. 605]. Представители иной точки зрения сводят направление своей позиции в пользу того обстоятельства, что действия, запрещенные ст. 283 УК РФ, могут быть совершены, как по неосторожности, так и в умышленной форме [7, с. 844].

В период действия первоначальной редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ, позиция ученых, считавших, что рассматриваемое деяние имеет исключительно признак умышленной формы вины, носила преобладающий характер. Ранее действовавшая редакция соответствующей нормы, отражала положение, согласно которому, деяние, совершенное по неосторожности, признавалось преступлением только в тех случаях, когда это было предусмотрено конкретной статьей уголовного закона. Перед принятием поправок в указанную редакцию ст. 24 УК РФ, в уголовно-правовой науке превалировала точка зрения относительно того, что, разглашая особо значимые государственные сведения, защита которых обеспечивается федеральным законодательством, преступник мог совершить абсолютно в разной форме вины [8, с. 60–63]. Позднее, ч. 2 ст. 24 УК РФ была изменена и, как следствие, закон и судебная практика пошли по пути восстановления концепции преступлений с альтернативной формой вины. Сказанное характеризует то важное обстоятельство, что, если из содержания закона нет прямого указания на форму вины, то, гипотетически допускается возможным признание преступления совершенным как умышленно, так и по неосторожности. Вместе с тем, имеются исключения в части того факта, когда умышленная форма вины определена способом описания преступления. Это, бесспорно, исходит из типа преступления, в частности, например, государственная измена, шпионаж, диверсия и др. Кроме того, обозначенные в законе цели или мотив деяния, а также, указания на заведомую незаконность действий, злостный характер и другие описания деяния, также имеет неотъемлемое значение [9, с. 592].

Рассматривая признаки деяния, состоящего в разглашении государственной тайны, мы склонны исходить из понимания такового как умышленного деяния, при котором лицо стремится предать огласке соответствующую информацию, в то время как неосторожная форма вины является признаком состава халатности (ст. 293 УК РФ). Считаем, что неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом, в обязанного которого, в соответствии со специальным правилом, входит обеспечение сохранности государственной тайны, повлекшее её распространение среди посторонних, является примером неосторожной формы вины, выраженной в виде преступного легкомыслия либо небрежности. Несоблюдение установленных правил обращения с секретной документацией, небрежное обращение со сведениями, составляющими государственную тайну, образует признаки халатного отношения к исполнению служебных обязанностей. В свою очередь, доступ посторонних к секретным данным следует рассматривать как существенное нарушение, охраняемых законом, интересов государства в сфере сохранности сведений, составляющих государственную тайну.

Изложенные суждения убеждают в единственно возможной умышленной форме вины как признака субъективной стороны состава разглашения государственной тайны. Она может быть выражена как в виде прямого, так и косвенного умысла.

При прямом умысле лицо, осознавая общественно опасный характер действий, связанных с разглашением государственной тайны, предвидит, что, разглашенные им сведения, будут восприняты посторонними лицами и желает этого (например, техник, работающий на строительстве специального объекта, желая произвести впечатление на свою знакомую, разгласил последние секретные сведения о назначении и конструктивных параметрах строящегося объекта).

При косвенном умысле, лицо осознает общественно опасный характер, совершаемых им действий, предвидит возможность восприятия третьими лицами сведений, составляющих государственную тайну, но при этом прямо не желает их огласки, хотя сознательно допускает разглашение либо безразлично к нему относится (например, в ходе разговора на закрытую тему, состоявшегося между сослуживцами в общественном транспорте, секретная информация стала достоянием третьих лиц).

Мотив разглашения государственной тайны, чаще всего, обусловлен демонстрацией собственной значимости, осведомленности в закрытых для общественности вопросах [10, с. 162]. В основе преступной мотивации могут быть и иные побудительные стимулы: оказать консультативные услуги в написании детективного рассказа, съемке фильма либо содействовать в выполнении научной работы и т.д. Его юридическое значение для квалификации мало-значительно.

В ч. 2 ст. 283 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак, повышающий степень опасности рассматриваемого преступления в силу наступления тяжких последствий, явившихся результатом преступного легкомыслия либо небрежности, допущенных в результате разглашения лицом государственной тайны.

В качестве тяжких последствий, наступивших в результате разглашения государственной тайны, следует признавать: доступ к секретной информации представителей иностранных

разведок, срыв важных государственных мероприятий, замораживание перспективных научных исследований и т.п.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 283 УК РФ, характеризуется смешанной формой вины, умышленной по отношению к действиям, направленным на разглашение государственной тайны, и неосторожной по отношению к наступившим в результате совершенных действий тяжким последствиям. В соответствии с правилом, предусмотренным ст. 27 УК РФ, данное преступление признается совершенным умышленно.

Еще одной особенностью состава преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ, являются специальные характеристики его субъекта, связанные с занимаемым им должностным положением, выполнением конкретных государственных функций, полномочий и, в целом, обязанностей. При этом лицо, которому доверены секретные сведения, относящиеся к государственной тайне, должно ими владеть и располагать, а также, в рамках осуществления своих служебных и профессиональных обязанностей использовать, описываемую выше информацию, в интересах государства. Конечно, здесь следует вести также речь о работниках, которым государственная тайна не предоставлялась для использования непосредственно, но которые ознакомились с нею, когда осуществляли конкретную трудовую обязанность. В качестве примера, в список таких работников можно отнести слесарей, машинистов, шифровальщиков и т.д.

Таким образом, изложенное означает, что диспозиция вышеназванной уголовно-правовой нормы закрепляет обстоятельства, которые связаны именно с получением разглашаемой информации. В их число, в частности, входят следующие: данная информация должна быть доверена виновному. Ранее в работе освещался вопрос, связанный с тем, что у лица должен быть соответствующий допуск к таким сведениям. В отношении конкретного должностного лица проводится установленная законодателем процедура допуска. Кроме того, одним из обстоятельств выступает и тот фактор, что указанная информация должна стать известна конкретному лицу в виду исполнения им обязанностей по учебе, работе, службе и др. Логика законодателя в части закрепления такой формулировки ясна, поскольку своей целью имело место указание на признаки специального субъекта.

Литература:

1. О государственной тайне: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в ред. ФЗ от 29 июля 2018 г. № 256-ФЗ)
2. Кузнецов А.П. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства : учеб.пособие / А.П. Кузнецов, В.И. Булавин, С.М. Паршин. Н. Новгород, 2006.
3. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства. М. : Юрлитинформ, 2009.
4. Пономаренко Е.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства : учеб. пособие / Е.В. Пономаренко; Под общ. ред. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2016.
5. Об утверждении Правил отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности: постановление Правительства РФ от 4 сент. 1995 г. № 870 (в ред. от 18.03.2016 № 214) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 37. Ст. 3619.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций : в двух томах. Т. 2: Особенная часть. М. : Юрид. лит., 2004.
7. Борисов С.В. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 4-е изд., перераб. и доп. / С.В. Борисов; Под ред. д.ю.н., профессора С.В. Дьякова, д.ю.н., профессора С.В. Кадникова. М. : ИД «Юриспруденция», 2016.
8. Ермакова Л.Д. Иные государственные преступления. Общее понятие иных государственных преступлений, преступления против национального и расового равноправия, против обороноспособности СССР : учеб. пособие / Л.Д. Ермакова; Отв. ред.: Б.В. Здравомыслов. М. : РИО ВЮЗИ, 1987.
9. Уголовное право. Особенная часть : учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. д.ю.н., профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, д.ю.н., профессора А.И. Ророга, д.ю.н., профессора А.И. Чучаева. М. : ИНФРА-М, 2008.
10. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. СПб. : Юридический центр Пресс, 2012.

Literature:

1. On state secrets: law of the Russian Federation of 21 July 1993 № 5485-I (ed. Federal law № 256-FZ of July 29, 2018)
2. Kuznetsov A.P. Crimes against the foundations of the constitutional system and state security : textbook / A.P. Kuznetsov, V.I. Bulavin, S.M. Parshin. N.Novgorod, 2006.
3. Pudovochkin Yu.E. Crimes against the security of the state. M. : Yurlitinform, 2009.
4. Ponomarenko E.V. Crimes against the foundations of the constitutional order and security of the state : textbook / E.V. Ponomarenko; under the General editorship of N.A. Iopashenko. M. : Yurlitinform, 2016.
5. On approval of the rules for classifying information constituting a state secret to various degrees of secrecy: decree of the Government of the Russian Federation № 870 of September 4, 1995 (as amended on 18.03.2016 № 214) // SOBR. Zakonodatelstva RF. 1995. № 37. Art. 3619.
6. Naumov A.V. Russian criminal law. Course of lectures. In two volumes. Vol. 2: Special part. M. : Yurid. lit., 2004.
7. Borisov S.V. Commentary to the criminal code of the Russian Federation (scientific and practical, article-by-article). 4th ed., reprint and add. / S.V. Borisov; Edited by Doctor of Law, Professor S.V. Dyakov, Doctor of Law, Professor S.V. Kadnikov. M. : ID «Jurisprudence», 2016.
8. Ermakova L.D. Other state crimes. General concept of other state crimes, crimes against national and racial equality, against the defense of the USSR : textbook / L.D. Ermakova; Ed. B.V. Zdravomyslov. M. : RIOvuzi, 1987.
9. Criminal law. Special part : textbook. The publication is the second amended and supplemented / Ed. by Doctor of Law, Professor L.V. Inogamova-Hegai, Doctor of Law, Professor A.I. Raroga, Doctor of Law, Professor A.I. Chuchaev. M. : INFRA-M, 2008.
10. Dyakov S.V. Crimes against the constitutional order and security of the state. SPb. : LawcenterPress, 2012.

**СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ
ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА**

**SUBJECTIVE SIGNS OF THE CORPUS DELICTI WHEN ORGANIZING
ATTRACTION ACTIVITIES CASH AND (OR) OTHER PROPERTY**

Сачков Андрей Николаевич
арбитражный управляющий,
Ассоциация евросибирская
саморегулируемая организация
арбитражных управляющих «Евросиб»
sachkov_a@mail.ru

Andrey N. Sachkov
Arbitration Manager,
Association of Euro-Siberian
Self-Regulatory Organization
of Arbitration Managers «Eurosib»
sachkov_a@mail.ru

Аннотация. В статье предлагаются результаты анализа субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ. Установлено, что субъект данного преступления общий. При этом организация деятельности финансовой пирамиды осуществляется, как правило, в соучастии. Раскрыты особенности субъективной стороны состава организации деятельности финансовой пирамиды. Сформулирован вывод о том, что наличие цели хищения чужого имущества не исключает возможность квалификации содеянного по ст. 172 УК РФ.

Ключевые слова:

уголовная ответственность, преступление, квалификация преступлений, субъект, субъективная сторона, финансовая пирамида, собственность, банковская деятельность, инвестиции.

Annotation. The article presents the results of the analysis of the subjective features of the corpus delicti under Article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is established that the subject of this crime is common. At the same time, the organization of the activities of a financial pyramid is carried out, as a rule, in complicity. The features of the subjective side of the structure of the organization of the financial pyramid activity are revealed. Concludes that the purpose of the theft of another's property did not preclude the qualification of the offense under article of the criminal code 172.

Keywords: criminal liability, crime, qualification of crimes, subject, subjective side, pyramid scheme, property, banking, investment.

Субъективные признаки состава преступления вбирают в себя характеристики лица, совершающего преступление, и его психического отношения к своему деянию [1, с. 40]. Вследствие непродолжительной истории существования в российском законодательстве уголовно-правового запрета на организацию деятельности финансовых пирамид, теоретические представления о названных признаках состава преступления, регламентированного ст. 172 УК РФ, не отличаются однообразием, а иногда и последовательностью.

Так, в уголовно-правовой науке сделан вывод об общем субъекте рассматриваемого состава преступления [2, с. 112–114]. Подобные утверждения, очевидно, основываются на буквальном толковании уголовного закона. В тексте диспозиции ст. 172 УК РФ отсутствуют указания на какие-либо дополнительные или специальные признаки субъекта данного преступления. В то же время, отсутствие такого прямого указания не всегда означает, что субъект соответствующего преступления общий, поскольку в ряде случаев вывод о специальных признаках субъектах может быть сделан на основе толкования отдельных признаков состава преступления, например, описывающих объективную сторону преступления.

Имеются обоснованные сомнения в том, что любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, обладает возможностью организации финансовой пи-

рамыды. Поэтому многие специалисты предлагают расширенное толкование признаков субъекта состава организации финансовой пирамиды. Высказывается мнение о том, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, выступает, как правило, организатор финансовой пирамиды. Он может действовать как сугубо физическое лицо либо в качестве представителя юридического лица. При этом материалы правоприменительной практики свидетельствуют о том, что, в подавляющем большинстве случаев, финансовая пирамида функционирует как юридическое лицо [3, с. 166–171].

В свете современных представлений о субъекте уголовной ответственности не вызывает сомнений юридическая безразличность факта действия виновного в исследуемом преступлении от имени организации. Правоприменителю надлежит установить лицо, которое в действительности организовывало незаконное привлечение денежных средств. Конечно же, эта роль, скорее всего, принадлежит руководителю соответствующей организации. Но это отнюдь не обязательно. В силу буквального толкования ст. 172 УК РФ, любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, может быть привлечено к уголовной ответственности за организацию деятельности финансовой пирамиды.

Необходимо отметить, что на практике организация финансовой пирамиды осуществляется, зачастую, несколькими лицами, так как это предприятие носит весьма сложный характер, особенно, в случае «эффективного» функционирования финансовой пирамиды. При этом анализируемый состав преступления не снабжён квалифицирующими признаками, связанными с совершением преступления в соучастии (группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой). На наш взгляд, объяснением для отсутствия данных квалифицирующих признаков служит именно то, что в преобладающем большинстве случаев организация деятельности финансовой пирамиды осуществляется несколькими лицами, то есть, в соучастии. Характерность этого обстоятельства для большинства случаев совершения преступления исключает целесообразность конструирования соответствующих квалифицирующих признаков [4, с.183].

Следовательно, основным составом организации деятельности финансовой пирамиды охватывается такой фактор, повышающий общественную опасность, как совершение преступления в соучастии. Тем не менее, это не исключает возможность применения к виновным в совершении анализируемого преступления обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации)).

Субъективная сторона состава организации деятельности финансовой пирамиды характеризуется исключительно умышленной формой вины. Вся специфика состава преступления, регламентированного ст. 172 УК РФ, не позволяет даже допущения неосторожной формы вины. Собственно, по этим же причинам полагаем невозможным и наличие косвенного умысла. В рассматриваемой ситуации уголовная ответственность наступает только, если субъект осознавал общественную опасность привлечения денежных средств или иного имущества в финансовую пирамиду и желал действовать таким образом. Какие-либо общественно опасные последствия организации деятельности финансовой пирамиды не охватываются составом данного преступления, потому и не требуется выявления психического отношения к ним виновного при квалификации содеянного по ст. 172 УК РФ.

Цель изучаемого преступления нормативно не регламентирована, что освобождает правоприменителя устанавливать её для квалификации этого преступления. Вместе с тем, такими желаемыми ориентирами, как правило, являются создание финансовой пирамиды и её успешное функционирование. Стоит подчеркнуть, что виновный может даже не допускать в своём сознании возможности краха финансовой пирамиды как закономерного результата её существования, но это никак не отразится на уголовно-правовой оценке содеянного в рамках ст. 172 УК РФ.

Далее, о мотиве организации деятельности финансовой пирамиды. В юридической литературе отмечается, что мотив совершения данного преступления составляет корысть [5, с. 11–14]. Однако, например, И.Г. Сафаров считает, что альтернативой корысти может быть иная личная заинтересованность [2, с. 112–114].

По утверждению А.В. Зарубина, «по признаку субъективной стороны следует разграничивать данный состав преступления со смежным составом – мошенничеством» [5, с. 11–14]. В качестве иллюстрации им приводится решение Московского городского суда, изложенное в постановлении от 31 октября 2016 г. № 4у/2-4511: «оснований для переквалификации содеянного

со ст. 159 УК РФ на ст. 172 УК РФ не усмотрено, поскольку диспозиция ст. 172 УК РФ предусматривает ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества для лиц, умысел которых направлен на завладение денежными средствами и (или) иным имуществом неопределённого круга лиц. Осуждённые завладели чужими денежными средствами путём обмана, сообщая потерпевшим ложную информацию, т.е., совершили хищение путём мошенничества. При этом Г. совершала хищение имущества путём обмана в разные дни, каждый раз по вновь возникшему умыслу и в отношении разных потерпевших, обратившихся к организованной группе» [6, с. 21–29, 5, с. 11–14].

Не возражая, в целом, относительно итогового вывода, где отмечается факт возникновения умысла вновь в каждом последующем эпизоде хищения чужого имущества, сложно согласиться с тезисом о том, что умысел виновных в совершении преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, включает в себя стремление завладения имуществом неопределённого круга лиц. Текст диспозиции исследуемой нормы данных признаков не содержит, что свидетельствует о невозможности уголовно-правовой оценки подобных целеустремлений в рамках нормы об организации деятельности финансовой пирамиды. И следом необходимо указать на противоположные юридические решения, позднее формулируемые высшей судебной инстанцией. Так, согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», «если умысел лица направлен на хищение чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, то содеянное, в зависимости от обстоятельств дела, образует состав мошенничества (части 1, 2, 3 или 4 статьи 159 УК РФ) или мошенничества, сопряжённого с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (части 5, 6 или 7 статьи 159 УК РФ), и дополнительной квалификации по статье 172 либо 2003 УК РФ не требует» [7].

Не затрагивая вопросы квалификации подобных ситуаций, в общем, в контексте рассмотрения признаков субъективной стороны состава организации деятельности финансовой пирамиды необходимо отметить следующее. Мы считаем, что утверждения о том, что умысел на хищение чужого имущества исключает квалификацию содеянного по ст. 172 УК РФ могут быть подвергнуты обоснованной критике. Текст диспозиции данной нормы не исключает возможности наличия подобного целеполагания. Более того, мы полагаем, что в подавляющем большинстве случаев виновные в организации деятельности финансовой пирамиды понимают, что будут совершать хищение чужого имущества под видом организации инвестиционной или иной законной предпринимательской деятельности. Организатор финансовой пирамиды не может не понимать, что изымает деньги (иное имущество) из финансового оборота организации в ущерб их законных владельцев. А это ни что иное, как хищение чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием.

Таким образом, состав организации деятельности финансовой пирамиды характеризуется с субъективной стороны прямым умыслом. Мотивы и цели совершения данного преступления не закреплены в законе в качестве составообразующих признаков, поэтому они могут быть различны. Наличие корыстной или иной личной заинтересованности, а также цели хищения чужого имущества под видом инвестиционной или иной законной предпринимательской деятельности не исключает возможность квалификации содеянного по ст. 172 УК РФ.

Литература:

1. Рагоз А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : прак. пособие. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.
2. Сафаров И.Г. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества: юридико-технический анализ / И.Г. Сафаров // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4(26). С. 112–114.
3. Горловская И.Г. Финансовые пирамиды: понятие, признаки, проблемы / И.Г. Горловская, И.И. Гимадиева // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2011. № 3. С. 166–171.
4. Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Васильевский. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.

5. Зарубин А.В. Вопросы ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) / А.В. Зарубин // Криминалист. 2017. № 1(20). С. 11–14.
6. Аснис А.Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид / А.Я. Аснис // Адвокат. 2016. № 11. С. 21–29.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

Literature:

1. Rarog A.I. Table book of the judge on the qualification of crimes : practical manual. M. : TK Velbi, Prospekt Publishing House, 2006.
2. Safarov I.G. Organization of activities to attract money and (or) other property: juridico-technical analysis / I.G. Safarov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4(26). P. 112–114.
3. Gorlovskaya I.G. Financial pyramids: concept, signs, problems / I.G. Gorlovskaya, I.I. Gimadieva // Bulletin of Omsk State University. Series: Economics. 2011. № 3. P. 166–171.
4. Kruglikov L.L. Differentiation of responsibility in criminal law / L.L. Kruglikov, A.V. Vasilevsky. SPsb. : Publishing House «Legal Center Press», 2002.
5. Zarubin A.V. Questions of responsibility for organizing activities to attract money and (or) other property (Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) / A.V. Zarubin // Criminalist. 2017. № 1(20). P. 11–14.
6. Asnis A.Ya. Some problems of criminal responsibility for the organization of financial pyramids / A.Ya. Asnis // Advocate. 2016. № 11. P. 21–29.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 № 48 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРАВОСУДИИ
В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА:
ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ НОРМЫ И УСЛОВИЯ ДЛЯ ПРОИЗВОЛА**

**LEGISLATION ON JUSTICE IN THE INITIAL PERIOD OF THE SOVIET STATE:
UNIVERSALLY RECOGNIZED NORMS AND CONDITIONS FOR AN ARBITRARY**

Уповор Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет
МВД России
popov-52@mail.ru

Ivan V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
candidate of legal sciences,
Professor,
Professor, Constitutional Department
and Administrative Law,
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia
popov-52@mail.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается содержание законодательных актов, регулировавших институт правосудия в советском государстве в начальном периоде его функционирования (1917–1918 гг.). Отмечается, что уже в ноябре 1917 г. был издан первый закон, определявший судебную систему и принципы деятельности судов (декрет о суде № 1). В целом, уголовно-процессуальные законы, сами по себе, соответствовали общепризнанным нормам. Вместе с тем, предусматривались политические суды – революционные трибуналы, наличие которых вместе с отсутствием актов материального права и с учетом деятельности ВЧК создавали условия для полной подчиненности судов исполнительной власти, и это явление не удается изжить до сих пор.

**Ключевые
слова:**

декрет о суде, НКЮ, суды, революционный трибунал, проект, положение, избрание, исполкомы Советов.

Annotation.

The article deals with the content of legislative acts regulating judicial institution in the Soviet state in the initial period of its operation (1917–1918). It is noted that already the first law defining the legal system and principles of activities of the courts (Decree on court № 1) was published in November 1917. In general, criminal procedure laws in themselves conform to generally accepted standards. However, the envisaged political trials - revolutionary tribunals, the existence of which, together with the absence of acts of substantive law and taking into account the activities of the Cheka create conditions for complete subordination of the courts of executive power, and this phenomenon can not get rid of until now.

Keywords:

court decree, NKJU courts, a revolutionary tribunal, the draft provision, the election, the executive committees of the Soviets.

Общественно-политическое положение в России весь 1917 г. и последующие несколько лет характеризовалось крайней противоречивостью, что объяснялось, прежде всего, чрезвычайно ожесточенной борьбой за власть. После провозглашения 25 октября власти Советам большевистская власть активно стала формировать новую советскую государственность, и

судебная власть занимала в ней одно из важнейших мест. В тот же день (25 октября 1917 г.), согласно декрету II Всероссийского съезда Советов, в качестве центрального органа судебного управления создается НКЮ РСФСР [1], который должен был осуществлять надзор за исполнением законов с правом опротестования незаконных постановлений и решений исполнительной власти, получал полномочия привлекать к уголовной ответственности нарушителей закона, надзирать и руководить расследованием дел, требовать пересмотра приговоров и решений судов, осуществлять надзор за законностью и правильностью содержания заключенных под стражей. На местах представителями НКЮ были комиссары юстиции, которые избирались местными Советами и, фактически, являлись местными органами судебного управления.

Однако в дальнейшем формирование органов судебной власти в первые послереволюционные дни происходило, во многом, стихийно, так что, к моменту принятия Советом Народных Комиссаров 24 ноября 1917 г. известного Декрета № 1 «О суде» в ряде городов и губерний России были созданы разные по названиям и не всегда одинаковые по полномочиям суды, которые рассматривались как необходимые органы охраны общественного порядка. Создавались, в частности, «суды общественной совести», «временные народные суды», «следственные комиссии» и т.д. [2, с. 101]. Ввиду отсутствия судебных законов, следователи и судьи руководствовались, как известно, индивидуальным «революционным правосознанием». Характерным, в этом отношении, является решение, принятое в Кузнецком уезде Томской губернии местными властями о создании своего временного революционного суда, где закреплялись следующие характеристики этого суда:

- «1) Суд авторитетный, пользующийся доверием среди населения;
- 2) Суд совести, не стесненный рамками существующих статей закона;
- 3) Суд скорый, в интересах устранения проволочки времени;
- 4) Суд, равный для всех граждан населения» [3, с. 40–42].

В некоторых случаях, на местах довольно подробно регулировали содержание уголовного процесса. Так, Положением о временных революционных судах Новгородской губернии [3, с. 42–48] предусматривалось, что уголовное отделение суда состоит из председателя и двух членов, избираемых губернским исполкомом; этим же органом избирались также и десять заседателей на каждую сессию. В Положении указывалось, что «суд решает дела по совести, на основании собственного убеждения», при этом «признанного виновным суд приговаривает к наказанию, не ограничивая себя какими-либо существовавшими законоположениями, в качестве же необязательного для себя руководства, суд может пользоваться Уложением о наказаниях и Уголовным Уложением». При вынесении наказания суд обязан был входить в обсуждение вопросов вины. Положение обеспечивало право на защиту для обвиняемых, как на стадии предварительного следствия, так и в суде. Защиту общественных интересов и поддержание обвинения в суде Положение представляло одному из членов контрольно-следственной комиссии, организованной взамен упраздненной прокуратуры. Приговоры такого суда считались «окончательными и апелляции, и кассации не подлежащими». Кроме того, после революции кое-где некоторое время сохранялись и дореволюционные (мировые) суды [4, с. 194].

В целях внесения единообразия в систему советских судебных и следственных учреждений большевиками 22 ноября 1917 г. был принят первый Декрет о суде [5]. Декрет предписал: «Упразднить донныне существующія общія судебныя установленія, как-то: окружныя суды, судебныя палаты и правительствующій сенатъ со всеми департаментами, военныя и морскіе суды всехъ наименованій, а также коммерческіе суды, заменяя все эти установленія судами, образуемыми на основаніи демократическихъ выборовъ. О порядкѣ дальнѣйшаго направленія и движенія неоконченныхъ делъ будетъ изданъ особый декретъ. Теченіе всехъ сроковъ приостанавливается, считаясь 25 октября с.г. впредь до особаго декрета» (мы считаем нужным сохранить орфографию оригинала).

Особое место в Декрете отводилось мировым судам. Указывалось, в частности, что действие их лишь приостанавливалось, – с заменой «мировыхъ судей, избираемыхъ донныне непрямыми выборами, местными судами въ лице постояннаго местного судьи и двухъ очередныхъ заседателей, приглашаемыхъ на каждую сессию по особымъ спискамъ очередныхъ судей. Местные судьи избираются впредь на основаніи прямыхъ демократическихъ выборовъ, а до назначенія таковыхъ выборовъ временно-районными и волостными, а где таковыхъ нетъ, уездными, городскими и губернскими Советами Раб., Солд. и Кр. Депутатовъ. Этими же Советами составляются списки очередныхъ заседателей и определяется очередь ихъ явки на сессию». При этом подчеркивалось, что «прежніе мировые судьи не лишаются права, при изъявленіи ими на то согласія, быть избранными въ местные судьи какъ временно Советами, такъ и окончательно на демократическихъ выборахъ».

Декрет определял компетенцию местных судов: они могли решать все гражданские дела «ценою до 3000 р. и уголовные дела, если обвиняемому угрожает наказание не свыше 2 лет лишения свободы и, если гражданский иск не превышает 3.000 р. Приговоры и решения местных судов окончательны и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат. По делам, по коим присуждено денежное взыскание свыше 100 р. или лишение свободы свыше 7 дней, допускается просьба о кассации. Кассационной инстанцией является уездный, а в столицах – столичный съезд местных судей» Для разрешения уголовных дел на фронтах местные суды тем же порядком должны были избираться полковыми советами, а где их не было – полковыми комитетами.

Декретом предусматривалось и создание специальных судебных-следственных учреждений для борьбы с контрреволюцией – революционных трибуналов, представлявших собой, по сути, политические суды и носившие временный характер. В п. 8 Декрета указывалось (здесь мы также оставляем первоначальную орфографию документа): «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц, учреждаются рабочие и крестьянские Революционные Трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых Губернскими или Городскими Советами Р., С. и Кр. Депутатов. Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии. Все следственные комиссии, донныне существовавшие, отменяются с передачей их дел и производств во вновь организуемые при Советах следственные комиссии».

Так, первоначальный проект Инструкции для Московского революционного трибунала, по воспоминаниям Д.И.Курского, «был набросан товарищем Покровским, который тогда непосредственно работал в Московском Совете и, как историк, был хорошо знаком с организацией трибуналов Великой французской революции» [6, с. 72]. И действительно, этот акт выдержан в духе французских революционных актов времен конца XVIII в. Впервые четко фиксировалось, что революционный трибунал определяет виновным меры наказания, «руководствуясь своим революционным правосознанием». Далее, в Инструкции Московскому революционному трибуналу излагались наказания, которые он мог применять: денежный штраф, лишение свободы, удаление из Москвы, объявление виновного врагом народа и лишение его политических прав, секвестр или конфискация имущества виновного. Здесь, как видно, в уголовно-процессуальный акт включены нормы материального уголовного права. Такое положение, вряд ли, можно считать необычным – дело в том, что при условии законодательного вакуума власть пыталась установить, хотя бы, минимально необходимые правовые нормы для отправления правосудия, и без определения мер наказания обойтись было нельзя, поскольку отдача этого вопроса на усмотрение самого трибунала слишком бы сильно противоречила сложившемуся соотношению уголовно-процессуального и уголовно-материального права. Этот акт был использован НКЮ в разработке соответствующих актов для всей Республики.

В целом, основными принципами новых судов провозглашались:

- избираемость судей и членов следственных комиссий Советами, широкое участие в работе судов и следственных комиссий народных представителей;
- гласность и публичность судопроизводства;
- полное равноправие сторон в судебном процессе, достигавшееся отменой особых прав, которые имела раньше обвинение (прокуратура) в процессе дознания, следствия и суда;
- общественным обвинителем и общественным защитником мог быть каждый из присутствующих на суде неопороченных граждан;
- допущение защиты со стадии предварительного следствия;
- коллегиальность в решении вопросов предварительного следствия и судебного процесса.

Следует заметить, что первоначальный проект Декрета был разработан НКЮ менее чем за неделю. Столь короткие сроки объяснялись тем, что левым эсерам, которые согласились войти в состав коалиционного с большевиками правительства, должен был быть НКЮ, и большевики спешили провести по новой судебной системе свою позицию.

Суть разногласий была в следующем. По мнению левых эсеров, «новое, освобожденное народное сознание не может мириться с устарелыми формами отправления правосудия», и невозможно использовать дореволюционное законодательство, которое «не отвечает ни пониманию, ни требованиям, ни сознанию народа» [7, с. 5]. Однако полностью отказаться от всех

институтов дореволюционной судебной системы они не считали нужным. Соответственно, предлагалось упразднить лишь отдельные судебные структуры, такие как сенат, судебные палаты, военный суд и др., но оставить в неприкосновенности мировой суд, кадровый состав которого был существенно обновлен и пользовался доверием народа. Большевики считали необходимым упразднить все судебные органы и отстаивали идею о создании единого местного суда, который бы состоял из трудящихся и рассматривал в качестве суда первой инстанции все без исключения гражданские и уголовные [3, с. 103–104]. Левые эсеры, исходя из сложившейся ситуации в стране, которая характеризовалась разгулом преступности, настаивали на создании окружных судов, которые должны были рассматривать более сложные категории дел. В итоге, обе точки зрения нашли нормативно-правовое закрепление.

Второе существенное разногласие (причем, не только с левыми эсерами, но уже и в самом большевистском Совнаркоме) возникло по вопросу о судьбе старых законов. Не было, судя по воспоминаниям П.И. Стучки, однозначного решения этой проблемы и у В.И. Ленина. В теоретическом плане вопрос для большевиков никакой сложности не представлял, решался просто и однозначно: смелый и решительный слом всего старого государственного (в том числе, и судебного) здания предполагал столь же смелое и решительное уничтожения всех без исключения старых законов. Однако для создания нового законодательства требовалось определенное время, и не было ясно – чем все это время будут руководствоваться судьи «из рабочих»? Тогда ввели формулировку: «Утверждаются местные рабочие и крестьянские революционные суды, руководствующиеся в своих решениях и приговорах не писаными законами свергнутых правительств, а декретами Совнаркома, революционной совестью и революционным правосознанием» [8, с. 91]. Однако такая формулировка не устраивала В.И. Ленина, который, будучи юристом, не мог, очевидно, не понимать, что при таком подходе закладывается легальная основа судебного произвола. И тогда Ленин предложил примечание о том, что отмененными признаются законы, противоречащие декретам советской власти, программам РСДРП(б) и партии эсеров.

Важным этапом в развитии советской судебной системы были разработка и принятие Декретов № 2 и 3 о суде. Второй Декрет о суде (от 07 марта 1918 г.) [9] в развитие предыдущего Декрета предусматривал создание окружных судов, и это было главным в данном правовом акте. В ст. 1 указывалось, что «для рассмотрения дел, превышающих подсудность местного народного суда, образуются окружные народные суды, члены которых избираются по округам местными Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Округа соответствуют прежним округам, но от соглашения Советов зависит изменить территорию данного округа, увеличив или сократив таковую». При этом общее собрание членов окружного народного суда устанавливало количество гражданских и уголовных отделений в составе председательствующего и не менее 2 постоянных членов в каждом. Численность суда могло быть изменена местными Советами по собственному почину или по представлению о том судебных мест. Члены суда избирали из своей среды председателя суда и председателей отделений, могли отзывать их и избирать на их места других. Избранные же члены суда, не исключая председателей, отзывались избравшими их Советами (ст. 3). Важное положение содержалось в ст. 6, согласно которой, «в целях достижения единообразия кассационной практики, учреждается в столице верховный судебный контроль». Этот орган в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными инстанциями, мог выносить обязательное толкование, предлагать законодательным органам издавать новые законы.

В научной литературе при анализе Декрета о суде № 2 обращалось внимание на двойственность в построении общих судов: система этих судов фактически делилась на две самостоятельные и обособленные друг от друга подсистемы – местные народные суды и окружные суды (каждая с самостоятельной кассационной инстанцией) [10]. Эта двойственность в организации советской судебной системы была устранена Декретом № 3 о суде, принятым 20 июля 1918 г. [11], который значительно расширил подсудность дел местным народным судам, передав на их рассмотрение все дела, кроме дел о контрреволюционных преступлениях, убийствах, разбое, изнасиловании, спекуляции, взяточничестве и подделке денежных знаков (дела по этим преступлениям были подсудны революционным трибуналам). Кроме того, создавался единый кассационный суд.

Окончательное же устройство единого народного суда как основного звена судебной системы получило в Положении о народном суде от 30 ноября 1918 г. [12]. В соответствии с Положением, народные суды создавались на территории каждого района (уездного или городского) и рассматривали все гражданские и общеуголовные дела, действуя в составе народного

судьи (дела о расторжении браков и т.п.); народного судьи и двух народных заседателей; народного судьи и шести народных заседателей (в этом составе рассматривались дела об особо опасных преступлениях). Кассационные жалобы на приговоры и решения всех народных судов, действовавших в губерниях, рассматривались советом народных судей губернии. Это обеспечивало единство судебной практики в масштабах губернии [13, с. 72]. Позже было принято еще одно Положение о народном суде от 21 октября 1920 г. [14]. Согласно этому документу судьи, избранные уездными и городскими Советами, утверждались в должности вышестоящими исполкомами. Коллегиальный порядок ведения следствия упразднился. Народные следователи учреждались при городских и уездных Советах народных судей, а по важнейшим делам – при губернских советах юстиции и НКЮ.

Указанными правовыми актами была заложена основа системного уголовно-процессуального законодательства, которая будет реализована в первом УПК РСФСР от 22 мая 1922 г. В целом, уголовно-процессуальное (судебное) законодательство на первом этапе функционирования советской власти складывалось с учетом фундаментальных процессуальных норм, имевших место как до революции в России, так и в других европейских странах. Вместе с тем, были созданы революционные трибуналы, являвшиеся чрезвычайными судебными органами и выпадавшие в этой связи из общей судебной системы. На волне революционного романтизма создавались также местные суды с особыми полномочиями и «окончательными» решениями, однако довольно быстро этот процесс был централизован.

Судебное право первых месяцев советской власти явно опережало принятие актов материального права (гражданского, административного, уголовного и др.), в результате чего, следователям и судьям предписывалось руководствоваться «революционным правосознанием». В практике, такой подход создавал условия для произвола, и уже тогда, в самом начале советской власти, прогрессивные, сами по себе, процессуальные нормы в абсолютном большинстве не выполнялись, и суды принимали «нужные» советской власти решения, поскольку реальной независимости судов, формируемых исполкомами Советов, то есть, исполнительной властью, не было, и судебные процессы в период репрессий являются наглядным тому подтверждением. Этому способствовала также, параллельное действовавшая и имевшая внесудебные полномочия ВЧК, очень быстро вогнавшая в страх все советское общество. ВЧК также представляла исполнительную власть. В дальнейшем, уже после смерти И.В. Сталина, зависимость судов от исполнительной власти несколько уменьшилась, но до самого распада СССР суды так и не обрели той независимости, которая декларировалась в различных законах, в том числе в Конституциях. Не преодолен этот негатив и до настоящего времени.

Литература:

1. СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 1.
2. Герцензон А.А. История советского уголовного права / Герцензон А.А. [и др.]. М., 1947. С. 101.
3. Материалы НКЮ. 1918. Вып. 2. С. 40–42.
4. Воронцов С.А. Правоохранительные органы Российской Федерации: История и современность. Ростов-н/Д., 2001. С. 194.
5. Декрет «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
6. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1948. С. 72.
7. Шрейдер А. Народный суд. М., 1918. С. 5.
8. Стучка П.И. Революционная роль советского права. М., 1934. С. 91.
9. Декрет № 2 «О суде» от 07 марта 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 26.
10. Портнов В.П. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990; Суд в СССР / В.П. Портнов, М.М. Славин; Под ред. Л.Н. Смирнова, В.В. Куликова, С.Г. Банникова, В.М. Савицкого, Х.Б. Шейнина. М., 1977. С. 71.
11. Декрет № 3 «О суде» от 20 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 52.
12. Положения о народном суде от 30 ноября 1918 г. Российской социалистической федеративной советской республики // СУ РСФСР. 1918. № 85.
13. Суд в СССР / Под ред. Л.Н. Смирнова, В.В. Куликова, С.Г. Банникова, В.М. Савицкого, Х.Б. Шейнина. М., 1977. С. 72.
14. Положение о народном суде от 21 октября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 70.

Literature:

1. SU RSFSR. 1917. № 1. Art. one.
2. Herzenzon A.A. and others. The history of Soviet criminal law. M., 1947. P. 101.
3. Materials NKU. 1918. Vol. 2. P. 40–42.
4. Vorontsov S.A. The law enforcement agencies of the Russian Federation: history and modernity. Rostov-on/D., 2001. P. 194.
5. Decree «On Court» № 1 dated November 24, 1917 // SU RSFSR. 1917. № 4. Art. 50.
6. Kursky D.I. Selected articles and speeches. M., 1948. P. 72.
7. Schreder A. People's Court. M., 1918. P. 5.
8. Stuchka P.I. The revolutionary role of Soviet law. M., 1934. P. 91.
9. Decree № 2 «On Court» dated March 7, 1918 // SU RSFSR. 1918. № 26.
10. Portnov V.P. Formation of justice of Soviet Russia (1917–1922). M., 1990; Court in the USSR / V.P. Portnov, M.M. Slavin; Ed. L.N. Smirnova, V.V. Kulikova, S.G. Bannikova, V.M. Savitsky, H.B. Sheynina. M., 1977. P. 71.
11. Decree № 3 «On Court» of July 20, 1918 // SU RSFSR. 1918. № 52.
12. Regulations on the People's Court of November 30, 1918. The Russian Co-Calicist Federal Soviet Republic // SU RSFSR. 1918. №85.
13. Court in the USSR / Ed. L.N. Smirnova, V.V. Kulikova, S.G. Bannikova, V.M. Savitsky, H.B. Sheynin. M., 1977. P. 72.
14. Regulations on the People's Court of October 21, 1920 // SU RSFSR. 1920. № 70.

**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СФЕРЫ БАНКРОТСТВА В РОССИИ.
ИТОГИ ПЕРВЫХ 20 ЛЕТ XXI ВЕКА**

**CRIMINALIZATION OF THE SPHERE OF BANKRUPTCY IN RUSSIA.
RESULTS OF THE FIRST 20 YEARS OF THE XXI CENTURY**

Чапурко Татьяна Михайловна

доктор политических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина»
chapurko@mail.ru

Chapurko Tatiana Mikhailovna

Doctor of Political Science,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor of FGBOU VO
«Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilin»
chapurko@mail.ru

Белова Светлана Леонидовна

аспирантка,
ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина»
usk-belova@mail.ru

Belova Svetlana Leonidovna

Graduate Student,
FGBOU VO
«Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilin»
usk-belova@mail.ru

Расцветаева Оксана Анатольевна

аспирантка,
ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина»
rastsvetaeva77@mail.ru

Rastsvetaeva Oksana Anatolyevna

Graduate Student,
FGBOU VO
«Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilin»
rastsvetaeva77@mail.ru

Аннотация. Криминологический анализ в данной статье, по своей сути, является социолого-правовым научным исследованием и ставит перед собой задачи по выявлению отдельных (типовых) преступных схем и криминальных явлений (процессов), широко распространившихся в обществе и, в частности, в сфере банкротства за последние 20 лет. Авторами отмечаются современные типовые характеристики личности преступника и преступных образований, причин и условий криминализации общества. В результате проведенного исследования авторами предлагаются основные направления проблематики предупреждения преступности.

Ключевые слова:

криминальное банкротство, криминализация экономики, эволюция организованной преступности, социальный регресс, криминальные схемы в банкротстве, криминология.

Annotation.

The criminological analysis in this article is inherently a sociological and legal scientific study and sets itself the task of identifying individual (typical) criminal schemes and criminal phenomena (processes) widespread in society and, in particular, in the field of bankruptcy over the past 20 years, the modern typical characteristics of the personality of the criminal and criminal formations, the reasons and conditions for the criminalization of society are noted, as a result of the study, the authors discuss the main areas of crime prevention.

Keywords:

criminal bankruptcy, criminalization of the economy, evolution of organized crime, social regression, criminal schemes in bankruptcy, criminology.

Сфера банкротства поражена типичными патологическими процессами, как и вся сфера экономических отношений в современной России, о криминализации которой написано немало научных статей.

В настоящей статье используется понятие «криминализация», которое достаточно емко раскрыл И.М. Клеймёнов, он предлагает понимать это явление как процесс проникновения преступности в ткань общественных отношений, а в более конкретном смысле как социально регрессивный эволюционный процесс, организуемый криминальными образованиями нового типа (ИДМ-преступностью), реализуемый противоправными средствами, создающими множество глобальных угроз и угроз национальной безопасности, нацеленный на получение сверхприбыли [1, с. 200–207]. Как видно из данного понятия – это управляемый процесс и значит, есть и его акторы.

А.С. Овчинский в своих трудах обосновывает концепт интрузивно-деструктивно-мимикрийной (ИДМ) преступности, которую представляет актором криминализационного процесса и новым объектом криминологических исследований. Новый вид субъекта процесса криминализации принципиально отличается от классической организованной преступности:

- во-первых, тем, что является, в определенной мере, порождением системы, сложившихся в обществе правовых, экономических и политических отношений, включая распределение властных и управленческих полномочий, как в высших эшелонах власти, так и во властных структурах всех уровней;

- во-вторых, используя властные и управленческие полномочия, создает такие экономические и политические отношения в обществе, которые способствуют увеличению и совершенствованию механизмов криминального обогащения;

- в-третьих, использует подчиненную информационную среду для внедрения механизмов непризнания общественно опасной деятельности преступной;

- в-четвертых, в отличие от классического типа, который занимается запрещенными видами деятельности, новый тип ИДМ-преступности создает правовые и экономические условия для получения сверхприбыли, уклоняясь от ответственности;

- в-пятых, в отличие от теневой экономики, которая создает товары и предоставляет услуги, новый тип преступности фактически занимается хищением бюджетных средств и средств внебюджетных фондов;

- в-шестых, извлекает сверхприбыль путем разрушения реального сектора экономики;

- в-седьмых, новый вид преступности эффективно использует инструментарий уголовно-правовой декриминализации и целенаправленной амнистии [2, с. 75–77].

В.А. Номоконов еще в 2012 году пишет о том, что отечественная политика «декриминализации» превращается в свою противоположность:

Во-первых, потому что государственное воздействие на преступность совершенно неадекватно складывающейся криминальной ситуации; он ссылается на статистику соотношения количества сообщений и заявлений о преступлениях к количеству зарегистрированных преступлений и к количеству возбужденных дел от общего числа сообщений и зарегистрированных заявлений (на 2011 г. сообщений о преступлении 24,6 млн, из них зарегистрированных заявлений – 2,4 млн, доля возбужденных дел из общего количества сообщений и заявлений о преступлениях – 8 %). При этом автор выявил парадоксальную картину, где при ежегодном росте сообщений о преступлениях выявлено упорное снижение правоохранительными органами числа зарегистрированных преступлений, а также, снижение доли возбужденных уголовных дел.

Во-вторых, как уголовная политика, так и уголовное законодательство, до наших дней лоббируются коррумпированными чиновниками, поскольку изменения в УК РФ как на 2012 год, так и в последние годы вызывают всё большее недоумение учёных и практиков. В качестве примеров В.А. Номоконов приводит, произошедшую в 2003 г. отмену конфискации как меры наказания, и допустимость условного осуждения при назначении наказания в виде лишения свободы на длительные сроки (чему нет аналогов в мировой практике). Это – и более поздняя отмена нижних пределов санкций во многих статьях УК и др. Это, наконец, и декриминализация товарной контрабанды в декабре 2011 г., наделение судов правом самостоятельно (нонсенс!) определять категорию преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ) и т.д. Также, приводятся примеры не только коррумпированности ряда норм УК РФ, но и об их общей криминогенности [3, с. 48–57].

Петербургские криминологи все чаще обращают внимание на криминальную практику борьбы с преступностью, когда государство в лице сотрудников правоохранительных органов всё чаще втягивается в разнообразные схемы преступного поведения - рейдерские захваты, в том числе, через криминальное банкротство и мошеннические схемы, «крышевание» незаконной деятельности, фабрикация уголовных дел и т.п. [4, с. 16].

В 2010 г. председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин указывал на реальную угрозу конституционному строю в виду сращивания власти и криминала по модели, которую сейчас называют «кущевской», что уже перестает быть явлением уникальным, и в случае завершения процесса оформления такой патологии в полной мере, наше государство перестанет быть криминализованным и станет криминальным [5]. Одним из примеров такого процесса может быть, установленный в ходе расследования «кущевского» беспредела следственными органами, факт явного и системного и безнаказанного покровительства преступников со стороны правоохранительных органов и органов прокуратуры. Другой факт – расформирование в 2007 году управления по борьбе с организованной преступностью и налоговой полиции, в результате чего был утрачен накопленный колоссальный опыт и не востребованы профессионалы в деле борьбы с оргпреступностью. В стране создана «исполнительная вертикаль» или «управляемая демократия». Коррупция и отсутствие верховенства закона делает режимы преступными.

Аналогичные выводы содержатся в исследованиях Г.П. Харчилавы, который делает вывод о возникновении новой социально-экономической реальности, заключающейся в формировании устойчиво воспроизводящейся системы высоко-криминализованных отношений [6, с. 3].

А.В. Галянин выделяет институт экономической преступности, формулируя его как постоянно воспроизводящиеся деструктивные неформальные отношения и оппортунистические действия институциональных акторов, направленные на реализацию собственных интересов, связанных с нарушением установленных государством правил и норм [7, с. 5, 9].

Л.М. Тимофеев и И.М. Клямкин говорят о «формировании теневого порядка, существующего параллельно официальному и во многом вопреки ему...» [8, с. 595]. Зафиксирован также преобладающий тип сознания – морально-репрессивный, что может стать ограничителем экономико-правовых стратегий борьбы с «тенью». Но, предлагаемые в данном труде либеральные рецепты решений, авторами данной статьи не поддерживаются.

В западной традиции, которая утвердилась и в российской науке, под неформальной (теневой) экономикой понимают агрегированный феномен как противоправных, так и внеправовых хозяйственных трансакций во всем их разнообразии, включая блат и коррупцию.

Для криминологического исследования сферы банкротства важно понимать, что главной приметой современной России определяется то, что всякая демаркация между теневой и легальной деятельностью в ней условна.

По мнению авторов, криминальное банкротство – это один из секторов теневой экономики, а Л.А. Орлова относит его к специфическому виду мошенничества, завуалированному под гражданское правонарушение [9, с. 167–171]. Особенно цинично на этом фоне выглядит беспрецедентное использование таких схем организациями с государственным участием, как, например, оборонный комплекс Спецстрой. Деятельность этой структуры с 2011 года сопровождается постоянными коррупционными скандалами, ущерб государству оценивается в миллиарды рублей, при этом Спецстрой создан для обеспечения национальной безопасности – это крупнейшая госорганизация в области специального строительства в Российской Федерации. Главными заказчиками компании являются Минобороны России, Роскосмос и Росатом. Компания возводит объекты оборонного назначения – от жилья для военных до ядерных комплексов и космодромов. Привлекая поставщиков для поставки оборудования для строительства через обязательные тендеры, которые, к слову, и сами являются криминогенным явлением, поскольку достаточно часто проводятся через картельный сговор заинтересованных участников тендера, Спецстрой фактически обрек сотни тысяч отечественных компаний на невозвратную кредиторскую задолженность по добросовестно произведенным поставкам в пользу Спецстроя. Общая сумма ущерба всей структуры Спецстрой перед кредиторами оценивается в сотни миллиардов рублей. Не редко пострадавшие компании в последствие и сами становятся должниками в деле о банкротстве.

В первую очередь, обратим внимание на тот факт, что только однажды удалось возбудить дело о банкротстве ГУП «Спецстрой» Министерства строительства Чеченской Республики (дело № А77-993/2010), где беспрецедентным стал также и факт обращения кредиторов в рамках дела о банкротстве с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности в качестве контролирующего должника лиц Правительства РФ, Министерства финансов РФ, Министерства экономического развития РФ, Правительства Чеченской Республики, Министерства финансов Чеченской Республики, Министерства имущественных и земельных отношений Чеченской Республики, Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Чеченской Республики. Понятно, что в нынешней действительности получить объективную оценку обстоятельствам данного дела со стороны судебных органов невозможно. В данном случае,

суд формально указал на недоказанность факта наличия указаний со стороны ответчиков обособленного спора руководителям предприятия по заключению контрактов, исполнение которых привело к банкротству должника. Здесь происходит существенная подмена понятий при правовой квалификации: к банкротству привело не заключение контрактов с внешними кредиторами, а факт непоступления оплаты кредиторам по осуществленным поставкам, но, поскольку суд не ставит перед собой задачу установить факт исчезновения со счетов должника, выделенных Федеральным бюджетом средств на оплату таких поставок, то формализм становится эффективным способом разрешения данного спора.

В последующие семь лет происходит значительная эволюция защитных нормативно-правовых механизмов. Так, в более поздней попытке кредиторов признать банкротом аналогичную организацию ФГУП ГВСУ № 14, исполнительные органы власти уже действуют более слажено и создают правовые условия, при которых ни признать банкротом, ни привлечь к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц уже не удастся (дело № А40-243006/2017).

Механизм прост: приказом соответствующего госоргана организация-должник включается в реестр субъектов естественных монополий, в отношении которых осуществляются государственные регулирование и контроль, в связи с чем, при рассмотрении заявления о признании его несостоятельным (банкротом) подлежат применению правила параграфа 6 Главы IX (Банкротство субъектов естественных монополий) Закона о банкротстве. Дело о банкротстве юридического лица, являющегося субъектом естественной монополии, может быть возбуждено арбитражным судом только после вынесения акта судебного пристава-исполнителя в порядке статьи 46 Закона об исполнительном производстве, что делает процедуру банкротства крайне не эффективной для внешних кредиторов и, одновременно, крайне эффективной для подразделения госструктуры, которая бесперебойно продолжает осуществлять свою хозяйственную деятельность, защищенная необходимыми криминальными нормативно-правовыми механизмами.

С одной стороны, организация, обеспечивающая безопасность строительства режимных объектов федерального значения, обязана быть в статусе естественной монополии, тем самым обеспечивать высокий уровень безопасности возводимого объекта, но на практике того же Спецстроя, фактически, происходит передача основной части объемов работ (до 70 %) обычным подрядчикам, а в случае с космодромом «Восточный», еще и фирмам-однодневкам, и фирмам, которые даже не обладали соответствующим допуском СРО, через которые выводятся бюджетные средства в пользу коррупционеров. В результате такой схемы выполнения возложенных государством функций на Спецстрой возникает вопрос к безопасности такого строительства и целесообразности включения такой организации в реестр субъектов естественной монополии и, конечно, вопрос к государственным органам об отсутствии нормативно-правовых механизмов профилактики такой коррупционной схемы вывода бюджетных средств в немыслимых масштабах.

Еще одной русской национальной особенностью стало рейдерство. Данное криминогенное явление ни в одной стране больше не получило такого широкого распространения. Рейдеры используют процедуры банкротства как эффективный инструмент для достижения преступной цели. Необходимо отметить, что криминогенные характеристики этого явления не закреплены в уголовном законе в качестве преступного деяния, что существенно затрудняет привлечение к уголовной ответственности за деструктивные криминальные действия, фактически наносящие серьезный вред социальной стабильности, экономической безопасности и защищенности частных форм собственности в современной России, позиционирующей себя как правовое государство.

Все перечисленные социально-экономические патологии стали неотъемлемой частью криминогенных явлений в сфере банкротства. За последние 20 лет произошел тотальный уход «в тень» многих социальных явлений, включая сферу банкротства, появилось «теневое» государство, «теневое» право, «теневая» юстиция и т.п., играющие по своим - неформальным, но жестким – правилам. Как заключил Номоконов В.А., именно эти теневые процессы продолжают разрушение российской государственности. Официальная статистика все меньше отражает криминальные реалии, а преступность не только виртуализируется за счет применения высоких технологий, но и, в целом, становится все более скрытой, латентной. Сегодня коррупция – одна из главных угроз национальной безопасности, и ее источник находится в сложившейся политической системе [3].

А.И. Долгова пишет о серьезном расколе на «легальное» и альтернативное «теневое» общество, о наличии не только теневой власти, экономики и права, но и теневой идеологии, теневых социальных сил [10, с. 3], в чем и заключается ущербность социума и проблема эффективной борьбы с преступностью.

Только всесторонняя и системная декриминализация общества способна обеспечить эффективную борьбу с преступностью и привести к гармонизации общества, устойчивому и сбалансированному социально-экономическому развитию, обеспечению высокого уровня жизни населения и социальной консолидации и, конечно, требуется формирование и реализация адекватной государственной правовой политики.

Приоритетным является для государства определение системы высших ценностей, формирование идеологии на основе высших ценностей и выстраивание всех систем государства и общества в соответствии с этими ценностями. Исторически сложившийся в нашей стране антагонизм к понятию «государственная идеология» уже утратил свою исключительно эмоциональную окраску. США и европейские государства имеют четко сформулированные принципы своего существования и развития, а слепой страх снова оказаться под гнетом, какой бы то ни было, идеологии, а также, безнравственные социал-дарвинистские настроения, в результате, привели к четко устоявшейся теневой потребительской идеологии в России, противопоставленной эффективной системной борьбе с преступностью.

Масштабное измерение динамики психологических характеристик населения страны за период с 1981 по 2011 г., проведенное Институтом психологии РАН, показало существенную нравственную деградацию общественного сознания, выразившуюся в массовом росте агрессивности, алчности, враждебности, беспринципности и т.д. [11, с. 424].

В современной криминологии активно обсуждаются вопросы и предложения концепта нравственного государства и нравственной личности [12, с. 29–38], поскольку только нравственное государство способно заботиться о формировании духовно-нравственного облика граждан, осознающих приоритет духовного начала в стратегии своей личной судьбы – это единственный облик позитивной криминологии будущего. Сложно не согласиться с постановкой проблемы «нравственного государства», сформулированной авторами книги «Нравственное государство. От теории к проекту» [11], как правило, правильно поставленный вопрос уже содержит половину ответа. Эта тема однозначно требует дискуссии.

Литература:

1. Клеймёнов И.М. Криминализация общественных отношений / И.М. Клеймёнов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3(36).
2. Овчинский А.С. Информационное воздействие и организованная преступность. М. : ИНФРА-М, 2007.
3. Номоконов В.А. Преступная «декриминализация» / В.А. Номоконов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб», 2012. № 3(26).
4. Шестаков Д.А. Преступный закон как парадокс криминологии закона / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1(20).
5. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. 2010. 10 декабря.
6. Харчилава Г.П. Экономические аспекты криминального бизнеса и возможности его ограничения : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2003.
7. Галянина А.В. Институты экономической преступности в системе теневой экономики: особенности формирования и направления ограничения : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Саратов, 2010.
8. Клямкин И.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование / И.М. Клямкин, Л.М. Тимофеев. М. : РГГУ, 2000.
9. Орлова Л.А. Криминальное банкротство – сектор теневой экономики / Л.А. Орлова // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 4.
10. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.
11. Нравственное государство. От теории к проекту / С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, М.В. Вилисов, М.С. Нетесова, Е.Г. Пономарева, Е.С. Сазонова, В.И. Спиридонова; Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М. : Наука и политика, 2015.
12. Номоконов В.А. Криминология будущего – позитивная криминология? / В.А. Номоконов, Т.М. Судакова // Lex Russica. 2018. № 9(142).

Literature:

1. Kleymenov I.M. Criminalization of public relations / I.M. Kleymenov // Bulletin of Omsk University. Series «Right». 2013. № 3(36).
2. Ovchinsky A.S. Information impact and organized crime. M. : INFRA-M, 2007.
3. Nomokonov V.A. Criminal «decriminalization» / V.A. Nomokonov // Criminology: yesterday, today, tomorrow. NP «St. Petersburg International Criminological Club», 2012. № 3(26).
4. Shestakov D.A. Criminal law as a paradox of criminology of law / D.A. Shestakov // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2011. № 1(20).
5. Zorkin V. Constitution against crime / V. Zorkin // Rossiyskaya Gazeta. 2010. December 10.
6. Kharchilava G.P. Economic aspects of criminal business and the possibility of its limitation : abstract dis. ... candidate of Economic Sciences. M., 2003.
7. Galyanina A.V. Institutions of economic crime in the system of the shadow economy: features of the formation and directions of restriction : abstract dis. ... candidate of Economic Sciences. Saratov, 2010.
8. Klyamkin I.M. Shadow Russia: an economic and sociological study / I.M. Klyamkin, L.M. Timofeev. M. : RGGU, 2000.
9. Orlova L.A. Criminal bankruptcy – a sector of the shadow economy / L.A. Orlova // Gaps in Russian legislation. 2018. № 4.
10. Dolgova A.I. Crime, its organization and criminal society. M., 2003.
11. Moral state. From theory to project // S.S. Sulakshin, V.E. Bagdasaryan, M.V. Vilisov, M.S. Nete-sova, E.G. Ponomareva, E.S. Sazonova, V.I. Spiridonova; Under general revision S.S. Sulakshina. M. : Science and Politics, 2015.
12. Nomokonov V.A. Criminology of the future – positive criminology? / V.A. Nomokonov, T.M. Sudakova // Lex Russica. 2018. № 9(142).

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE UNITED NATIONS IN ADDRESSING THE GLOBAL CHALLENGES OF OUR TIME

Штурба Евгений Викторович

доктор исторических наук,
профессор,
Швеция
Milena.555@mail.ru

Evgeny V. Sturba

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Sweden
Milena.555@mail.ru

Аннотация. Выделение проблемы сотрудничества России и ООН в самостоятельную тему исследования связано с тем, что Организация Объединенных Наций не только занимает центральное место в системе межгосударственных организаций, но и играет исключительную роль в современном международно-политическом развитии. Воздействие ООН на современные международные отношения весомо и многогранно. ООН является самым представительным форумом для дискуссий между государствами по актуальным проблемам международного развития. ООН также наделена исключительно важной компетенцией решать вопросы войны и мира, в том числе, и путем использования вооруженной силы.

Ключевые слова:

Организация Объединенных Наций, межправительственные организации, Совет безопасности ООН, Генеральная ассамблея ООН, Российская Федерация.

Annotation.

The importance of the problem of cooperation between Russia and the UN in an independent topic of study is due to the fact that the United Nations not only takes a central place in the system of interstate organizations, but also plays an exceptional role in modern international and political development. The impact of the UN on contemporary international relations is significant and multifaceted. The UN is the most representative forum for discussions among nations on pressing issues of international development. The United Nations also has an extremely important responsibility to deal with issues of war and peace, including through the use of armed force.

Keywords:

United Nations, intergovernmental organizations, UN Security Council, UN General Assembly, Russian Federation.

Выделение проблемы сотрудничества России и ООН в самостоятельную тему исследования связано с тем, что Организация Объединенных Наций не только занимает центральное место в системе межгосударственных организаций, но и играет исключительную роль в современном международно-политическом развитии. Созданная в 1945 г. как универсальная международная организация, имеющая своей целью поддержание мира и международной безопасности и развитие сотрудничества между государствами, ООН объединяет в настоящее время 185 стран мира. Воздействие ООН на современные международные отношения весомо и многогранно. Оно определяется следующими основными факторами:

ООН является самым представительным форумом для дискуссий между государствами по актуальным проблемам международного развития.

– Устав ООН является фундаментом современного международного права, своего рода общепризнанным кодексом поведения государств и их взаимоотношений; по нему сверяют другие международные договоры и соглашения.

ООН сама стала важным механизмом международного нормотворчества и занимает совершенно особое место среди других организаций – источников международного права. По инициативе и в рамках ООН заключены сотни международных конвенций и договоров, регулирующих положение дел в самых разнообразных сферах общественной жизни.

В принципах построения ООН (прежде всего, в предоставлении особого статуса постоянным членам Совета Безопасности) нашли свое отражение объективные реалии международно-политической системы, а их изменение стало главным стимулом для ведущейся работы по реформированию этой организации.

Под сенью ООН существует большое число межправительственных организаций, осуществляющих регулирование международной жизни в рамках своего функционального предназначения.

ООН наделена исключительно важной компетенцией решать вопросы войны и мира, в том числе, и путем использования вооруженной силы.

Как известно, штаб-квартира ООН находится в Нью-Йорке, где размещены пять из шести ее главных органов. В Генеральной Ассамблее ООН:

- каждое государство имеет один голос;
- она собирается на свои регулярные сессии ежегодно, а также на специальные и чрезвычайные сессии (всего их было 29);
- решения по повестке дня (которая насчитывает более 100 вопросов) принимаются простым большинством голосов и не обязательны для государств-членов, но рассматриваются как мнение мирового сообщества и в этом смысле имеют значительный моральный авторитет. (За время своей деятельности Генеральная Ассамблея приняла свыше 10 тыс. резолюций.)

Совет Безопасности состоит из 15 членов; 5 из них – постоянные (Россия, США, Великобритания, Франция и Китай), остальные избираются Генеральной Ассамблеей на два года.

Все решения ООН принимаются большинством в 9 голосов из 15, включая совпадающие голоса всех постоянных членов (которые, таким образом, обладают правом вето). При рассмотрении вопросов, связанных с возникновением угрозы международному миру, Совет Безопасности обладает исключительно широкими правами, включая право вводить экономические санкции и принимать решение о применении вооруженных сил.

Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС) занимается экономическими и социальными вопросами в рамках ООН, организуя обсуждение соответствующих проблем, выработывая рекомендации для государств-членов, проводя исследования, подготавливая доклады, созывая конференции и т.п. В его состав (ежегодно обновляемый на одну треть) входят 54 государства-члена, избираемые Генеральной Ассамблеей.

Совет по опеке был создан для того, чтобы содействовать продвижению к самоуправлению и независимости 11 подопечных территорий, существовавших к моменту образования ООН; в 1994 г. последняя из них (Папуа, находившаяся под опекой США) обрела независимость, и функционирование этого органа было фактически приостановлено. Секретариат выполняет административные функции, состоит из более, чем 15 тыс. человек, являющихся гражданами примерно 170 стран, и возглавляется Генеральным Секретарем ООН, который играет важную политическую роль в деятельности организации и назначается Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности [1, с. 224].

Международный Суд размещается в Гааге (Нидерланды) и состоит из 15 судей, избираемых Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности на девятилетний срок по критериям компетенции, а не национально-государственной принадлежности. Сторонами в Суде могут быть только государства и только на добровольной основе; в этом случае его решения для них обязательны. Государство может сделать специальное заявление о признании юрисдикции Суда обязательной, даже и не будучи стороной в споре (такие заявления сделали свыше 60 государств, хотя во многих случаях с существенными оговорками). За время существования Суда на его рассмотрение было передано свыше 70 споров между государствами и запрошено свыше 20 консуль тативных заключений. В «семью» Организации Объединенных Наций входят 14 специализированных учреждений ООН межправительственных организаций универсального характера, имеющих специальное функциональное предназначение. К числу этих организаций могут быть добавлены еще четыре, которые официально не имеют статуса специализированных учреждений, но действуют под эгидой ООН или на основе специальных соглашений с ней. Имеются в виду Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Программа развития ООН (ПРООН), Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) Некоторые из них возникли задолго до создания ООН: Международная Организация Труда существует с 1919 г.; Всемирный Почтовый Союз – с 1874 г.; Международный Союз Электросвязи – с 1865 г.

С точки зрения масштабы воздействия на современные международные отношения имеет смысл особо отметить Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк

реконструкции и развития (МБРР), которые играют исключительно важную роль в координации валютно-финансовой политики государств - членов, предоставлении кредитов и займов и т.п.

Также, следует выделить Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), наделенное специальными функциями в плане нераспространения ядерного оружия. В эпоху биполярного противостояния на международной арене эффективность деятельности ООН часто оказывалась невысокой. Политическая, военная и идеологическая конфронтация двух сверхдержав и их союзников нередко оказывала парализующее воздействие на деятельность основных структур и институтов ООН. С окончанием холодной войны возник мощный импульс для активизации ООН и ее превращения в действенный механизм организации международной жизни. Особое значение приобрели усилия ООН по поддержанию мира.

Если за первые четыре десятилетия своего существования ООН осуществила 14 различных миссий и операций с направлением наблюдателей, посредников или военного персонала в районы конфликтов, то, начиная с 1988 г., были инициированы 33 миротворческие акции. Пик активности в этой области пришелся на 1995 г., когда общее число, задействованного в миротворческой деятельности ООН персонала, составило почти 70 тыс. человек (включая 31 тыс. военнослужащих) из более чем 70 стран.

Неядерные государства – участники Договора о нераспространении ядерного оружия (1968 г.) должны заключать с МАГАТЭ специальные соглашения о контроле за своей деятельностью в области мирного использования ядерных материалов и оборудования. Возникшая в результате система «гарантий МАГАТЭ», охватывает почти 80 государств; под контроль агентства поставлено свыше 900 ядерных реакторов и установок, использующих ядерные материалы.

Таким образом, масштаб деятельности ООН определил необходимость сотрудничества России с этой организацией. Прогресс в науке и в обществе привел к необходимости сотрудничества, т.е. – к многосторонним контактам практически во всех областях общественной жизни.

Современные международные организации правительственного характера стали прекрасным форумом для сотрудничества, они сглаживают возникающие противоречия, предотвращают возможные конфликты. Но в то же время, они – то место, где сталкиваются различные, часто взаимоисключающие концепции. Словом, современные международные организации – это современная развитая форма международного сотрудничества [2, с. 101–102].

Основная функция каждой международной организации правительственного характера должна состоять в реализации двух основных целей. Во-первых, в выявлении наличия у стран-членов схожих интересов и расширении поля этих интересов, и во-вторых, в поиске таких решений, которые служили бы интересам стран-членов [3, р. 20].

Проблемы современного мира, несомненно, должны вызвать возрастание роли и значения Организации Объединенных Наций. Эта всемирная организация с 55-летней историей как никакая другая может способствовать решению как региональных, так и континентальных и общемировых проблем. Благодаря этой организации к рассмотрению и решению национальных, локальных, региональных проблем можно подойти с более широких позиций, чем это было бы возможно в случае отдельных государств.

В настоящее время Организация Объединенных Наций является единственным международным форумом, который в состоянии не только организовать всестороннее обсуждение положения в мире, но и попытаться решить существующие проблемы планеты, потому что эта организация располагает не только специализированными агентствами, но и широкими уставными полномочиями и возможностями их осуществления. Однако организация не располагает тем, что в деле решения глобальных проблем является необходимым, а именно - средствами принуждения; она действует исключительно на основе consensus-building и, прежде всего, согласовывает действия, предпринимаемые отдельными государствами. Она не снимает проблем, а лишь сглаживает их.

Невозможно дать точную оценку международной активности ООН, ее деятельности, направленной на смягчение остроты современных глобальных проблем. Как утверждает В. Аниол, «эти трудности идут, прежде всего, от факта, что те критерии, которые используются в оценке эффективности организации с таким широким, всемирным охватом, как ООН, не поддаются количественному выражению».

Если рассмотреть деятельность международных организаций меньшего масштаба, например, региональные (...), к тому же, имеющие исключительно ограниченную компетенцию, то обоснованной нам видится оценка их эффективности, исходя из ответа на два основных вопроса: в какой степени их решения конкретны и какова степень реализации этих решений. Эффективность этих организаций тем выше, чем их решения конкретней, а реализация полнее».

Важным элементом оценки роли международных организаций в принятии решений, связывающих в правовом отношении членов этих организаций, является анализ их нормотворческих функций, ибо не все нормы, принципы, образцы, призванные регулировать поведение государств и выработанные, и принятые международными организациями, имеют характер правовых норм. Здесь возникают три группы проблем, которым можно придать форму вопросов, касающихся правового характера решений, принятых уполномоченными органами международных организаций.

Первая связана с вопросом: Являются ли решения международных организаций источниками международного права?

Вторая: имели ли органы, принимавшие решения, законотворческие компетенции в объектной сфере?

Третья: Были ли эти конкретные решения законотворческими?

Профессор К. Скубишевский считает, что международное право, как наука допускает компетенцию международных организаций в плане принятия таких решений, которые можно признать в качестве одного из источников международного права [4, р. 95]. Иного мнения придерживается проф. Р. Бежанек, утверждающий, что решения международных организаций не имеют ранга источника международного права, что можно говорить только о том, что они лишь в некоторой мере являются источниками международного права, подчеркивая, в то же время, что правовой характер решений, например, Генеральной Ассамблеи ООН, все еще является предметом научных дискуссий [5, р. 116–118].

Можно выделить несколько факторов, определяющих значимость решений, принимаемых международными органами, но, в то же время, совершенно несомненно, что предмет решения имеет вес проблемы.

Формальные решения, касающиеся процедуры обсуждения, выраженные в форме постановления, никогда не будут иметь большого значения. Ранг постановления, принимаемого международными органами, определяется тем, насколько широка его поддержка, сколько стран готовы воплощать это решение в жизнь. В числе факторов, определяющих значимость решения, следует отметить их морально - политический аспект, ибо трудно счесть «морально безупречным» решение, проголосованное вопреки всеобщему мнению международной общестственности, или же решение, принятое небольшим, формальным большинством голосов (например, только сверхдержавами, политическими группировками или государствами только одного из регионов).

Вполне очевидно, что, принятое при таких обстоятельствах решение, может вызывать сомнения. Приступая к осуществлению решений специализированной организации, государство не принимает на себя никаких новых обязательств, потому что такие решения не создают новых норм международного права. И, тем не менее, они являются важными этапами в процессе создания норм. «Процесс создания норм международного права является, прежде всего, процессом согласования воли государств. В качестве исходного элемента этого процесса можно считать обмен мнений между государствами, совещания, консультации. Процесс этот завершается только тогда, когда после выработки текста соглашения текст принимается государствами и тем самым признается ими в качестве международно-правового акта, имеющего для них обязательную силу». Поэтому важнейшим компонентом нормотворческого процесса в области международного права следует признать сознательное подчинение государства согласованному тексту данного постановления. Аналогичная ситуация имеет место и тогда, когда принятое органом международной организации решение выражено в форме многосторонней конвенции.

Норма международного права решения становятся только тогда, когда они подписаны и ратифицированы соответствующим количеством государств, указанным в итоговых решениях конвенции.

Особого внимания заслуживают работы Комиссии Международного Права ООН, направленные на кодификацию международного права [8], Принимая во внимание глобальные проблемы международных отношений, а также в связи с интернационализацией международной жизни проф. Я. Гиляс считает, что этот тематический круг невозможно охватить кодификацией, поскольку слишком сильно связан он с политикой или экономикой государств, или, например, в случае интернационализации, он должен был бы зависеть от пересмотра Устава ООН, что, в будущем, представляется невозможным из-за наличия противоречий в интересах различных государств [8].

Имеет ли постановление международного органа правовое значение, определяется в зависимости от статуса постановления, ибо не все постановления имеют характеристику обяза-

тельных в правовом отношении решений. Некоторые из них могут иметь характер рекомендаций, не имеющих юридической силы. Поэтому каждое из решений, принимаемых соответствующими органами международных организаций, и не выполненное страной-членом, влечет за собой определенные правовые последствия в виде ответственности за нарушение этой страной решений международного права.

В случае рекомендаций обязанность их выполнения страной – членом отсутствует, т.е., не следование рекомендациям организации не влечет за собой правовых последствий, и страна-член не несет ответственности в части нарушения права. Масса специализированных организаций, таких, как МОТ, ЮНЕСКО, ФАО и многие другие, имеющие потенциальные возможности в решении современных глобальных проблем, ведут деятельность, состоящую в становлении новых норм международного права. Несколько иная законотворческая деятельность отличает такие специализированные международные организации, как ВОЗ и ИКАО, потому что их деятельность определяется как внешняя регламентация (Соответствующие органы этих организаций на основании устава получают принимать решения по определенным вопросам, направленным на унификацию технических норм и введение общих стандартов). Такого рода постановления имеют свою юридическую силу без того, чтобы их ратифицировать, потому что страны-члены этих организаций через принятые и одобренные уставы как бы заранее соглашаются с обязательным характером принимаемых решений.

Здесь, однако, действует правило оговорки (возражения), состоящее в том, что данное государство (после предварительного объявления этого факта организации, в соответствии с предусмотренной в организации процедурой) может отойти от полной или частичной реализации решений. Этот факт не влечет за собой никаких последствий, что остается в полном согласии с принципом добровольности, признаваемым в правовом отношении этими организациями. Этот принцип устанавливает полную добровольность в принятии на себя странами-членами новых обязательств.

Изменения в уставах специализированных организаций в большинстве случаев производятся на основе решения общего собрания, принимаемого большинством голосов, и вступают в силу после ратификации их соответствующим большинством стран-членов. Иногда, однако, приходится отступать от принципа ратификации изменений в уставе. Речь идет о внесении в уставы незначительных поправок, не налагающих на страны-члены новых обязательств. Такие изменения имеют обязательную силу для всех стран, даже для тех, кто не голосовал за их принятие и не выразил согласия с ними в ходе ратификации. Этот последний случай можно обосновать с точки зрения права тем фактом, что страны, вступившие в организацию и будучи ее членами, соглашаются своим молчанием на внесение разного рода изменений в устав организации. В противном случае за ними всегда остается право выхода из организации, изменившийся устав которой больше не отвечает их интересам.

Впрочем, выход из организации имеет и свои минусы: на практике это означало бы добровольный отход страны от международного сотрудничества в рамках данной организации и сознательное лишение себя разнообразных выгод, связанных с сотрудничеством в рамках организации. Как справедливо заметил В. Моравецкий: «В определенном смысле, страна-член находится в ситуации нажима на нее и вынуждена выбирать между меньшим злом, состоящим в уступках не слишком считающимся с ее мнением поправкам к уставу, и большим злом, которое может представить потеря тех выгод, которые страна имела от участия в организации» [3, р. 402].

До сих пор, однако, не было случая выхода из международных организаций по причине протеста против навязывания кому-нибудь из ее членов изменений в уставе.

Из вышесказанного однозначно следует, что рекомендации, даваемые международными организациями, являются всего лишь индикаторами, которым страна-член может, но вовсе не обязана им следовать. Впрочем, формулировки этих рекомендаций имеют характер скорее информации, чем приказа. Их язык – мягкое выражение мнения, выражение надежды на то, что данной рекомендации будут следовать, обращение внимания на существующую проблему, обращение к государству, или деликатные уговоры одной из стран, предпринимаемые мощной организацией.

Россия, как и другие государства, ратифицировавшие принятые системой Объединенных Наций конвенции, была обязана соблюдать содержащиеся в этих конвенциях решения. Принятые в рамках Объединенных Наций конвенции, оказывают, как непосредственное, так и косвенное воздействие на внутренние законодательства стран-членов.

Непосредственное влияние имеет место тогда, когда, в соответствии со своим внутренним правом, государство ратифицирует конвенцию, в связи с чем, обязывает в правовом отношении соблюдать ее положения на своей территории. О косвенном влиянии мы можем говорить тогда, когда существование норм международного права оказывает позитивное воздействие на развитие внутреннего законодательства.

Все решения ООН и специализированных международных организаций имеют, как правило, характер рекомендаций. Устав ООН в статье 10, определяя компетенции Генеральной Ассамблеи, ограничивает их лишь «обсуждением всех вопросов или дел и выдачей рекомендаций членам». В Латинской Америке 8 государств ратифицировали от 121 до 180 международных конвенций. Наименьшее количество международных конвенций ратифицировали малые островные государства бассейна Карибского моря. Максимальное количество ратифицированных конвенций в Африке принадлежит Тунису (100), страны Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки ратифицировали менее 60 конвенций. Наибольшее количество конвенций у стран Азии и Африки ратифицировали страны, участвующие в движении неприсоединения (Марокко 83, Гана – 81, Индия – 80, Ирак – 77, Алжир – 77. Австралия ратифицировала 96, а Новая Зеландия – 90 конвенций [9, р. 144; 10, р. 91]). А потому, принимаемые Генеральной Ассамблеей ООН (а это – орган, не имеющий компетенции для принятия решений законодательского характера) решения не имеют такого характера.

Уточненные таким образом, они не нарушают принципов суверенного равенства стран-членов, не вызывают при этом ощущения внезапного вмешательства в суверенитет и «независимость» того государства, в отношении которого дается рекомендация. Это остается в полном соответствии с характером этих организаций, ибо главная черта международных организаций – принцип совместной координации процедуры, или совместные поиски таких решений, которые могли бы быть приняты всеми или большинством стран-членов организации при одновременном отказе от навязывания своей воли. Поэтому не подлежит сомнению факт, что международные организации имеют характер координаторов и консультантов, что, впрочем, следует из того, что их рекомендации носят характер пожеланий.

Несмотря на техническую легкость принятия решений рекомендательного характера международными организациями, они – необычно эффективное средство воздействия на поведение государств, т.к. часто приводят к «смыканию рядов» в совместных акциях стран – членов, намечают направления действий и придают необходимую форму международному сотрудничеству. В науке, занимающейся проблемами международного права, мы можем встретить точку зрения, по которой резолюции Генеральной Ассамблеи имеют обязывающий характер.

Такого рода утверждения касаются, в частности, признания некоторыми учеными Нового Международного Экономического Порядка, одобренного Генеральной Ассамблеей ООН, в качестве юридически обязывающего. Другие авторы, напротив, трактовали резолюции Генеральной Ассамблеи как «исполнительные соглашения» [10]. Не вдаваясь в теоретическое рассмотрение проблемы, следует заявить, что решения или резолюции, принятые органами международных организаций, не имеющих закрепленных в уставе правовых полномочий для принятия юридически обязывающих решений, не могут ни в малейшей степени трактоваться как юридически обязывающие. Особенно, потому что первое, место в иерархии важности занимают требующие отдельного разговора решения Совета Безопасности ООН. Они принимаются только в самых важных для всеобщего мира и безопасности случаях. Статья 24 Хартии налагает на Совет Безопасности ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Согласно этой статье, страны-члены, возложив (по принципу консенсуса) на Совет Безопасности ответственность за мир, признают, что Совет действует от имени всех членов.

Необходимость выполнения решений Совета Безопасности следует из статьи 25, гласящей: «Члены ООН будут принимать и выполнять решения Совета Безопасности» [10]. Самые большие заслуги в вопросе деятельности, касающейся решения глобальных проблем, имеет деятельность ООН в социальных сферах, особенно – связанных с экономической, демографической проблематикой и вопросами защиты и формирования природной среды человека и его здоровья [11]. Отмеченные выше проблемы входят в состав пакета, определяемого как «глобальные проблемы современности». Участие ООН проявляется в трех ипостасях: концептуально-программной, нормотворческой и оперативной [11; 12].

В 1970-е годы ООН принимала во внимание возможность предпринять так называемые «глобальные переговоры», причем понятие «глобальные» относилось к пространственному аспекту явления, не затрагивая, по сути, глобальные проблемы. Глобальные переговоры каса-

лись лишь сферы международных экономических отношений [13]. Так называемая, Программа III Декады Развития ООН и принятые на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции [14] отмечали, что глобальные переговоры должны были рассмотреть следующие проблемы: энергетическую, сырьевую, международной торговли и круг финансово-валютных проблем [4].

Отсутствие заинтересованности высокоразвитых стран в решении, представленных выше проблем, привело вместо глобальных переговоров к эскалации требований развивающихся стран [14]. Очередная социальная проблема, входящая в глобальную проблематику, касается природной среды обитания человека. Необходимость принятия решений на международном уровне, которые касались бы сотрудничества в области защиты природной среды, впервые была сформулирована в Докладе «Человек и его среда» Генерального Секретаря ООН У Тана в 1969 году. У Тан считал, что будущая система международных органов будет «глобальным властным органом», способным реализовать свои решения с помощью приданных ООН сил [15].

Дальнейшие предложения развивали содержание Доклада и делали акцент на развитии международного сотрудничества в области защиты природной среды как через расширение сферы деятельности уже имеющихся органов ООН, так и через создание новых институтов. Необходимость рационализации, по мнению Генерального Секретаря, должна привести к созданию специализированных органов – неких институтов, способных, во-первых, стабилизировать существующую систему и, во-вторых, более эффективно решать проблемы, стоящие перед государствами. Здесь можно выделить три основные функции процесса институционализации:

- 1) интеграцию участников с целью совместных предприятий;
- 2) стабилизацию группы сотрудничества;
- 3) придание правовой формы целям всей группы и целям отдельных участников [16].

Очередной инициативой в области защиты среды обитания человека была Стокгольмская конференция (1972 г.), в ходе которой впервые велась дискуссия относительно рационального хозяйственного использования природных ресурсов земли и контроля загрязнения среды. Высокоразвитые и развивающиеся страны представили на ней, так называемые, «права человеческой семьи», понимаемые как право на здоровую и удобную среду обитания, право на достаточное количество продовольствия, на жилье, на чистую воду, на общедоступность средств регулирования размера семьи. В итоговых документах, адресованных правительствам разных стран, агентствам ООН и другим международным организациям, были уточнены приоритеты, было предложено участие в конкретных мероприятиях, направленных на защиту воздушного и водного бассейнов, почвы, флоры и фауны. На основе решений Стокгольмской Конференции, в 1973 году была развернута Программа Объединенных Наций по защите Природной Среды (ШЕР). Конференцию подготовил созданный в соответствии с резолюцией 2581 (XXIV) ГА ООН от 15 декабря 1969. В комитет входили представители 27 государств. Конференция прошла 5–16.06.1972 г. и завершилась подписанием Декларации Конференции Объединенных Наций по вопросам Среды обитания человека A/CONF. 48/14, с. 2–7, и так называемый «План действий» (Action Plan). О порочной практике политизирования столь важной темы свидетельствует тот факт, что Польша и тогдашние социалистические страны в связи с недопущением ГДР к участию в Конференции не приняли в ней участия в знак протеста. Документом, определяющим систему и компетенции UNEP, является, принятая на 2112 пленарном заседании 15 декабря 1972г. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2997 (XXVII): «Организационные и финансовые мероприятия в области международного сотрудничества по вопросам окружающей среды».

Все вопросы международного сотрудничества в области защиты природной среды, решавшиеся в рамках программы 1ЖЕР, можно отнести, с одной стороны, к компетенции Генеральной Ассамблеи (ст. 13 Устава ООН), а с другой, в соответствии со ст.62 Устава ООН, к компетенции Экономического и Социального Совета (ЕСОБОБ). 01 января 1973 года Генеральная Ассамблея ООН (глава II, рез. 2997) создала Фонд Природной Среды. Резолюция предусматривала поступающее из добровольных пожертвований финансирование тех программ, которые касались проводимых в рамках ООН мероприятий, решений Стокгольмской Конференции [17].

В переданном в руки Генерального Секретаря ООН в ходе 42 Сессии Генеральной Ассамблеи ООН меморандуме, констатировалось: «Единство мира, его взаимосвязи и взаимозависимости полнее всего проявляются в природе и окружающей нас среде, сохранение которой является частью общечеловеческих усилий в создании всеобщей безопасности. Необходима

(...) разработка глобальной стратегии защиты природной среды и рационального использования природных ресурсов, которая учла бы комплекс существующих и нарождающихся экологических проблем и наметила бы конкретный план действий по их решению» [17].

Содержание этого меморандума нашло свое практическое отражение в резолюции 42 Сессии Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 7 декабря 1987 года. В преамбуле резолюция подчеркивает, что «крупные политические, экономические и социальные перемены, а также научный прогресс, имевшие место с тех пор, как была принята Устав ООН, и наиболее актуальные и острые проблемы дня сегодняшнего – ликвидация угрозы мировой войны, ядерной войны – придают растущее значение целям и принципам Устав и делают насущно необходимым эффективное их использование в политике государств» [17]. Подписанный в 1987 году в Монреале Протокол о веществах, разрушающих озоновый слой, и начавший действовать в 1989 году, предусматривал деятельность, направленную на решение проблемы разрушения озонового слоя [18]. В марте 1989 года в Базеле была подписана Конвенция о перемещении через границы опасных осадков. Совместная группа Программы по Защите Среды ООП и Международной Метеорологической Организации исследовала темп и характер происходящих климатических изменений, и их потенциальные экологические и экономические последствия, а результаты исследований были представлены на второй всемирной климатологической конференции в Лондоне в 1990 году. ООН предприняла ряд исследований, затронувших многие из ключевых экологических вопросов, в том числе и их связь с развитием.

Более того, филиалы ООН решительно стремились внедрить в программы развития вопросы защиты среды и природных ресурсов. Во второй раз после подписания Монреальского Протокола в целях скорейшего полного запрещения производства фреонсодержащей продукции в 1992 году в Копенгагене прошла конференция, назначившая 01 января 1996 года днем, когда должно быть полностью прекращено производство фреонов. Стоит отметить обязательства стран-членов Европейского Сообщества прекратить производство фреона к 1994 году. Решения Европейского Союза № 3952, Брюссель, декабрь 1992 года.

Очередная глобальная проблема, которой ООН посвящает много внимания, это современная демографическая проблема. Вовлеченность ООН в эту проблему до 1970-х годов была небольшой. Именно в 1970-е гг. произошел перелом. На состоявшейся в 1974 году конференции в Бухаресте было заявлено, что демографическая политика стала интегральной частью социально-экономической политики. Была подчеркнута необходимость сознательного материнства, при этом не устанавливались какие-либо общемировые нормы размеров семьи. Оценкой задач, намеченных во время бухарестской конференции, занялись представители разных стран на конференции в Мехико-Сити в 1984 году. Там задумались над влиянием демографических проблем на бедность, деградацию природной среды, на миграционные потоки. Одобрение получил, проводившейся ООН курс «демографической политики».

Литература:

1. Современные международные отношения. М., 2001.
2. Т. Kegel, межнациональные организации в современном мире (?) современные международные отношения, Wroclaw 1995. P. 101–102.
3. Моравецкий В. Объединенные Народы. Намерения и реальность. Варшава, 1970, P. 20.
4. Menkes J. Новый международный экономический прилавок. Правномандатное исследование. 1988. P. 95.
5. Скубишевский К. Законодательные постановления международных организаций. Пересмотр вопросов и анализ wstprna. Poznan, 1965. P. 190.
6. Bierzanek R. Международное общественное право miqcl / R. Bierzanek, J. Symonides. Варшава, 1985. P. 116–118.
7. Подробнее см.: Кегель Т. Procès принятия резолюций (?) Организации в международных отношениях. Сущность, механизмы вязания, диапазон, Wroclaw. 1997. P. 37–47.
8. Gilas J. Развитие и кодификация международного КНР в практической деятельности ООН: необходимость артикуляции новых форм и закономерностей сохранения государств. (в.) Народы, объединенные между ожиданием и спехией, в 1995 г. п. 159–168.
9. Otok S. Политическая география. Варшава, 1977. P. 144.
10. Устав Организации Объединенных Наций, закон. 1947. № 23. Поз. 90. П. 91.
11. Ангел В. Организация Объединенных Наций по социальным вопросам, международные дела 1985 № 10. С. 91–106.

12. Angel W. Europe /Ski fm de Network/e. трансформация международных структур. Варшава, 1996. P. 122–126.
13. Консолидация и прогрессивное развитие принципов и норм международного права на правовые аспекты нового международного экономического порядка. Resolutions and decisions adopted by the general Assembly during its Thirty-Fifth Session. 16 September – 17 December 1980, 15–16 January, 2–6 March and 11 May 1981. New-York, 1981. Item. 264–265
14. Конференция Министров Иностранных Дел Неприсоединившихся стран, Дели, 09–13 февраля 1981. Итоговая декларация У11 Конференции Глав Неприсоединившихся Государств и Правительств, Дели 07–12 марта 1983. Декларация министров иностранных дел «группы 77», принятая в Нью-Йорке 08 октября 1982 г. Резолюция? / 37/544, Аннекс 1. Самоназвание «группа 77» (Женева, 1964 г.), собравшей 77 развивающихся стран. Несмотря на то, что в настоящее время группа эта насчитывает более 100 стран, название осталось без изменения. В международном праве существует норма, определявшая государство как развивающееся.
15. U.N. Press Release SG/SM/125 /1970. Полевые издания: доклад Генерального секретаря У. Танга. Человек и его общество, бюллетень Польского комитета по делам ЮНЕСКО. Варшава, 1970.
16. Ciechanowski J. Система ООН как проявление институционализации отношений между государствами, международные дела, 1986 № 5. P. 105–106.
17. A.8. Wspolpraca międzynarodowa w dziedzinie ochrony środowiska, бюллетень Польского комитета по делам ЮНЕСКО. Варшава, 1970. № 7. P. 90–101.
18. Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer, U.N Environment Programme, Nairobi 1987. Потенциальной угрозой для «защитного слоя земли» оказались фреоны. Об этом факте впервые в 1974 году заявили два ученых из Калифорнийского Университета на Риверсайд – Шервуд Роуланд и Марио Молина. Они предостерегали, что попадание этих химических соединений в атмосферу может разрушить озоновый слой, защищающий все формы жизни на земле от вредоносного воздействия ультрафиолетовых лучей.

Literature:

1. Modern International Relations. M., 2001.
2. Kegel T. Organizacje międzynarodowe we współczesnym świecie (in:) Współczesne stosunki międzynarodowe, Wrocław 1995. P. 101–102.
3. Morawiecki W. Narody Zjednoczone. Zamierzenia i rzeczywistość. Warszawa, 1970. P. 20.
4. Menkes J. Nowy międzynarodowy ład ekonomiczny. Studium prawnomiędzynarodowe, Katowice 1988. P. 95.
5. Skubiszewski K. Uchwały prawotwórcze organizacji międzynarodowych. Przegląd zagadnień i analiza wstępna. Poznań, 1965. P. 190.
6. Bierzanek R. Prawo międzynarodowe publiczne / R. Bierzanek, J. Symonides. Warszawa, 1985. P. 116–118.
7. For more information, see: T. Kegel, Proces podejmowania uchwał (in:) Organizacje w stosunkach międzynarodowych. Istota, mechanizmy działania, range. Wrocław 1997. P. 37–47.
8. Gilas J. Rozwój i kodyfikacja prawa międzynarodowego praktycznej w działalności ONZ: Potrzeba artykulacji nowych form i wzorców zachowania państw. (V.) Narody Zjednoczone między oczekiwaniem a spełnieniem. Wrocław, 1995. P. 159–168.
9. Otok S. Geografia polityczna. Warszawa, 1977. P. 144.
10. Karta Narodów Zjednoczonych, Dz.U. 1947. № 23. Item 90. P. 91.
11. Aniol W. Działalność ONZ w dziedzinach społecznych, Sprawy Międzynarodowe. 1985. № 10. P. 91–106.
12. Aniol W. Europe/ski fm de siec/e. Przeobrażenia struktur międzynarodowych, Warszawa, 1996, P. 122–126.
13. Consolidation and progressive development of the principles and norms of international law to the legal aspects of the New International Economic Order. Resolutions and decisions adopted by the general Assembly during its Thirty-Fifth Session. 16 September – 17 December 1980, 15–16 January, 02–06 March and 11 May 1981. New-York, 1981. P. 264–265
14. Conference of Foreign Ministers of Non-Aligned Countries, New Delhi, 09–13 February 1981. Final Declaration of the U11 Conference of Heads of Non-Aligned States and Governments,

New Delhi, 07–12 March 1983. Declaration of the Foreign Ministers of the Group of 77, adopted in New York on 8 October 1982. Resolution A/37/544, Annex 1. The very name «Group of 77» originated before the First UNCTAD Conference (Geneva, 1964), which brought together 77 developing countries. Despite the fact that this group currently has more than 100 countries, the name remains unchanged. In international law, there is a rule that defines a State as developing.

15. U.N. Press Release SG/SM/1259/1970. Polish edition: Raport Sekretarza Generalnego U. Thant. Człowiek i jego środowisko, Biuletyn Polskiego Komitetu do spraw UNESCO. Warszawa, 1970.
16. Ciechanski J. System ONZ jako przejaw instytucjonalizacji stosunków międzynarodowych, Sprawy Międzynarodowe. 1986. № 5. P. 105–106.
17. A. 8. Tortugal, Współpraca w gospodarce międzynarodowej. 1987. № 7. P. 90–101.
18. Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer, U.N. Environment Programme, Nairobi 1987. Freons were a potential threat to the «protective layer of the earth». This fact was first stated in 1974 by two scientists from the University of California at Riverside – Sherwood Rowland and Mario Molina. They warned that the release of these chemical compounds into the atmosphere could destroy the ozone layer, which protects all life forms on earth from the harmful effects of ultraviolet rays.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ МЕТОДИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ГРАМОТНОСТИ В СТАРШИХ КЛАССАХ

PROBLEMS OF TEACHING UNIVERSITY STUDENTS IN THE METHODOLOGY OF FORMING CIVIL LITERACY IN THE HIGH SCHOOLS

Базаева Фатима Умаровна

доктор педагогических наук,
профессор
кафедры педагогики,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
Педагогический университет»,
г. Грозный, Россия
elena_goverdovskaya@vail.ru

Fatima U. Bazaeva

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor
of the Department of Pedagogy,
FSBOU VO «Chechen State
Pedagogical University»,
Grozny, Russia
elena_goverdovskaya@vail.ru

Аннотация. В настоящее время в современном обществе наблюдается возрастающий интерес к изучению проблем формирования гражданской грамотности среди учащихся. Однако, несмотря на важность изучения данной проблемы, она до сих пор остается малоизученной и нуждается в уточнении несмотря на то, что длительное время вопросы формирования гражданственности находятся в поле зрения исследователей. В статье обсуждаются проблемы обучения студентов вузов методике формирования гражданской грамотности у учащихся старших классов. Анализ современного состояния вопроса обучения студентов методике формирования гражданской грамотности в старших классах показывает, что к качественным изменениям относят работу над созданием единой системы профессионально-методической подготовки студентов.

Ключевые

слова:

гражданская грамотность, старшеклассники; методика обучения; студент; гражданственность, гражданская идентичность.

Annotation.

Currently, there is a growing interest in the study of problems in the formation of civic literacy among students in modern society. However, despite the importance of studying this problem, it still remains poorly studied and needs to be clarified, despite the fact that for a long time the issues of the formation of citizenship have been in the field of view of researchers. The article discusses the problems of teaching university students the methodology of forming civic literacy among senior students. An analysis of the current state of the issue of teaching students the methodology of forming civic literacy in high school shows that qualitative changes include work on creating a unified system of professional and methodological training for students.

Keywords:

civic literacy, high school students; teaching method; student; citizenship, civic identity.

Сегодня значительные изменения, происходящие в социально-экономической структуре российского общества, повышение роли гражданских институтов и, одновременно, трансформация образования, предопределены развитием отечественного высшего образования по инновационному пути. Инноватика – ориентир современного образования. Основная цель современного образования – это не только формирование профессиональной культуры у студентов, но и формирование культуры правовой. Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, отличающиеся мобильностью, конструктивностью мышления, обладающие развитым чувством ответственности за судьбу страны. Гражданская грамотность, по своей сути, выступает ядром социальной компетентности личности. Именно поэтому проблема формирования основ гражданской идентичности, гражданской грамотности приобретает, сегодня особую значимость и актуальность.

З.П. Красноок понимает гражданственность как «качество личности, которое аккумулирует в себе когнитивные, эмоциональные и нравственные ценности человека» [5, с. 8]. А.В. Лубский определяет гражданственность как способность человека и его сознательную готовность быть гражданином со всеми вытекающими правами и обязанностями [6, с. 47]. Ю.А. Четова определяет гражданственность как гражданскую позицию, через которую человек выражает свое отношение к обществу, Родине, стране [10, с. 156]. Данное определение задает эмоционально-ценностный уровень, поэтому его можно отнести к рассмотрению гражданственности как интегрального качества личности. Данное определение является более узким, чем, например, определение гражданственности у З.П. Красноок. На уровне права, Аксакова под гражданственностью понимает политико-правовой статус личности [1, с. 21]. Данное определение с позиции юридического права показывает важность развития личностных качеств человека, а также, обуславливает когнитивный (знаниевый) критерий. Т.Н. Вакурова под гражданственностью понимает приверженность человека интересам и ценностям общества в соответствии с личностными потребностями [3, с. 134].

Таким образом, несмотря на то, что данное определение гражданственности осуществляется на юридическом уровне, все равно, прослеживается взаимосвязь юридического уровня с психологическим и социальным. Гражданская идентичность является базовым ресурсом в формировании гражданской идентичности и является, своего рода, элементом личностного самосознания. Идентичность это – соотношения индивида с социальной группой; данный процесс неотделим от таких понятий, как «духовность», «материальная культура», «национальное состояние».

Для того, чтобы определить сущность гражданской идентичности в такой многонациональной и конфессиональной стране, как Россия, нужен особый подход, который позволит не формировать однородную культурную нацию, а найти компромисс между представителями наций, населяющих нашу страну. Также, в процессе формирования гражданской идентичности происходит развитие определенных структурных компонентов: когнитивного; ценностного; эмоционально-оценочного; поведенческого или деятельностного; желание и готовность участвовать в общественно-политической жизни страны; самостоятельность в выборе решений; ответственность за принятые решения, действия и их последствия.

Сам же процесс формирования основ гражданской идентичности играет первостепенную роль по сохранению национальных культур и языков, сосуществующих в Российской Федерации и развитию культурной и политической интеграции российского общества, а также повышения уровня гражданской грамотности у подрастающего поколения.

Понятие «гражданская грамотность» тесно перекликается с понятием «гражданственность» и «гражданская идентичность».

Н.Н. Маслова и И.А. Нидерсан определяют гражданскую грамотность как «функциональную грамотность с такими характеристиками, как: способность самостоятельно выстраивать алгоритмы действий для решения жизненных задач, умение строить социальное взаимодействие, способность к рефлексии, к духовному развитию» [7, с. 340].

Схожее определение гражданской грамотности встречается у Г.В. Калабуховой и В.В. Шаповал, которые понимают данный термин, как «функциональную грамотность, способность к участию в жизни современного общества» [4, с. 21]. Представленные определения гражданской грамотности являются очень схожими с пониманием в педагогике универсальных учебных действий, предметных и личностных результатов обучения.

А.В. Постникова определяет гражданскую грамотность, как многозначное явление, под которым понимается:

- а) гражданско-правовые знания;
- б) ценностное отношение к общественным и социальным явлениям;
- в) умения, которые необходимы для выполнения роли гражданина и применения гражданских знаний на практике [8, с. 384].

В процессе обучения студентов методике формирования гражданской грамотности у старшеклассников необходимо постоянно отслеживать проблемные ситуации и зоны риска для их предотвращения, коррекции и профилактики. Ситуация с формированием гражданской грамотности именно у старшеклассников (с позиции обучения студентов данной методики) осложняется еще и тем, что у учащихся в таком возрасте уже сформированы личностные качества и заложены основы модели поведения как гражданина.

Следовательно, в процессе обучения студента методике формирования гражданской грамотности именно у учеников старших классов необходимо акцент делать на диагностики

уровня гражданской грамотности, которая позволит студенту не только оценить свой профессиональный уровень, но и использовать данную диагностику в дальнейшем при работе со старшеклассниками.

Сам процесс формирования гражданской грамотности определяется многими ведущими исследователями как ключевая инновационная задача [2], поставленная реальным временем перед педагогическим сообществом для обеспечения культурного наследования в демократическом многонациональном и многокультурном гражданском обществе.

Таким образом, современный поиск путей формирования процесса гражданской грамотности заключается в использовании качественно нового подхода с позиций передовых методических разработок в воспитании чувства патриотичности, привития духовных и культурных ценностей своей страны. Однако в процессе профессиональной подготовки студентов – будущих учителей, существует ряд проблемных моментов.

Так, например, особо актуальным в методике обучения студентов формированию гражданской грамотности у старшеклассников является низкий уровень мотивации самих студентов к формированию этого понятия. Следовательно, учебно-познавательная мотивация студентов в процессе обучения методике формирования гражданской грамотности находится на низком уровне. Это обуславливает акцентировать внимание студентов ВУЗов именно на повышение учебно-познавательной мотивации к методике формирования гражданской грамотности у старшеклассников как средству профилактики и коррекции проблем обучения.

Основная проблема заключается в том, что в процессе подготовки студентов недостаточно сформировать у них предметную компетенцию (т.е., когнитивный уровень) - будущий учитель должен также знать методы и приемы обучения и формирования общественных и правовых терминов, понятий, явлений (в том числе и гражданской грамотности), а также знать психолого-возрастные особенности учеников.

Такого рода подготовка студентов к формированию у старшеклассников гражданской грамотности требует от самих студентов сформированного представления о взаимосвязи научных знаний и областей, интеграции их друг в друга с тем, чтобы студенты в дальнейшем смогли самостоятельно объяснить это ученикам. Ситуация осложняется еще и тем, что тенденции в современном обществе развиваются со стремительной силой. Отчасти, это обусловлено ускорением экономических процессов, влиянием на жизнь общества политических (внешних и внутренних) факторов, а также тем, что процесс глобализации и информатизации постепенно стирает границы идентичности. Это требует от гражданина, вообще, и студента, в частности, уметь принимать решения в различных жизненных ситуациях, исходя из ситуации, не используя стереотипные алгоритмы поведения.

Стоит отметить, что система методической подготовки студентов по формированию гражданской грамотности в старших классах в ее современном виде стала формироваться, начиная с 1995 года. Именно в этот период времени стали внедряться в образовательный процесс ГОС ВПО по юриспруденции и истории.

В.В. Рябцева и Т.Н. Шарыпова отмечают, что на протяжении 15 лет система обучения студентов не подвергалась значительным изменениям в области модернизации, за исключением:

- добавления новых тем;
- использованием новых форм оценки и контроля;
- использованием новых методов и форм работы;
- организации практики для обучающихся на базе общеобразовательных школ [9, с. 75].

Но ввиду того, что происходят трансформационные изменения в образовании, прежде всего, связанные с социально-экономическими процессами, меняются не только условия обучения, но и методический инструментарий, уровень профессионального мастерства будущего педагога выходит на первый план по оценке профессиональных компетенций в соответствии с заявленными требованиями в госстандартах.

На современном этапе методическая работа претерпевает качественные изменения.

Во-первых, в вузах организовываются единые системы профессионально-методической подготовки. Внедрение единой системы позволяет минимизировать разночтение в учебных часах, количестве дисциплин, их наименовании.

Во-вторых, разрабатывается система, которая направлена на сохранение взаимосвязи и преемственности при подготовке студентов по программам специалитета, бакалавриата и магистратуры. Это позволяет не только повысить профессиональный уровень подготовки сту-

дента, но и мотивировать его на постоянное повышение своего образования (желание самообразовываться и повышение учебно-познавательной мотивации).

Такой подход, хоть и находится на стадии разработки, позволит устранить разноплановость в подготовке студентов – будущих учителей.

Освещенные тенденции в процессе обучения студентов методике формирования гражданской грамотности в старших классах касаются не только положительных изменений, но и проблем обучения:

- постоянно меняющиеся требования стандартов высшего профессионального образования, в определенной степени, мешают развитию методической науки в области подготовки студентов. В частности, это касается требований, предъявляемым к результатам освоения студентом основных образовательных программ, которые определяют его компетентность;

- размытость самого понятия «компетентность», которое на современном этапе продолжает формироваться с учетом социального заказа;

- проблема повышения эффективности методической подготовки студента. На наш взгляд это является не, столько проблемой, сколько постоянной необходимостью совершенствования методической работы в целом. В качестве одного из возможных способов повышения эффективности методической подготовки студента в процессе обучения его методике формирования гражданской грамотности, является использование передовых педагогических технологий, инновационных программ обучения.

Итак, резюмируя все вышесказанное, мы можем сделать следующие выводы:

- в процессе теоретического анализа специальной литературы нами было отмечено, что понятие «гражданственность» рассматривается исследователями с позиции интегрального качества личности, с социальной позиции, на политическом уровне и с точки зрения педагогики;

- понятие «гражданская грамотность» понимается, как функциональная способность человека сознательно применять на практике гражданско-правовые знания в соответствии со сформированной системой ценности;

- улучшению преемственности обучения по программе специалитета, бакалавриата и магистратуры, а также, создание единой системы профессионально-методической подготовки студентов – качественные изменения процесса обучения студентов методике формирования гражданской грамотности в старших классах.

Литература:

1. Аксакова А.А. Формирование финансовой грамотности через институты гражданского общества / А.А. Аксакова // В сборнике: XIX Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета. Сборник статей. 2017. С. 21–24
2. Асмолов А.Г. Как будем жить дальше? Социальные эффекты образовательной политики / А.Г. Асмолов // Лидеры образования. 2013. № 6. С. 4–10.
3. Вакурова Т.Н. Сущность понятия «гражданственность» в научной психолого-педагогической литературе / Т.Н. Вакурова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 6(40). С. 134–137.
4. Калабухова Г.В. Диагностика формирования преподавание истории и обществознания в школе / Г.В. Калабухова, В.В. Шаповал. 2019. № 8. С. 21–27
5. Красноок З.П. Формирование гражданской ответственности у студенческой молодежи в образовательном процессе технологического университета : дис. ... канд. пед. наук / З.П. Красноок. Майкоп, 2007. 264 с
6. Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданской ответственности в российском патриотизме / А.В. Лубский // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 2. С. 47–66.
7. Маслова Н.Н. Гражданская грамотность: подходы к формированию / Н.Н. Маслова, И.А. Нидерсан; Под ред. А.А. Сорокина // В сборнике: Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. К 20-летию кафедры методики преподавания истории, обществознания и права: Сборник научных статей. 2019. С. 340–354.
8. Постникова, А.В. Диагностика гражданской грамотности на уроках обществознания / А.В. Постникова // В сборнике: Шаг в историческую науку. Материалы XIX всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. 2019. С. 384–387.

9. Рябцева В.В. Проблема формирования правовой культуры в Российской Федерации / В.В. Рябцева, Т.Н. Шарыпова // *Colloquiumjournal*. 2020. № 3–4(55). С. 75–76.
10. Четова Ю.А. Воспитание гражданственности через работу клубов интересных встреч «Юниор» / Ю.А. Четова // В сборнике: Наука в XXI веке: современное состояние, проблемы, перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2019. С. 156–159.

Literature:

1. Aksakova A.A. Formation of Financial Literacy through the Institutions of Civil Society / A.A. Aksakova // In the collection: 19th All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartov State University. A collection of articles. 2017. P. 21–24
2. Asmolov A.G. How will we live? Social Effects of Educational Policy / A.G. Asmolov // *Leaders of education*. 2013. № 6. P. 4–10.
3. Vakurova T.N. Essence of the concept of «citizenship» in scientific psychological and educational literature / T.N. Vakurov // *Izvestia volgograd State Teachers' University*. 2009. № 6(40). P. 134–137.
4. Kalabukhova G.V. Diagnostics forming Teaching history and social studies at school / G.V. Kalabukhova, V.V. Shapoval. 2019. № 8. P. 21–27.
5. Krasnook S.P. Formation of citizenship among student youth in the educational process of the University of Technology : dis. ... cand. ped. sciences / S.P. Krasnook. Maikop, 2007. 264 p.
6. Lubsy A.V. Patriotism and Citizenship in Russian Society, or how to overcome the lack of citizenship in Russian patriotism / A.V. Lubsy // *Humanities of the South of Russia*. 2019. Vol. 8. № 2. P. 47–66.
7. Maslova N.N. Civic Literacy: Approaches to Formation / N.N. Maslov, I.A. Niedersan // In the collection: Actual questions of the humanities: theory, methodology, practice. To the 20th anniversary of the Department of History, Social Science and Law: A collection of scientific articles. Edited by A.A. Sorokin. 2019. P. 340–354.
8. Postnikova A.V. Diagnostics of Civic Literacy in the lessons of social studies / A.V. Postnikova // In the collection: Step into historical science. Materials of the 19th All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists. 2019. P. 384–387.
9. Ryabtseva V.V. Problem of the formation of legal culture in the Russian Federation / V.V. Ryabtseva, T.N. Sharypova // *Colloquiumjournal*. 2020. № 3–4(55). P. 75–76.
10. Chetova Yu.A. Civic Education through the work of clubs of interesting meetings «Junior» / YU.AB. Chetova / In the collection: Science in the 21st century: the current state, problems, perspectives. A collection of articles from the International Scientific and Practical Conference : in 2 parts. Editor-in-Chief: Sukiasyan Asatur Albertovich. 2019. P. 156–159.

ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ» И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

THE CONCEPT OF «SOCIAL COMPETENCE» AND ITS TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF DOMESTIC PEDAGOGICAL RESEARCH

Кузьмина Светлана Владимировна
ГБПОУ «Ставропольский
строительный техникум»,
г. Ставрополь
vip.sveta0703@mail.ru

Svetlana V. Kuzmina
GBPOU «Stavropol
Construction College»,
Stavropol
vip.sveta0703@mail.ru

Аннотация. Социальная компетентность представляет собой многогранный феномен, различные аспекты которого сегодня выступают самостоятельным объектом анализа многих наук. На данный момент диапазон дефиниций «социальная компетентность» весьма широк, но, чаще всего, исследователями выделяются отдельные задачи, которые решаются с использованием этой формулировки. Интерес автора статьи представляет трактовка и трансформация понятия «социальная компетентность» в контексте психолого-педагогических исследований отечественных ученых, с учетом требований к уровню подготовки студентов среднего профессионального образования.

Ключевые слова: компетентность, социальная компетентность, психолого-педагогические исследования социальной компетентности.

Annotation. Social competence is a multifaceted phenomenon, various aspects of which today are an independent object of analysis of many sciences. At the moment, the range of definitions of «social competence» is very wide, but most often researchers single out individual tasks that are solved using this formulation. The author of the article is interested in the interpretation and transformation of the concept of «social competence» in the context of psychological and pedagogical research of domestic accounting, taking into account the requirements for the level of training of students of secondary vocational education.

Keywords: competence, social competence, psychological and pedagogical research of social competence.

Понятие «социальная компетентность» в российской педагогике стало разрабатываться в дискуссии о качестве образования. При этом, в общем смысле, данный феномен характеризует готовность человека к различным видам деятельности:

- к профессионально-трудовой;
- к выполнению гражданских функций;
- к созданию семьи;
- к творческой деятельности;
- к сохранению и укреплению своего здоровья;
- осознанию необходимости постоянного саморазвития и т.д.

Рассмотрению понятий «компетенция», «компетентность», «социальная компетентность», исследованию реализации компетентностного подхода в образовании посвятили свои труды многие ученые: И.А. Зимняя, А.В. Хуторской, Н.В. Кузьмина, Н.В. Калинина, Е.В. Коблянская, А.П. Ветошкин, С.З. Гончаров и др. Аспекты структуры, диагностики и анализа социальной

компетентности, проблем ее формирования и развития у обучающихся и студентов образовательных организаций разных уровней раскрываются в исследованиях Д.Е. Егорова, С.Н. Краснокутской, А.А. Демчук, Н.В. Повесьма, С.А. Хазовой, Е.Б. Дементьевой, Н.С. Лавской, О.В. Кандауровой, Т.Г. Пушкаревой, А.О. Ашанина, С.В. Плюхиной и др.

Но, несмотря на достаточно широкий научный интерес, социальная компетентность до сих пор остается понятием крайне нестрогим и расплывчатым.

Исходя из этого, целью статьи является анализ понятия «социальная компетентность» в контексте отечественных психолого-педагогических исследований и его трансформация с учетом социальных требований к подготовке обучающегося, студента, нашедшие отражение, как в научных подходах исследователей, так и в законодательстве РФ в области образования.

Российскими исследователями проблема компетентности, в том числе, и социальной, особенно активно стала разрабатываться с начала 1990-х годов, что обусловливается политическими, экономическими, социальными изменениями, происходящими как в мире, так и в нашей стране, в том числе и в области определения целей образования.

В данный период времени система отечественного образования нацелена на разработку его содержания и структуры, основанного на новых теоретико-методологических подходах, включающих принципы гуманизации, гуманитаризации, построения личностно-ориентированного образования, являющегося одной из основ компетентностного подхода. Это дало возможность отечественным исследователям, основываясь на опыте зарубежных ученых, погрузиться в разработку проблем, связанных с профессиональной и социальной адаптацией и интеграцией в общество самой уязвимой части населения – подростков и молодежи, через изучение компетентности как:

- интегративного качества личности (Н.В. Кузьмина, 1990 г.) [12];
- определенного уровня адаптации, который позволяет человеку эффективно выполнять заданную социальную роль (Е.В. Коблянская, 1995 г.) [9];
- итогового результата гуманитарного образования (А.П. Ветошкин и С.З. Гончаров, 1998 г.) [3].

Интеграция России в мировое образовательное пространство (2003 год), повлекло за собой: изменение парадигмы образования со знаниевой на компетентностный подход; контекста профессиональной деятельности; повышение требований к качеству профессионального образования. Для этого периода времени характерны законодательные предписания, касающиеся внедрения компетентностного подхода в образование. Если ранее подходы в обучении и воспитании принимаемые научным и учебно-методическим сообществом не фиксировались нормативной базой в сфере образования, то в данный период времени на уровне государства принимается ряд нормативно-правовых документов, предписывающих внедрение компетентностного подхода в российскую образовательную систему. Примером таких документов служат Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года, Концепция модернизации российского образования до 2010 года, Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (2000 г., 2009 г.), Государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования (2002 г., 2010 г.) и др.

В этот период времени вопросы, связанные с социальной и профессиональной адаптацией молодежи, исследователи поднимают на более актуальный уровень сопрягая такие понятия как «социализация», «социальность» с категориями «компетенция», «компетентность». Появляются многочисленные исследования по проблемам «компетентности» в различных сферах деятельности, но особую актуальность приобретают исследования социальной компетентности у школьников и студентов организаций высшего образования. Анализ диссертационных исследований показывает, что в данный период в большинстве случаев социальная компетентность трактуется как личностная характеристика (табл. 1).

Следует отметить, что обобщенными элементами понятия «социальная компетентность» в выше указанных формулировках являются качество личности, уровень адаптации человека, его интеграция и взаимодействие со средой, обществом, что соответствует как целям и задачам образования, закрепленным директивно, так и отвечает социальным потребностям общества данного периода.

Начиная с 2010 года, интерес исследователей к проблемам формирования (развития) социальной компетентности, в том числе, у студентов среднего профессионального образования значительно возрастает.

Таблица 1

Автор	Определение социальной компетентности
Куницына В.Н. (2001)	Система знаний о социальной действительности и себе, системе сложных социальных умений и навыков взаимодействия, сценариев поведения в типичных социальных ситуациях, позволяющих быстро и адекватно адаптироваться, принимать решения со знанием дела, учитывая сложившуюся конъюнктуру [13]
Писарева С.А. (2002)	Качество личности, сформированное в процессе социализации, определенный уровень адаптации человека к эффективному выполнению заданной социальной роли, эффективное взаимодействие со средой, проявляющееся в социальных отношениях, результат социального развития [15]
Егоров Д.С. (2003)	Интегративное качество человека и личностная характеристика индивида, которая призвана обеспечить его эффективную интеграцию в окружающую его социальную действительность [6]
Краснокутская С.Н. (2006)	Совокупность конкретных качеств личности, способностей, социальных знаний и умений, обеспечивающих интеграцию человека в общество [11]
Бехтенова Е.Ф. (2006)	Интегрированный комплекс социальных компетенций, базирующийся на системе личностных психологических особенностей, нравственных ценностей и установок личности, в совокупности позволяющий индивиду успешно взаимодействовать с обществом и продуктивно выполнять различные социальные роли [2]

Анализ подходов исследователей к определению социальной компетентности в данный период времени показывает, что категория «социальная компетентность» рассматривается не только с позиции социальных ролей, которые человек выполняет в течение жизни в соответствии с принятыми социальными нормами, но и как вид или компонент профессиональной компетентности с учетом особенностей будущей профессиональной деятельности студентов (табл. 2).

Таблица 2

Автор	Определение социальной компетентности
Социальная компетентность с позиции социальных ролей	
Демчук А.А. (2010 г.)	Интегративная характеристика личности, включающая знания о социальных сетях, нормах реципрокности (взаимности), ценностно-смысловое понимание социальной действительности и умения социального взаимодействия в различных социальных ситуациях [4]
Повесьма Н.В. (2011 г.)	Интегративная характеристика личности, отражающая уровень адаптивных способностей к жизни в обществе, достижения в установлении и развитии социальных контактов, степень понимания возникающих ситуаций, готовность корректировать свое поведение в соответствии с принятыми в социуме и профессиональном сообществе нормами и правилами [17]
Козлова Н.В. (2011 г.)	Интегративное образование, обеспечивающее студентам субъектную позицию в социально-гражданской, социально-коммуникативной, индивидуально-личностной сферах жизнедеятельности и включающее в себя эмоционально-чувственный компонент (мотивы, эмоции), интеллектуально-когнитивный компонент (знания), деятельностно-практический компонент (умения, опыт, рефлексию) [10]
Каменская Е.В. (2012 г.)	Сложное, многофакторное, интегрированное личностное качество, обеспечивающее готовность к конструктивной социально-значимой деятельности; способность брать на себя ответственность за принятые решения и их результаты; гибко выстраивать свое поведение в соответствии с решениями социальных задач и выполнением определенных социальных ролей [7]
Кандаурова О.В. (2013 г.)	Способность устанавливать взаимодействие в социуме с учетом позиций других людей, направленная на сотрудничество, работу в команде, проявлять коммуникативные навыки, умение принимать собственные решения и нести за них ответственность, осознание собственных потребностей и целей, определение личностной роли в обществе, развитие личностных качеств, саморегулирование [8]
Социальная компетентность как компонент профессиональной компетентности	
Лавская Н.С. (2012 г.)	«Подвид» профессиональной компетентности педагога-дефектолога, характеризующийся ценностным пониманием социальной действительности, принятием соответствующих социальным ситуациям социальных целей и обеспечивающий возможность эффективно выстраивать свое профессиональное поведение во взаимодействии с субъектами образовательного процесса специального образования в соответствии с принятыми социальными нормами [14]
Дементьева Е.Б. (2012 г.)	Составляющая профессиональной компетентности, которая выступает интегративной характеристикой, отражающей взаимосвязь ключевых и общепрофессиональных социальных компетенций студентов [5]

В современном отечественном образовании социальная компетентность позиционируется как основной конечный оценочный результат профессиональной подготовки специалистов. Поэтому на сегодняшний день в российском законодательстве развитие социальной компетентности занимает особо важное место. Утвержденные в 2016 году новые ФГОС СПО, определяют обязательную и вариативную составляющую в структуре образовательных программ СПО, при этом, последняя служит целям интеграции выпускников ПОО субъекта РФ в его экономику и социум, через получение дополнительных компетенций, умений и знаний, необходимых для усиления конкурентоспособности выпускника, его трудоустройства, обеспечения быстрой адаптации на рабочем месте.

В свете изменений, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования, интересы исследователей направлены на выявление соотношения социальной и профессиональной компетентностей, как качественной характеристики современного специалиста.

А.О. Ашанин считает, что видовая структура компетентности специалиста со средним образованием включает компетентность профессиональную и компетентность социальную, которые во взаимосвязи образуют интеграционную целостность – социально-профессиональную компетентность. При этом под профессиональной компетентностью автор понимает единство теоретической и практической готовности личности к осуществлению профессиональной деятельности. Социальная компетентность, при этом, – это способность эффективно взаимодействовать с другими людьми в процессе речевого общения и осуществления какой-либо иной деятельности на основе имеющихся знаний, навыков, умений, сформированных коммуникативных способностей и качеств личности [1].

С.В. Плюхина в диссертационной работе «Формирование социальной компетентности студентов многопрофильного колледжа» уточняет понятие «социальная компетентность студента (выпускника) многопрофильного колледжа», как совокупности индивидуальных личностных качеств и сформированных компетентностей, обеспечивающих в своем единстве успешное решение задач социального взаимодействия, адаптации и самореализации в учебной и профессиональной деятельности [16].

Таким образом, анализ существующих на данный момент подходов отечественных ученых в определении социальной компетентности, а также, требования законодательства в сфере образования, позволяют сделать вывод о том, что на сегодняшний день социальную компетентность студентов СПО следует рассматривать как совокупность личностно-профессиональных качеств современного человека, обеспечивающих его успешное функционирование во всех сферах жизнедеятельности, а также – как обобщенный качественный результат профессионального образования современного специалиста.

Литература:

1. Ашанин А.О. Формирование социально-профессиональной компетентности будущего специалиста в процессе интеграции обучения и воспитания : дис. ...канд. пед. наук. Казань, 2015. 163 с.
2. Бехтенова Е.Ф. Педагогические условия формирования проектной деятельности учащихся: на материале национально-регионального компонента школьного исторического образования : автореф.дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 2006. 23 с.
3. Ветошкин А.П. Социальная компетентность как итоговый результат гуманитарного образования / А.П. Ветошкин, С.З. Гончаров // Воспитание духовности: Ценности и традиции. Екатеринбург, 1998. С. 143–145.
4. Демчук А.А. Развитие социальной компетентности студентов в поликультурной образовательной среде вуза : дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2010. 171 с.
5. Дементьева Е.Б. Формирование социальной компетентности студентов педагогического колледжа : дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2012. 214 с.
6. Егоров Д.Е. Формирование социальной компетентности студента среднего профессионального учебного заведения в процессе социального образования : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2003. 187 с.
7. Каменская Е.В. Формирование социальной компетентности студентов в социокультурной среде учреждений среднего профессионального образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 31 с.

8. Кандаурова О.В. Формирование социальной компетентности студентов ССУЗ в процессе изучения социально-гуманитарных дисциплин : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2013. 241 с.
9. Коблянская Е.В. Психологические аспекты социальной компетентности : автореф. дис. ... кан. наук. СПб., 1995. 16 с.
10. Козлова Н.В. Формирование и развитие социальных компетентностей студентов в воспитательной системе технического вуза : дис. ... канд. пед. наук. Пенза, 2011. 269 с.
11. Краснокутская С.Н. Формирование социальной компетентности студентов вуза : дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2006. 178 с.
12. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / Н.В.Кузьмина. М. : Высшая школа, 1990. 119 с.
13. Куницына В.Н. Межличностное общение : учебник для вузов / В.Н. Куницына [и др.]. СПб. : Питер, 2001. 544 с.
14. Лавская Н.С. Формирование социальной компетентности у будущих педагогов-дефектологов : дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 180 с.
15. Писарева С.А. Диссертационные исследования «компетентности» учителя и ученика // Модернизация педагогического образования в Сибири: проблемы и перспективы. Часть 1: Сборник научных статей. Омск : ОмГПУ, 2002. С. 180–190.
16. Плюхина С.В. Формирование социальной компетентности студентов многопрофильного колледжа : дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2016. 230 с.
17. Повесьма Н.В. Развитие социальной компетентности будущих специалистов железнодорожного транспорта в вузе. Челябинск, 2011. 211 с.

Literature:

1. Ashanin A.O. Formation of social and professional competence of the future specialist in the process of integration of training and education : dis ... cand. of ped. sciences. Kazan, 2015. 163 p.
2. Bekhtenova E.F. Pedagogical conditions for the formation of project activity of students: on the material of the national-regional component of school historical education: abstract of the dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences. Novosibirsk, 2006. 23 p.
3. Vetoshkin A.P. Social competence as the final result of humanitarian education / A.P. Vetoshkin, S.Z. Goncharov // Education of spirituality: Values and traditions. Yekaterinburg, 1998. P. 143–145.
4. Demchuk A.A. Development of social competence of students in the multicultural educational environment of the university : dis ... cand. ped. sciences. Stavropol, 2010. 171 p.
5. Dementieva E.B. Formation of social competence of students of the pedagogical college: dissertation of the candidate of pedagogical sciences. SPb., 2012. 214 p.
6. Egorov D.E. Formation of social competence of a student of a secondary vocational educational institution in the process of social education : dis ... cand. ped. sciences. Kazan, 2003. 187 p.
7. Kamenskaya E.V. Formation of social competence of students in the socio-cultural environment of secondary vocational education institutions : autoref. dis ... cand. ped. sciences. M., 2012. 31 p.
8. Kandaurova O.V. Formation of social competence of secondary school students in the process of studying social and humanitarian disciplines : dis ... cand. ped. sciences. Kazan, 2013. 241 p.
9. Koblyanskaya E. V. Psychological aspects of social competence : autoref. dis ... cand. ped. sciences. SPb., 1995. 16 p.
10. Kozlova N.V. Formation and development of social competencies of students in the educational system of a technical university : dis ... cand. ped. sciences. Penza, 2011. 269 p.
11. Krasnokutskaya S.N. Formation of social competence of university students : dis ... cand. ped. sciences. Stavropol, 2006. 178 p.
12. Kuzmina N.V. Professionalism of the personality of the teacher and the master of industrial training / N.V. Kuzmina. M. : Higher School, 1990. 119 p.
13. Kunitsyna V.N. Interpersonal communication : textbook for universities / V.N. Kunitsyna [et al.]. SPb. : Peter, 2001. 544 p.
14. Lavskaya N.S. Formation of social competence in future teachers-defectologists : dis ... cand. ped. sciences. M., 2012. 180 p.
15. Pisareva S.A. Dissertation studies of «competence» of teachers and students / S.A. Pisareva // Modernization of teacher education in Siberia: problems and prospects. Part 1: Collection of scientific articles. Omsk : OmSPU, 2002. P. 180–190.

16. Plyukhina S.V. Formation of social competence of students of a multidisciplinary college: dissertation of the candidate of pedagogical Sciences. Kemerovo, 2016. 230 p.
17. Veshma N.V. Development of social competence of future railway transport specialists in higher education. Chelyabinsk, 2011. 211 p.

**ОБ ОПЫТЕ ОТКРЫТИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ
В 1980-Е ГОДЫ И НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ ОДАРЁННЫХ ШКОЛЬНИКОВ. ЧАСТЬ 2**

**ABOUT THE EXPERIENCE OF OPENING MATH CLASSES
IN THE 1980S AND SOME MODERN PROBLEMS OF DEVELOPMENT
OF GIFTED SCHOOLCHILDREN. PART 2**

Лазарев Виктор Андреевич

доктор педагогических наук,
профессор кафедры теории функций,
Кубанский
государственный университет,
Краснодар
victor_lazarev@mail.ru

Viktor A. Lazarev

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department
of Theory of Functions,
Kuban State University,
Krasnodar
victor_lazarev@mail.ru

Лазарев Константин Викторович

руководитель инновационного
образовательного проекта
Центра современного образования,
Москва
k_lazarev@mail.ru

Konstantin V. Lazarev

Head of the Innovative
Educational Project of the Center
for Modern Education,
Moscow
k_lazarev@mail.ru

Аннотация.

В статье излагается опыт открытия специализированных математических классов в 1980-е годы для учащихся, увлекающихся математикой и некоторые современные проблемы развития одарённых школьников. Кратко представлены организационные трудности, кадровые проблемы, проблемы воспитательного характера. Очевидно, что этот опыт может быть полезен, особенно в организационный период работы опорных школ Российской академии наук, открытых в 32-х регионах Российской Федерации в 2019 год.

Ключевые слова:

математические классы, базовые школы РАН, одарённые школьники, математические способности, научно-исследовательская деятельность учеников, технология работы с одарёнными детьми.

Annotation.

The article outlines the experience of opening specialized math classes in the 1980s for students who are fond of mathematics and some modern problems of development of gifted students. The organizational difficulties, personnel problems and educational problems are briefly presented. It is obvious that this experience can be useful, especially during the organizational period of the Russian Academy of Sciences support schools opened in 32 regions of the Russian Federation in 2019.

Keywords:

math classes, basic schools of THE RAS, gifted schoolchildren, mathematical abilities, research activities of students, technology of working with gifted children.

Размышления об учителе. Все мы хотим, чтобы учитель был творческим. Но как это выявить? Всегда ли хорошо успевающий студент – это творческая личность? Ясно, что это не так. Мы избрали следующий путь: длительное наблюдение за претендентами. Если в подавляющее большинство школ принимали на работу всех учителей, то у нас была возможность выбора. Потребность в учителях мы прогнозировали на несколько лет вперед. Среди студентов подыскивали кандидатуры, обсуждали их с деканами факультетов и потом оформляли им приглашение на педагогическую практику – проверяли будущего учителя. Так, пришли к нам выпускники математического факультета университета В. В. Артеменко и И.В. Довгошей, Н. Ше-

ляг, а сейчас работают выпускники КубГУ последних лет: ... Студентами они начали вести курс информатики и вычислительной техники в старших классах. Уже тогда они обратили на себя внимание – и своим отношением к учебе, к общественным обязанностям, и (главное для нас) – своим умением и желанием работать с детьми. Директор школы обратился в ректорат университета с просьбой направить их на работу со спец. классами, что и было сделано: заключили договор между школой и университетом.

Ожидания наши оправдались: выпускники быстро втянулись в работу, стали, несмотря на молодость, квалифицированными специалистами. Более опытные педагоги постоянно им помогали.

Один из самых основных принципов работы учителя в спец. классе, как считают наши педагоги, заключается в том, чтобы способствовать развитию мышления учеников. Вопрос «Почему?», – пожалуй, главный на уроке. Приучать осмысливать, анализировать, самостоятельно думать, принимать решения – вот чего, в первую очередь, добиваются учителя Н.А. Бондарева, С.В. Ефремова, Р.Б. Копелевич, ... да и все остальные, конечно, тоже.

Не беда, если ученик ошибется – иногда «умная» ошибка говорит о высоком качестве знаний.

Отбор ребят для углубленного изучения того или иного предмета – дело относительно новое. Оно требует тщательного обоснования. Сейчас, когда значительно увеличивается число школ с дифференцированным обучением, должна быть разработана диагностическая система, позволяющая определять уровень и «виды» способностей учеников. Пожалуй, самый богатый опыт по этой проблеме накопили физико-математические школы при университетах, которые уже много лет занимаются поиском способных ребят.

Что представляют собой ученики спец. классов? В большинстве своем, они работоспособны, на уроках активны, практически все усваивают материал. В процессе обучения у школьников вырабатывается устойчивое внимание, они приучаются логически мыслить, контролировать свои знания и знания своих товарищей, учатся мыслить нестандартно, что очень ценно при решении задач, ищут разные способы решения, анализируют их.

Важно, что ученики интересуются многими разделами математики, выходящими за рамки программы, самостоятельно в них вникают, пишут рефераты, выступают с докладами, учатся в заочных школах при МГУ и физико-техническом институте, ЮМШ при Кубанском университете, принимают участие в олимпиадах различного уровня, занимая призовые места. Такую целеустремленность, заинтересованность редко видишь в классах, работающих по обычной программе, да и времени для того, чтобы глубоко разобраться в изученном материале, у ребят в этих классах мало.

Дифференцирование в старших классах, по мнению и самих школьников, необходимо, чтобы они были довольны тем, что занимаются в спец. классе, потому что выбор будущей профессии многие из них связывают с математикой, программированием и ЭВМ, физикой. Интересно привести соображения этих ребят о состоянии математического образования в обычных классах: надо упростить программу, дать минимум знаний, необходимых для общего культурного уровня на современном этапе, а обучать всех элементам математики на том уровне, который сейчас предлагает программа, нецелесообразно.

Увлеченность любимым предметом благотворно влияет на общее развитие учеников спец. классов – активных в общественной жизни, с широким кругозором. В школе очень оживленно проходят диспуты. У «наших» на все своя точка зрения, и они умеют ее отстаивать. Сами проводят заседания клуба «Что? Где? Когда?», пишут сценарии школьных вечеров.

Интересно проходят математические вечера, сценарии которых используют и другие школы. На одном из таких вечеров ребята поставили «современную трагедию» Шекспира «Отелло», включив туда математическое содержание, музыкально оформили свой спектакль; на другом вечере устроили «математический аукцион», провели соревнование КВН между учителями и учениками, причем, членами жюри были родители. Отметим, что многие ребята умеют хорошо организовать свое рабочее время, успевают читать, слушать музыку, ходят в театры. Они предпочитают выполнять интересную, с их точки зрения, работу и в таком случае энергично берутся за дело.

Многие занимаются спортом (уже есть кандидаты в мастера спорта и перворазрядники), изучают иностранные языки, некоторые оканчивают музыкальные и художественные школы. Совместные с родителями и учителями походы, занятия в зимней и летней математических школах при университете, работа на ЭВМ в вычислительных лабораториях городских учреждений сплачивает ребят в дружный, работоспособный коллектив. Они живо интересуются окру-

жающим миром, знают о событиях в стране и за рубежом, увлекаются поэзией, классической музыкой.

Команду учеников дважды приглашали в город Батуми на Всесоюзный праздник юных математиков (Был такой!), где ребята делали доклады (слушали известные ученые, сотрудники журнала «Квант»). После рабочей части были выступления по программе КВН. Оба раза наши ребята вошли по итогам в первую пятерку из всех 20 команд.

Отметим некоторые специфические трудности, возникшие при работе в классах с углубленным изучением математики. Думаем, что с ними столкнутся многие учителя подобных классов и школ. Нет учебников, которые соответствовали бы программе по математике. Поэтому домашние задания часто приходится писать на доске, что занимает много времени. Здесь предстоит большая работа ученым, педагогам – составление учебников по математике, информатике и ВТ.

Программы по остальным предметам не скорректированы, это ведет к перегрузке.

Интересно отметить, что многие ученики предлагают увеличить количество часов по физкультуре, уделить больше внимания предметам, связанным с искусством,

А вот мнение о своей учебе самих учеников спец. классов:

Почему вы решили пойти в математический класс?

Интересовался информатикой, хотелось стать программистом.

Ходила в ЮМШ, там посоветовали перейти в математический класс.

В VIII классе увлекался математикой, услышал по радио объявление и решил перейти в математический класс.

Хочу подготовиться к поступлению в вуз.

Хочу поступить на математический факультет.

Куда думаете поступать после X класса? Как готовитесь?

МГУ, прикладная математика,

МФТИ, школа при МФТИ.

МФТИ, заочная Школа при МГУ.

КГУ, прикладная математика,

ЮМШ.

Чем отличается преподавание математики в специализированных классах от преподавания этого предмета в обычных классах?

Более глубокими знаниями.

Учат мыслить нешаблонно.

Математика преподается на более высоком уровне.

Выше уровень подготовки.

Глубже сама программа.

Что дает вам обучение в математических классах!

Начальную базу для дальнейшего обучения. Могу оценить, стоит ли этим заниматься.

Навыки по программированию.

Хорошую подготовку для поступления в вуз.

Лучше понимаю физику, химию.

Заставляет думать.

Первый выпуск X класса (1986 г.) показал хорошие результаты на выпускном экзамене по ЭВМ и программированию. Комиссия (зав. кафедрами КубГУ, руководители вычислительных центров города, учителя математики и программирования школы) дала заключение, что уровень подготовки по математическому программированию выпускников X класса не ниже, чем у студентов II курса университета. Почти все выпускники поступили в высшие учебные заведения по специальностям, связанным с математикой, физикой или ЭВТ.

В нашей 4-й школе г. Краснодара параллельно со спецклассами работали обычные классы. Интересно сравнить их результаты. В 1986 г. из 27 выпускников спец. классов поступили в вузы – 24 человека, трое работают по специальности, полученной в стенах школы. Общеобразовательные классы: из 59 поступило в вузы 28 ребят. Процент поступления и здесь довольно высок, но он значительно ниже, чем у выпускников спец. классов. За 1987 г.: из 44 выпускников спец.классов, из числа которых 32 поступило в вузы (КГУ – 20, КПИ – 4, МЭТИ – 2, МФТИ – 2, НГУ – 1; 3 – в другие вузы), 8 работают по специальности. Из общеобразовательного класса из 33 учащихся 11 поступило в вузы.

Кабинет вычислительной техники.

Проект этого кабинета обсуждался на разных уровнях. Пришли к выводу, что университет должен помочь оборудовать его обещанными школьникам компьютерами. Намерения благие. Однако с большими трудностями с помощью шефствующих предприятий удалось подготовить универсальные рабочие места для ребят в кабинете. Универсальные потому, что не знали, какую ЭВТ выделит университет. Так получилось не потому, что кто-то не хотел выделять, а просто не знали, как это делать, ибо не было соответствующих инструкций, позволяющих законным образом оформить эту передачу. Принадлежность разным министерствам мешала, и если учесть, что университет сам был небогат компьютерами, то трудности очевидны. Но, все-таки, из восьми только что полученных персональных компьютеров три было решено разместить (такая формулировка устраивала финансовые органы) в школе. Так, первые «Искры-1256» и дополнительно к ним 15 калькуляторов МК-56 положили начало созданию школьного вычислительного центра. Попытки получить какую-либо вычислительную технику по линии Минпроса успехом не увенчались. Даже вычислительный комплекс «Ямаха», запланированный было для математических классов нашей школы, неведомые силы переправили в другой район. Учитывая трудности централизованного пополнения вычислительной техникой общеобразовательных школ, мы решили обратиться к заинтересованным предприятиям, которые имеют ЭВМ, и предложили им подумать о совместной работе. Снова начались поиски. Но мы уже знали, чем заинтересовать руководителей.

Когда уровень подготовки школьников как программистов стал известен в городе, руководители «Краснодарагропромформ» сами предложили нам создать в школе вычислительный центр, чтобы готовить будущих специалистов для своего предприятия по схеме: школа–математический факультет КГУ – ВЦ предприятия. Был заключен договор со школой. Крайисполком утвердил «Краснодарагропромформ» еще одним базовым предприятием школы по ЭВТ.

Далее, мы наметили создать школьный вычислительный центр и разместить там ЭВМ серии ЕС. Это потребовало очень большой технической подготовки. Ее провели наши базовые и шефствующие предприятия.

Несмотря на эти сбои, математический и физический факультеты Кубанского государственного университета продолжали вести с нашими спец. классами большую работу. Все ученики занимались в ЮМШ и ЮФШ при КГУ (хотя многие были зачислены в ЗФМШ при МГУ, МВТУ им. Баумана, заочные школы других высших учебных заведений). Для ребят из спец. классов преподаватели факультетов вели спецкурсы по математике, кружки по отдельным разделам математики. Дважды в год проводилась зимняя и летняя математические школы (с выездом на месяц за пределы Краснодара), ежегодные краевые математические олимпиады. Со дня рождения спец. классов в них периодически работали. В настоящее время компьютеры завоевали свою нишу и поэтому в этом отношении особых проблем нет, а описание нашего опыта по проблемам компьютеризации приведено лишь с целью показать, что препятствия преодолевает идущий.

Ещё об учащих спецклассов.

В специализированном классе учатся ребята с одними и теми же, по крайней мере, близкими в профессиональном отношении стремлениями. Они говорят «на одном языке». В группе хорошо подготовленных учащихся даже исключительная одаренность не кажется поразительной и не приводит к тому, что часто бывает в обычной школе – комплексу превосходства над окружающими. Общение со студентами, аспирантами, преподавателями очень важно для школьников. Способные дети легко перенимают логику и формы рассуждений взрослых, но, в то же время, они стремятся к критическому анализу, ищут свой путь решения проблем и задач.

В ходе нашего исследования мы сформировали математические классы в средней школе № 4 г. Краснодара и определили ее в качестве базовой для математического факультета Кубанского университета, создали кабинет вычислительной техники, собрали ребят, увлекающихся математикой, и занимались с ними по специальной программе.

В классы и школы с углубленным изучением отдельных предметов приходят ребята среднего и старшего возраста из других школ, приходят пусть еще не окончательно сложившиеся, но уже личности. Как сделать так, чтобы, сохранив индивидуальность, они стали и коллективом? Естественно, общих рецептов здесь быть не может, но наш опыт, так же как опыт коллективов аналогичных школ, показывает: лучший «метод» здесь - увлечь учебным трудом, создать возможности для творческой работы – и индивидуальной и коллективной. Если такая увлеченность есть, если есть общее, всем интересное дело – сложится и коллектив.

Один из самых основных принципов работы учителя в спецклассе, как считают наши педагоги, заключается в том, чтобы способствовать развитию мышления учеников. Вопрос «Почему?», – пожалуй, главный на уроке. Приучать осмысливать, анализировать, самостоятельно думать, принимать решения – вот чего в первую очередь добиваются учителя. Не беда, если ученик ошибется, – иногда «умная» ошибка говорит о высоком качестве знаний.

Отбор ребят для углубленного изучения того или иного предмета – дело относительно новое. Оно требует тщательного обоснования. Сейчас, когда значительно увеличивается число школ с дифференцированным обучением, должна быть разработана диагностическая система, позволяющая определять уровень и «виды» способностей учеников. Пожалуй, самый богатый опыт по этой проблеме накопили физико-математические школы при университетах, которые уже много лет занимаются поиском способных ребят.

Что представляют собой ученики спецклассов? В большинстве своем они работоспособны, на уроках активны, практически все усваивают материал. В процессе обучения у школьников вырабатывается устойчивое внимание, они приучаются логически мыслить, контролировать свои знания и знания своих товарищей, учатся мыслить нестандартно, что очень ценно при решении задач, ищут разные способы решения, анализируют их.

Важно, что ученики интересуются многими разделами математики, выходящими за рамки программы, самостоятельно в них вникают, пишут рефераты, выступают с докладами, учатся в заочных школах при МГУ и физико-техническом институте, ЮМШ при Кубанском университете, принимают участие в олимпиадах различного уровня, занимая призовые места. Такую целеустремленность, заинтересованность редко видишь в классах, работающих по обычной программе, да и времени для того, чтобы глубоко разобраться в изученном материале, у ребят в этих классах мало.

Дифференцирование обучения в старших классах, по мнению и самих школьников, необходимо, они довольны тем, что занимаются в спецклассе. Выбор будущей профессии многие из них связывают с математикой, программированием и ЭВМ, физикой. Увлеченность любимым предметом благотворно влияет на общее развитие учеников спецклассов – активных общественной жизни, с широким кругозором. У них на все своя точка зрения, и они умеют ее отстаивать.

Литература:

1. URL : sgu.ru/bazovye_shkoly_rossiyskoy_akademii_nauk
2. URL : edu.gov.ru/activity/main_activities/ran_schools/
3. URL : navigato.ru/stati/publication
4. URL : rg.ru/2019/08/29/reg-urfo/v-rf
5. Лазарев В.А. Педагогическое сопровождение одарённых старшеклассников : монография. Изд. Ярославского гос. пед. Университета, 2005, 273 с.
6. Куценко Л.М. Народное образование / Л.М. Куценко, В.А. Лазарев. 1989. № 1. С. 35–41.
7. Лазарев В.А. Вопросы использования ЭВМ в процессе обучения математиков. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. Пермь 1986 г.
8. URL : zaki.ru/pagesnew.php?id=1846
9. Васильев Н.Б. Задачи всесоюзных математических олимпиад / Н.Б. Васильев, А.А. Егоров. М. : Изд. Наука, 1988.

Literature:

1. URL : sgu.ru/bazovye_shkoly_rossiyskoy_akademii_nauk
2. URL : edu.gov.ru/activity/main_activities/ran_schools/
3. URL : navigato.ru/stati/publication
4. URL : rg.ru/2019/08/29/reg-urfo/v-rf-...
5. Lazarev V.A. Teaching escort of gifted high school students : monograph. Publishing House of Yaroslavl State Pedagogical University. 2005. 273 p.
6. Kutsenko L.M. People's Education / L.M. Kutsenko, V.A. Lazarev. 1989. № 1. P. 35–41.
7. Lazarev V.A. Issues of computer use in the process of studying mathematicians. Theses of the reports of the All-Union Scientific and Practical Conference. Perm, 1986
8. URL : zaki.ru/pagesnew.php?id=1846
9. Vasiliev N.B. Problems of the All-Union Mathematical Olympiads / N.B. Vasiliev, A.A. Egorov. M. : Publishing house Science, 1988.

**ПОСТАНОВОЧНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНИЗАТОРА ТЕАТРАЛИЗОВАННОГО ДОСУГА ШКОЛЬНИКОВ**

**STANDING ASPECTS OF ACTIVITY ORGANIZER
OF THEATERIZED LEISURE OF SCHOOLCHILDREN**

Опарина Нина Александровна
кандидат педагогических наук,
профессор департамента
социально-культурной деятельности
и сценических искусств института
культуры и искусств,
Московский городской
педагогический университет
oparil18@yandex.ru

Nina A. Oparina
Candidate of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department
Social and Cultural Activities
and Stage arts of the Institute
Culture and Arts,
Moscow City Pedagogical University
oparil18@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы постановочного этапа работы руководителя школьными театрализованными зрелищами. Автором обращается внимание на то, что этап создания сценарного замысла и написания сценария требует серьезного творческого и организационного подхода к этапу воплощения. И эта работа режиссёра требует специальных знаний, умения работать с актёрами и другими исполнителями, видеть возможности сценической площадки и решать сценографические проблемы расстановки мизансцен и всего действия. Автор статьи анализирует поэтапно работу режиссёра-постановщика театрализованных представлений в условиях образовательных учреждений. Уделяется внимание умению режиссёра синтезировать в своей творческой и организационной деятельности различные художественные и технические средства, помогающие раскрыть основную идею работы и эффективнее воздействовать на чувственно-эмоциональную сферу зрителей.

**Ключевые
слова:**

зрелище, досуг, театрализация, сцена, сценарий, творчество, режиссёр.

Annotation.

The article deals with the problems of the staged stage of work of the head of school theatrical performances. Attention is drawn to the fact that the stage of creating a scenario design and writing a script requires a serious creative and organizational approach to the stage of implementation. And this work – the work of the director requires special knowledge, the ability to work with actors and other performers, see the possibilities of the stage platform and solve scenographic problems of setting up the stage work and the whole action. The author of the article analyzes in stages the work of the director-director of theatrical performances in the conditions of educational institutions. Attention is paid to the ability of the director to synthesize in his creative and organizational activity various artistic and technical means that help to reveal the basic idea of the work and more effectively influence the sensual-emotional sphere of the audience.

Keywords:

spectacle, leisure, theatricalization, stage, script, creativity, director.

Актуальность статьи основывается на важности этапа воплощения сценарного замысла и драматургического материала режиссёром-постановщиком школьных театрализованных зрелищ. В статье обращается внимание на то, что работа режиссёра над сценарием, написанным для школьников, требует не менее серьезного и глубокого отношения, чем постановочная работа для взрослой аудитории. Режиссёру-постановщику детских театрализованных зрелищ так же необходимы профессиональные знания и умения работать с актёрами и другими людьми, участвующими в организационно-творческом процессе.

Цель статьи — освещение некоторых аспектов технологии режиссуры театрализованных представлений в творческой деятельности организатора-постановщика школьных праздников, концертов, фестивалей, конкурсов и других зрелищ.

Задачи исследования решались с помощью разработанных тренингов и упражнений, выполняемых участниками исследования и итогового анализа результатов.

Результаты убеждают в необходимости приобретения педагогом-организатором постановочных знаний и умений для более качественной и профессиональной работы в процессе воплощения сценария школьных представлений.

Воспитательному значению искусства в процессе формирования личности ребёнка педагогическая наука всегда уделяла самое серьёзное внимание. Искусство информирует, развивает, помогает становлению мировоззренческих качеств, корректирует жизненные интересы и расширяет способности растущего человека [1]. Многие педагогические задачи успешно осуществляются средствами насыщенной культурно-досуговой деятельности. Она обладает серьёзным потенциалом в формировании и развитии личности ребенка, совершенствует заложенное в нём природой, помогает корректировать поведение и сознание.

В современной практике школьного досуга зрелищно-игровые формы занимают значительную часть свободного времени ребят и характеризуются использованием метода театрализации в процессе организации и проведения [6, с. 70].

Этот метод вносит элемент художественности в сценарную ткань досугового художественно-массового мероприятия и организует его содержание.

В художественно-творческом процессе школы участвуют, чаще всего, и педагоги, и школьники, и родители. Сценарный замысел формируется коллективно и зависит от усилий всех участников процесса сотворчества. Но нередко и сценаристом, и постановщиком становится один человек, обладающий и творческим, и организаторским потенциалом, хотя творческая деятельность исполнителей и других участников всё равно наполняет работу ценными находками и предложениями, которые нельзя игнорировать. Эти наблюдения и предложения базируются на материале конкретного социума и, благодаря им, работа заинтересует всех зрителей особенным образом [12].

Интересный замысел сценария требует не менее интересных приёмов и средств для его воплощения. Для успешной реализации и постановки сценария следует включать в творческую деятельность тех, для кого организуется мероприятие. Творческая деятельность базируется на интересе тех, кто в ней участвует. Вследствие этого, наиболее общими исходными положениями педагогики досуга являются принципы интереса, единства рекреации (отдыха и восстановления сил) и познания, совместности деятельности. От наличия или отсутствия интереса зависит досуговая активность или пассивность личности и желание быть участником творческого или организационного процесса. Среди интересов человека в сфере досуга можно выделить интерес к информации, стремление к творческому самовыражению и эмоциональной разрядке [8].

Школьники отдают предпочтение художественным, спортивным и игровым зрелищам. Среди художественных зрелищ школьники отдают предпочтение концертам, игровым программам, театрализованным представлениям, праздникам, конкурсам, викторинам, фестивалям, кинофильмам, и т.п. Школьникам привлекательны и различные формы досуговой деятельности, которые дают им возможность перевоплощаться, «примерить» на себя ту или иную роль, изменить хотя бы на время себя, побыть «другими». Этим объясняется их интерес к маскарадам, карнавалам, представлениям театрализованного характера [4, с. 57].

У каждой зрелищной формы существует этап замысла, сбора и отбора материалов, работа над сценарием [7]. Творчески работающий сценарист обладает и режиссёрскими способностями, и даром предвидения, который позволяет ему заранее «видеть» то, о чём он пишет. Это – режиссёрский подход к сценарной работе. Постановщик должен многое предвидеть и предвосхищать в предстоящем зрелище. Ему важно учитывать все плюсы и минусы площадки и возможности технических средств заранее. Ему важно заранее понимать, какой эмоциональный настрой зрители должны будут испытывать в том или ином эпизоде или мизансцене.

Сценические площадки у школьных досуговых программ могут быть различными: сцены, арена, фойе парки, и т.д. Огромную роль играют технические и световые средства, имеющиеся на площадках. Все это существенным образом сказывается и на сценарном творчестве, и на режиссёрском воплощении сценарного материала [2].

Слово режиссёр означает «управляющий». Организатор театрализованного представления или других досуговых программ в школе руководит, управляет и направляет всеми дей-

ствиями исполнителей и других участников сценического произведения [9]. Режиссёрская работа в процессе подготовки и проведения досуговой программы является завершающим этапом процесса эмоционально-художественного влияния на зрителей. Зритель или аудитория, в конечном счёте, является главной целью деятельности постановщика. Все его творческие, эмоциональные, профессиональные усилия направлены на аудиторию. В реакции зрителя на его художественный поиск заключается смысл деятельности режиссёра.

Работа режиссёра-постановщика сопряжена с постоянным поиском выразительных средств, образной подачи замысла с помощью сценографического решения, музыкального и технического оформления, выстраивания событийного ряда. Огромная работа ведётся режиссёром с актёрами и другими исполнителями индивидуально и репетиционно, распределяются мизансцены, эпизоды в соответствии с законами драматургического действия и режиссёрского решения. Весь свой поиск и всю организационно-творческую работу в процессе подготовки сценического зрелища режиссёр направляет на то, чтобы была достигнута непрерывность действия. Режиссёр массового праздника решает не только творческие, но и многие организационные вопросы: доставку техники, творческих коллективов, выступающих реальных героев, время на монтаж декораций и многое другое. Эта работа трудоёмкая, требующая чёткости и слаженности всех организаторов и помощников режиссёра [11]. Необходим чёткий план подготовки, расписанный досконально, где все обязанности каждого члена организационной группы обозначены чётко и должны быть обязательно выполняемы. Все усилия должны быть направленными на реализацию режиссёрского замысла, режиссёрской сверхзадачи и подчиняться на развитие действия и на всю работу, в целом.

Сценарий театрализованной программы, праздника или другой зрелищно-игровой формы отличается от пьесы и, следовательно, их постановка отличается от режиссуры театра. В спектакле всё скрепляет сюжет, а в массовых зрелищных программах сюжет не всегда присутствует, а те компоненты театрализации, которыми они наделены, чаще всего, иллюстративны и подчиняются единому сценарно-режиссёрскому ходу, который является сквозным художественным приёмом всего действия. Все эпизоды, вся действенная сторона творческого поиска и режиссёра, и актёров, и всего творческого состава, занятого в подготовке и постановке театрализованного мероприятия, подчиняются этому сквозному ходу, что обеспечивает в итоге интерес зрителей. И здесь следует сказать о важности разработки постановочного плана [5 с. 27].

Постановщику нужно как можно детальнее разработать такой план и многое предусмотреть, чтобы потом не было «накладок». Режиссёрский план, обычно, бывает двухчастным, первая из которых разрабатывает основные эпизоды, звукопартитуру и технику, а вторая — последовательно фиксирует все составляющие действия с указанием их начала и завершения. В практике режиссёров досуговых зрелищ такая запись называется монтажным листом.

В постановочном плане описывается подробно и место проведения мероприятия, и количество участников, и оформление, и костюмы, и реквизит, и ответственный за каждый эпизод и за каждое задание.

Сценарий не всегда дословно используется режиссёром в постановке. Подчиняя его своему видению и решению, он может перевести какие-то словесные построения в действия. Он может прибегнуть к техническим, музыкальным, световым приёмам в соответствии со своим видением той или иной сцены или фрагмента действия. Практики досуговых мероприятий, иногда сценарий, в начале работы заменяют сценарным планом, поскольку режиссёрское решение потребует корректив и нововведений в действие, и потом после того, как все будет учтено и разработано постановщиком, сценарий прописывается детально и литературно выверяется текст, реплики героев и исполнителей.

Постановочную разработку сценария называют режиссёрской экспликацией. Это - изложение и обоснование замысла режиссёра, всех его поисков и решений по воплощению сценарного материала. Создание режиссёрской экспликации – это готовность к старту всей художественно-творческой и организационной работы всего коллектива.

Экпликация должна дать ответы на все вопросы, связанные с теми или иными проблемами в работе, и выстроить логику действий. Перевести зримо драматургический материал в сценическое действие под силу творчески способным людям. Это не всегда сразу удаётся и профессиональным режиссёрам. Г. Товстоногов одной из главных составляющих таланта режиссёра называл чувство зрелищности.

В постановочной практике режиссёры оформляют экспликацию по-разному. Одни из них на бумаге слева располагают сценарий, а справа описывают происходящее в том или ином

эпизоде в это время, другие – делают монтажный лист в форме таблицы. На монтажном листе, чаще всего, должны присутствовать следующие компоненты:

- название сцены или эпизода;
- место действия;
- действующие лица данной сцены;
- описание действия;
- текст, реплика;
- осветительная техника;
- видео и кинофрагменты;
- аудиосредства;
- одежда, костюм;
- приспособления, реквизит;
- декорации;
- музыка.

Прежде чем работать над деталями, оформлением и проводить репетиции, режиссёр проводит событийную выстройку будущего зрелищного мероприятия. Если сценическое действие представить себе маленькой моделью жизни, то в нём, как и в жизни, не каждый поступок, не каждое действие являются значимыми, запоминающимися. Не всё становится событийным в нашей повседневности. Сценическим событием тоже далеко не каждый факт или действие, происходящее перед зрителем, можно назвать событием. Событием режиссёры считают такой сценический факт, который даёт толчок к рождению следующего события.

Череда событий, вытекающих одно из другого, называется событийным рядом. Понимание этой цепочки событий важно и для постановщика, и для исполнителей, и других участников зрелища. Одна из особенностей работы режиссёра с актёрами заключается в том, что он должен не только сам знать и владеть техникой актёрского мастерства, но и быть хорошим и чутким педагогом.

Технологически постановочный процесс начинается со знакомства со сценарием или, как говорят в театре, с коллективной «читки» пьесы. Потом распределяются роли, определяются эпизоды и занятость в них тех или иных участников, обозначаются и задачи: общие и индивидуальные. На каждой репетиции поэтапно идёт корректировка задач и решаются различные вопросы. Каждый режиссёр по-своему определяет задачи репетиций и поэтому даёт им свои названия в тот или иной момент работы: черновые, прогонные, сводные генеральные. На последнем этапе идёт первый показ на своих зрителях из ближайшего окружения к творческой группе для окончательной корректировки работы.

Стоит отдельно осветить и понятие «мизансценирование» зрелищного действия. «Мизансцена» – в переводе с французского означает размещение актёров на сцене в определённых соотношениях друг с другом в те или иные моменты спектакля. Режиссёр в сценическом пространстве видит, как расставить героев в тот или иной момент и выстраивает их действия в контексте взаимоотношений и творческих задач. Мизансцены, переходя от одной к другой, образуют цепочку сценического произведения [10].

Умение построить мизансцену и выстроить переходы от одной к другой характеризует мастерство режиссёра.

Порой, режиссёр-постановщик в погоне за внешними зрелищными эффектами перегружает действие техническими нагромождениями и в этом стремлении к оригинальным решениям теряет свою главную идею, разрушает движение к сверхзадаче.

Обнаружению основного замысла, раскрытию идеи, помогает цельность в сценографических средствах, отсутствие излишней детализации. «Сценография» – это оформление сценической площадки и всего сценического действия.

Сценография не должна копировать реальность и бытовое наполнение сценического действия. Режиссёр стремится найти сценографическое решение, которое в контексте всей идеи его замысла способно будет помочь зрителям понять, яснее осмыслить происходящее на сцене. Каждый предмет на сцене должен быть многофункциональным и лёгким, чтобы его можно было использовать в разных мизансценах по-разному. Помочь в этом смысле могут различные сценические приспособления в виде ширм, кулис, суперзанавеса и т.д. Действию и мобильным сменам мизансцен и эпизодов культурно-досуговых программ громоздкость декораций, их пышность и вычурность будет только служить помехой.

Пользоваться некоторыми сильными художественными средствами тоже нужно в соответствии с идеей и объективными возможностями исполнителей. В лучшем случае, недоумение испытывают зрители, когда, например, слабую игру актёра режиссёр старается поддержать серьёзной классической музыкой. Глубина и пафос музыки вызовут только обратный эффект от соседства с примитивной актёрской игрой. У зрителей возникнет и чувство неловкости за постановщиков и актёров, и возникнет желание воспринять это в комическом контексте.

Музыка, зачастую, служит и прологом, и эпилогом представления, то есть, может предварять действие и его достойно заключать. Она создаёт лейтмотив главной идеи представления, даёт характеристику героям, создаёт необходимый эмоциональный фон. Стремление к яркости зрелища, его эмоциональной выразительности заставляет постановщика обращаться к другим художественным средствам (живописи, музыке, хореографии, скульптуре), а также технических вспомогательных средств. Атмосфера сотворчества способствует обогащению замысла и стремлению к сверхзадаче всей работы. Творческая работа увлекает и спланирует [3].

Перед началом организационно-творческой работы важно прояснить некоторые специфические особенности будущего мероприятия.

На первом этапе нужно определить социальную значимость и масштаб мероприятия: оно может иметь статус общенародного государственного праздника, отмечаться как праздник региона, города, района, как профессиональный или как праздник отдельного учреждения, предприятия – юбилей, завершение этапа работы, презентация и т.п.

На втором этапе важно выяснить, где будет проходить мероприятие: на сцене, в парке, в стадионе и т.д.

Следующий этап – работа над содержанием самого мероприятия. Предстоит выяснить число участников зрелищного мероприятия, масштабы и конкретные условия, в которых протекает массовая досуговая деятельность. Важно, чтобы количество людей в данном пространстве было оптимальным, а, в противном случае, человек может растеряться, почувствовать себя в чужой среде.

Один и тот же человек ведет себя совершенно по-разному в церкви или на футбольном матче, в аллее парка или в праздничной толпе. Работа в помещении также требует продуманности и учёта количества участников. Педагогическая ценность театрализованных зрелищ значительно возрастает, если в процесс их подготовки и проведения того или иного массового мероприятия втягиваются сами участники – добровольные помощники.

Опора на инициативу ребят, умение привлечь их к участию в организации и проведении художественно-творческой досуговой деятельности является одним из высших показателей профессионального мастерства педагога-организатора.

Действия режиссера при анализе сценария и его воплощении требуют особого отношения и организации. Режиссеру нужно правильно и последовательно организовать свою работу.

1. Сделать идейно-тематический анализ сценария. Определить тему, идею, сверхзадачу как наиболее важные компоненты замысла.

2. Определить композиционную структуру сценария (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка, финал и не всегда встречающиеся пролог и эпилог).

3. Деление материала на эпизоды. Каждый эпизод должен быть выстроен в соответствии с драматургической композицией всего мероприятия. И у каждого эпизода, в свою очередь, следует ясно обозначить своё начало, развитие и окончание.

4. Определить событийный ряд всего действия. Процесс этот также связан с композиционной структурой развивающегося по драматургическим законам действия (к кульминации относим самое яркое и эмоционально насыщенное событие и т.п.).

5. Работа над текстом. Характер каждого героя и исполнителя требует своего текста, своих реплик со своими интонациями и особенностями речи. Монологи и диалоги действующих лиц – это отдельная большая работа режиссёра и самих исполнителей.

6. Вспомогательные средства. Ни одно мероприятие не обходится без дополнительных средств художественной выразительности и технического оформления. Всё это зависит от художественного замысла и режиссёрского решения.

План подготовки и проведения мероприятия.

Составление режиссёрского плана зависит от индивидуальных качеств личности режиссера, его воззрений, опыта и мастерства. Каждый сценарий имеет свои особенности в режиссёрском решении его постановки.

8. Приёмы работы с актёрами и другими исполнителями театрализованного зрелища.

- В работе с актерами режиссеру важно соблюдать некоторые негласные правила:
- не следует обращаться к материалу, который не вызывает интереса у исполнителей и других участников;
 - обеспечивать выгодные условия каждому исполнителю и помещать его в ситуацию успеха;
 - добиваться создания атмосферы сотворчества;
 - поощрять все предложения участников организационно-творческого процесса. Только осознав главные цели художественно-творческой работы с детьми, можно переходить к решению следующих организационно-творческих проблем:
 - формирование коллектива исполнителей;
 - подбор драматургического материала или выбор и создание сценарной основы будущего зрелища;
 - разбор пьесы или сценария совместно с исполнителями и участниками;
 - выработка режиссёрского отношения к идее и ко всему замыслу;
 - распределение материала по ролям с учётом пожелания участников.
9. Нахождение приёмов интерактивного общения со зрителем. Это - важный компонент зрелища. Об этом режиссеру необходимо помнить постоянно.
10. Подчинение общей идее различных жанров зрелища.
 11. Пространственное решение зрелища.
 12. Налаживание процесса сотворчества.
 13. Привлечение современных технических средств
 14. Работа с массовой.
 15. Монтаж эпизодов.

Литература:

1. Андерсон Д. Мир – театр. Будь актёром! / Д. Андерсон; Пер. с англ. А. Петровой. М. : Полина, 1998. 285 с.
2. Захава Б.Е. Мастерство актёра и режиссёра : учеб. пособие. 5-е изд. М. : РАТИ – ГИТИС, 2008. 432 с.
3. Лавренова Л.Е. Детские праздники в школе и дома. СПб. : Паритет, 2006. 160 с.
4. Опарина Н.А. Школьные театрализованные праздники и зрелища. М. : Арманов-центр, 2012. 176 с.
5. Опарина Н.А. Педагогика детского зрелищного досуга : монография. М. : Белый ветер, 2013. 254 с.
6. Опарина Н.А. Театрализация детского досуга. М. : Белый ветер, 2013. 304 с.
7. Опарина Н.А. Организация театрализованного досуга школьников : монография. 2-е изд., доп. М. : Белый ветер, 2017. 235 с.
8. Стрельцов Ю.А. Педагогика досуга : учеб. пособие / Ю.А. Стрельцов, Е.Ю. Стрельцова. М. : МГУКИ, 2008. 272 с.
9. Театр, где играют дети : учеб.-метод. пособие для руководителей детских театральных коллективов / Под ред. А.Б. Никитиной. М. : ВЛАДОС, 2001. 288 с.
10. Чечётин А.И. Основы драматургии театрализованных представлений: история и теория. Учебник для студентов ин-тов культуры. М. : Просвещение, 1981. 193 с.
11. Чёрный Г.П. Торжественно, красиво, памятно: массовые школьные праздники и театрализованные представления: книга для учителя. М. : Просвещение, 1989. 189 с.
12. Шмаков С.А. Нетрадиционные праздники в школе. М. : Новая школа, 1997. 336 с.

Literature:

1. Anderson D. Mir – theater. Be an actor ! / D. Anderson; Translation from English by A. Petrova. M. : Polina, 1998. 285 p.
2. Zakhava B.E. Skill of actor and director : textbook. 5th edition. M. : RATIS – GITIS, 2008. 432 p.
3. Lavrenova L.E. Children's holidays at school and at home. SPb. : Parity, 2006. 160 p.
4. Oparina N.A. School theatrical holidays and spectacles. M. : Armanov Center, 2012. 176 p.
5. Oparina N.A. Pedagogy of children's spectacular leisure : monograph. M. : White wind, 2013. 254 p.

6. Oparina N.A. Theatralization of children's leisure. M. : White wind, 2013. 304 p.
7. Oparina N.A. Organization of theatrical leisure for schoolchildren : monograph. 2nd ed., Supplement M. : White wind, 2017. 235 p.
8. Streltsov Yu.A. Pedagogy of leisure : textbook / Yu.A. Streltsov, E.Yu. Streltsova. M. : MGUKI, 2008. 272 p.
9. Theater where children play: educational and methodological manual for the leaders of children's theater groups / Edited by A.B. Nikitina. M. : VLADOS, 2001. 288 p.
10. Chechetin A.I. Fundamentals of drama of theatrical performances: history and theory. Textbook for students of cultural institutes. M. : Enlightenment, 1981. 193 p.
11. Black G.P. Solemnly, beautifully, memorably: mass school holidays and theatrical performances: a book for a teacher. M. : Enlightenment, 1989. 189 p.
12. Shmakov S.A. Non-traditional holidays at school. M. : New school, 1997. 336 p.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПЕДАГОГА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PROFESSIONAL AND ETHICAL CULTURE OF A TEACHER AS A CONDITION FOR SUCCESSFUL PROFESSIONAL ACTIVITY

Сельмурзаева Марижа Рамзановна
старший преподаватель кафедры
педагогике и дошкольной психологии,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»,
г. Грозный
selmurzaeva8696@mail.ru

Marizha R. Selmurzaeva
Senior Lecturer of the Department
Pedagogy and Preschool Psychology,
FSBOU VO «Chechen State
Pedagogical University»,
Grozny
selmurzaeva8696@mail.ru

Аннотация. Проблема формирования профессионально-этической культуры в настоящее время очень актуальна, т.к. инновационные процессы, происходящие в педагогической теории и практике, предъявляют серьезные требования к педагогу. В связи с изменениями, которые происходят в системе образования в РФ, все больше возрастает потребность в грамотных, профессионально компетентных педагогах. В статье мы рассматриваем факторы, влияющие на формирование профессиональной деятельности педагога, говорим о том, насколько важно, чтобы учитель-педагог был компетентным, обладал культурой, этикой общения, как с обучающимися, так и с коллегами, говорим о том, какими качествами должен обладать современный педагог.

Ключевые слова:

этика, культура, компетентность, профессионализм, личность, педагог.

Annotation.

The problem of the formation of a professional and ethical culture is now very relevant, as innovative processes taking place in pedagogical theory and practice, impose serious requirements on the teacher. In connection with the changes that are taking place in the education system in the Russian Federation, the need for competent, professionally competent teachers is increasing. In the article, we consider the factors influencing the formation of the teacher's professional activity, we talk about how important it is for a teacher-teacher to be competent, have a culture, ethics of communication, both with students and with colleagues. We are talking about what qualities a modern teacher should have.

Keywords:

ethics, culture, competence, professionalism, personality, teacher.

Проблема формирования профессионально-этической культуры в настоящее время очень актуальна, т.к. инновационные процессы, происходящие в педагогической теории и практике, предъявляют серьезные требования к педагогу.

Труд педагога многогранен и сложен. Каждый педагог должен обладать высокой педагогической, психологической и этической культурой [1]. В последнее время все больше появляется потребность профессионально компетентных педагогах.

По мнению З.А. Магомеддибировой: «...Одной из важнейших задач современной системы подготовки будущих учителей начальных классов является формирование всесторонне развитой творческой личности, владеющей широким кругом профессиональных, общекультурных и личностных компетенций [3].

В связи с этим, предъявляются много требований к личности педагога, к его профессиональным качествам, этической культуре, качеству его профессиональной подготовленности и т.д. Возникает вопрос: А что именно является показателем подготовленности и компетентности педагога? На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Учитель (педагог) должен быть вы-

соконравственным, интеллигентным и культурным человеком. Он для детей является примером для подражания [2].

Многие ученые, исследователи профессионально-этической культуры делают акцент на таких подходах, как системный, культурологический и аксиологический. Системный подход позволяет рассмотреть объект в его целостности. Особое внимание уделяется связям и отношениям между элементами системы. Культурологический подход позволяет рассматривать педагогические явления, педагогическую деятельность на широком фоне социума, как совокупность культурных компонентов. Культурологический подход предполагает создание условий для реализации сущностных, творческих сил личности в культуре и дает возможность увидеть педагогическую культуру как механизм сохранения и передачи социального наследия. Аксиологический подход раскрывает культуру как деятельность по созданию ценностей и содержание культуры определяет как систему ценностей.

Мы можем утверждать, что составляющей профессиональной культуры является этническая культура, в которой закреплены нравственные требования к личности специалиста. Профессионально-этническая культура полифункциональна. Она включает в себя профессионально-этические ценности, качества, которые регулируют социально-педагогические отношения.

Профессионально-этическая культура педагога выполняет и нормативную функцию. Как и в общей этической культуре, в профессионально-этической существуют простейшие представления о том, как должно поступать зафиксированные в нормах. Профессиональные нормы закреплены в профессионально-этических кодексах и подлежат неукоснительному исполнению. Существуют также и представления о том, как принято поступать, то есть, нравы, которые определяются культурно-историческими условиями и особенностями профессиональной среды, коллектива.

В современных условиях возрастает потребность в осуществлении образования в контексте культуры, актуализируется проблема подготовки учителя высокой педагогической культуры, посредника между культурами разных народов, способного к разработке и осуществлению культуросообразных педагогических технологий. Это включает квалификацию, профессионализм, педагогическую культуру, мастерство и компетентность учителя.

Значительный интерес представляет педагогическое наследие А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, связанное с разработкой проблемы педагогической культуры учителя. Многие известные педагоги к педагогической культуре относят знание нравственных норм и правил общения, культуру речи, виртуозное, мастерское владение приемами и методами взаимодействия и воздействия на личность ребенка, его чувство собственного достоинства. «Для этого учителю, – утверждал А.С. Макаренко, необходимо быть деликатным, обладать чувством меры, саморегуляции, эмпатией, выдержкой, повышенным требованиям к внешнему виду (одежда, привычка, носовой платок, выражение лица, мимика, жесты, движения, пантомимика, голос)».

«Высокая педагогическая культура – условие успешной профессиональной деятельности учителя».

Культура педагога – комплексное многоуровневое явление, включающее и личностные качества – характер, общительность, общую эрудицию, творческий потенциал в целом и пр.)

Культура педагога определяет во многом эффективность педагогических технологий.

К высокому уровню общей и профессионально-этической культуры учителя относится:

– структура педагогического мастерства: условие педагогического творчества, условие эффективности и качества учебно-воспитательного процесса, средства успешной самореализации учителя, основа педагогического мастерства;

– гуманистическая направленность: человек – абсолютная ценность, идеалы, интересы, система ценности, гуманистический стиль, гуманистические отношения;

– профессиональные качества: гражданственность, патриотизм, интеллигентность, духовно-нравственная культура, любовь к детям, трудолюбие и работоспособность, ответственность, технологическая компетентность;

– система профессиональных знаний, умений: философские, социальные, психолого-педагогические, специальные, дополнительные;

– творчество, умения и педагогические способности: дидактические, конструктивные, перцептивные, экспрессивные, организаторские, творческие, эмоционально-ценностные.

Ребенок при общении с педагогом-мастером не замечает, что его воспитывают и обучают. Ему просто хочется еще и еще раз встретиться с интересным, добрым и мудрым человеком – Учителем.

Наиболее полная характеристика профессионально значимых качеств учителя дана В.А. Слостениным: «Учитель – не только профессия, суть которой транслировать знания, а высокая миссия сотворения личности, утверждающей человека в человеке» [1].

Литература:

1. Кашапов М.М. Профессиональное становление педагога. Психолого-акмеологические основы : учеб. пособие для вузов / М.М. Кашапов, Т. В. Огородова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2020. 183 с. (Высшее образование) // ЭБС Юрайт [сайт]. URL : <https://urait.ru/bcode/454223>
2. Принцева В.А. Роль педагогического общения во взаимодействии учителя и учеников. М., 2014. URL : <https://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/2014/06/30/rol-pedagogicheskogo-obshch-eniya-vo-vzaimodeystvii-uchitelya-i>
3. Магомеддибирова З.А. Пути формирования профессиональной компетентности будущих учителей начальных классов в процессе их подготовки мир науки, культуры, образования / З.А. Магомеддибирова // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2020. № 5(84). С. 134–137. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44172367>

Literature:

1. Kashapov M.M. Professional development of a teacher. Psychological and acmeological foundations: a textbook for universities / M.M. Kashapov, T.V. Ogorodova. 2nd ed., Rev. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2020. 183 p. (Higher education) // EBS Yurayt [site]. URL : <https://urait.ru/bcode/454223>
2. Printseva V.A. The role of pedagogical communication in the interaction of teachers and students. M., 2014 URL : <https://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/2014/06/30/rol-pedagogicheskogo-obshcheniya-vo-vzaimodeystvii-uchitelya-i>
3. Magomeddibirova Z.A. Ways of forming the professional competence of future primary school teachers in the process of their preparation world of science, culture, education // World of science, culture, education. Gorno-Altaysk, 2020. № 5(84). P. 134–137. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44172367>

ПРИНЦИПЫ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ ДЛЯ РАБОТЫ С ДЕВИАНТНЫМИ ПОДРОСТКАМИ

PRINCIPLES OF TRAINING LAW STUDENTS TO WORK WITH DEVIANT TEENAGERS

Томаева Диана Михайловна
ассистент кафедры
уголовного права и процесса,
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский
горно-металлургический институт
(государственный
технологический университет)»
diana_tomaeva0304@mail.ru

Diana M. Tomaeva
Assistant of the Department
Criminal Law and Proceedings,
FSBOU VO «North Caucasus
Mining and Metallurgical Institute
(State University of Technology)»
diana_tomaeva0304@mail.ru

Аннотация. Высокий уровень образовательного процесса в стенах юридических факультетов является основным признаком сформированности профессиональной компетентности будущего юриста для взаимодействия с подростками, допускающими в своем поведении отклонения от нормы. В статье исследуются принципы образовательного процесса подготовки профессионального и компетентного специалиста для работы с девиантными несовершеннолетними. Предлагаются некоторые условия для повышения эффективности учебного процесса и уровня подготовки студентов для практической работы с подростками.

Ключевые слова: принципы обучения, профессиональные компетенции, государственный стандарт, юрист, образование, учебный процесс, девиантные подростки.

Annotation. The high level of the educational process within the walls of law faculties is the main sign of the formation of the professional competence of the future lawyer for interaction with adolescents who allow deviations from the norm in their behavior. The article examines the principles of the educational process of training a professional and competent specialist to work with deviant minors. Some conditions are proposed to improve the efficiency of the educational process and the level of preparation of students for practical work with adolescents.

Keywords: pedagogical education, general cultural competences, professional competences, lawyer, didactic principles.

Введение. В целях подготовки профессионального и компетентного специалиста в области юриспруденции для работы с подростками, в учебном заведении необходимо при организации учебного процесса опираться на определенные принципы. Основные закономерности образования находят свое отражение в принципах обучения.

В педагогическом словаре дается следующее понятие термина «принцип» (от лат. *principium* – основа, первоначало) – это основополагающее правило, идея, основное требование к деятельности, поведению и т.д. [3, с. 108]. Под принципами образования необходимо понимать определенную иерархическую систему исходных, основных требований к учебному процессу, выполнение которых способствует эффективности обучения.

На современном этапе развития образования принципы построения процесса обучения формируются на базе тщательного научного анализа учебного процесса, соотносятся с закономерностями образовательного процесса, целями и задачами современного образования, с компетентностью преподавательского состава учебных заведений и их педагогическими возможностями.

Основоположники юриспруденции и научные работники в области дидактики, отталкиваются от того, что принципы образования исторически конкретны и соответствуют потребно-

стям общества. Принципы подготовки будущего юриста меняются и совершенствуются с ходом научно-технического прогресса и развитием общества [4, с. 161]. Но, необходимо сказать, что современные принципы учебного процесса не должны отменять классические принципы образования, они должны лишь их дополнять. На современном этапе, юридическое образование ориентировано на подготовку компетентного и конкурентно способного выпускника вуза, следовательно, необходимо постоянно совершенствовать современную систему принципов образования, отражающую потребности общества и новые тенденции [1, с. 36.]. Такой тенденцией современного этапа развития юриспруденции является работа с девиантными подростками, которая обуславливает необходимость подготовки компетентного юриста в области работы с девиантными несовершеннолетними.

Исследование. Советские ученые (М.Н. Скаткин, М.А. Данилов, Л.В. Занков) сформулировали систему принципов учебного процесса, которые принято называть классическими принципами. К ним относятся:

- принцип научности и доступности, системности и последовательности;
- связи обучения с жизнью;
- наглядности и абстрактности, прочности знаний и умений;
- сознательности и активности учеников при руководящей роли преподавателя;
- воспитывающего характера обучения [2, с. 49.]

Перечисленные принципы, до настоящего составляют основу всех научных классификаций современных принципов процесса обучения.

Юристы, трудовая деятельность которых непосредственно связана с несовершеннолетними, вынуждены взять на себя педагогические, воспитательные, ресоциализирующие функции в процессе своей работы. Следовательно, на современном этапе развития образования, среди принципов подготовки профессионального юриста в сфере работы с несовершеннолетними, можно выделить следующие принципы организации учебного процесса:

1. Принцип плановости и строгой дисциплины подготовки. Данный принцип определяет необходимость точной продуманности, ясности и определенности в построении учебного процесса будущих юристов и их подготовки.

2. Принцип профессиональной основательности подготовки – подразумевает необходимость построения процесса обучения будущих юристов на достоверной информации, соответствующей реалиям жизни; на знаниях и практическом опыте. Учебный процесс должен быть направлен на формирование всех неотъемлемых компонентов профессиональной личности будущего юриста.

3. Принцип доступности учебного материала. Под данным принципом понимается, что будущий юрист в состоянии изучить и усвоить теоретический материал под руководством преподавателя при применении своих умственных возможностей. Изучение учебного материала в ходе учебного процесса должно быть выстроено таким образом, чтобы каждая тема и вопрос изучались обучающимися именно в момент, когда они будут наиболее доступны для усвоения. При таком построении учебного процесса, студенты эффективнее усвоят теоретический материал, в том числе, и в области работы с несовершеннолетними, смогут анализировать знания различных дисциплин юридического профиля и формулировать определенные выводы.

4. Принцип фундаментализации юридического образования – закрепляет необходимость включения в образовательный процесс будущих юристов общеобразовательных дисциплин, которые в совокупности с юридическими дисциплинами, способствуют формированию разносторонне-развитого профессионального специалиста в юридической области. К таким общеобразовательным знаниям можно отнести, например: умением пользоваться компьютером, умениями поиска, систематизации и анализа информации, владение иностранными языками, владение устной и письменной грамотной речью и т.д. Для эффективной работы будущим юристам с несовершеннолетними, будут необходимы знания в таких научных областях, как педагогика, психология, социология, демография и т.п.

5. Принцип связи теории с практикой. Данный принцип указывает на значимость гармоничного сочетания теоретических правовых знаний с юридической практической деятельностью. Принцип связи теории с практикой реализуется через применение полученных теоретических знаний во время прохождения практики студентами. На теоретических занятиях в институте необходимо рассмотрение реальных ситуаций и решение практических заданий для более эффективного усвоения материала, а все аудиторные занятия студентов необходимо согласовывать с программами практик, для закрепления теоретического материала в практической деятельности [5, с. 19]. Для эффективной работы будущих юристов с девиантными подростками

необходимо закрепление полученных ими знаний на практике в инспекциях по делам несовершеннолетних, с участковыми уполномоченными или в пенитенциарных учреждениях. Такая практика позволит будущим юристам быть готовыми к практической деятельности с подростками, которым свойственны проявления девиаций.

6. Принцип реализации обратной связи в юридическом образовании – один из основополагающих принципов системы подготовки будущих юристов к работе с девиантными подростками. Принцип реализации обратной связи включает в себя интерактивное педагогическое взаимодействие в ходе учебного процесса, под которым следует понимать непосредственную целенаправленную межличностную коммуникацию преподавателя и студента в процессе обучения. Данный принцип дает преподавателю представление о том, как проходит учебный процесс, позволяет выявить проблемные моменты в освоении материала.

7. Формирование педагогической компетентности у будущих юристов. Одной из сфер профессиональной деятельности юриста, как мы уже отмечали, является работа с несовершеннолетними с проявлениями отклоняющегося поведения. На сегодняшний день принципы и методы работы с несовершеннолетними определяются требованиями ювенальной юстиции, которая закрепляет иные принципы осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних. Юрист, при работе с подростками, должен быть морально устойчивым, сдержанным, волевым, честным, нравственно воспитанным, иными словами, обладать и владеть личностными качествами.

Студенты, планирующие свою трудовую деятельность в сфере ювенальной юстиции, должны освоить в полной мере все компетенции, предусмотренные государственными стандартами бакалавра и магистра, в процессе обучения в учебном заведении. В ходе трудовой деятельности с девиантными подростками юристу необходимо знать и учитывать возрастные психологические особенности несовершеннолетних в подростковом и юношеском возрасте, в практической деятельности применять специальные подходы для лучшего понимания мотивации поведения несовершеннолетнего, обеспечивать и защищать права ребенка, правильно и объективно оценивать противоправные деяния подростка. Следовательно, в целях подготовки профессиональных специалистов для работы с несовершеннолетними, необходимо включение в учебный процесс специальных учебных дисциплин, которые будут способствовать формированию у будущих юристов, теоретических основ знаний для работы с девиантными подростками. Введение в учебный процесс подобного рода дисциплин позволит будущим юристам в ходе выполнения своих должностных обязанностей, осуществлять воспитательную работу с несовершеннолетними с проявлениями девиаций.

Выводы. Профессиональная подготовка студентов юридических факультетов к работе с девиантными подростками возможна лишь в случае разработки и внедрения определенной системы учебного процесса, базирующейся на конкретных принципах. Наиболее эффективному формированию профессиональной личности будущих юристов, готовых к работе с девиантными несовершеннолетними способствуют такие педагогические условия, как:

- приобретение и расширение представлений студентов о целях и особенностях работы с несовершеннолетними, о ее специфике;
- знания о проблемных вопросах, возникающих в процессе трудовой деятельности;
- знания требованиях, предъявляемых к сотрудникам правоохранительных органов, осуществляющим работу с несовершеннолетними.

Высокий уровень подготовки выпускника юридического факультета к работе с девиантными подростками повышает его конкурентоспособность на рынке труда, возрастают возможности для трудоустройства, расширяет спектр учреждений для осуществления трудовой деятельности, способствует успешному карьерному росту.

Литература:

1. Гвоздева А.Н. Дидактические принципы в концепции интегративного подхода к дифференцированному обучению / А.Н. Гвоздева // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 34–38.
2. Загвязинский В.И. Теория обучения: Современная интерпретация : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. М. : Академия, 2006. 192 с.
3. Андреева Г.А. Краткий педагогический словарь / Г.А. Андреева, Г.С. Вяликова, И.А. Тютюкова. М. : Институт общегуманитар. исслед., 2005. 180 с.

4. Педагогика : учеб. пособие для студентов пед. институтов / Под ред. Ю.К. Бабанского. М. : Просвещение, 1983. 608 с.
5. Чурсина П.В. Социально-педагогический компонент профессиональной подготовки студентов юридического профиля : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2000. 21 с.

Literature:

1. Gvozdeva A.N. Didactic Principles in the concept of an integrative approach to differentiated learning / A.N. Gvozdeva // Knowledge. Understanding. Ability. 2007. № 3. P. 34–38.
2. Zagvyazinsky V.I. Theory of learning: Modern interpretation : textbook for universities. 3rd edition, corrected. М. : Academy, 2006. 192 p.
3. Andreeva G.A. Short pedagogical dictionary / G.A. Andreeva, G.S. Vyalikova, I.A. Tyutkova. М. : Institute of General Scientists. research, 2005. 180 p.
4. Pedagogy : textbook for students of pedagogical institutes / Edited by Yu.K. Babansky. М. : Enlightenment, 1983. 608 p.
5. Chursina P.V. Social and educational component of vocational training of law students : autoref. dis. ... candidate of pedagogical sciences. Stavropol, 2000. 21 p.

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ У ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

FEATURES OF SELF-ESTEEM IN ADOLESCENTS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

Тубеева Фиалета Казбековна

кандидат педагогических наук,
доцент,
ГБОУ ВО «Северо-Осетинский
государственный
педагогический институт»
mamievab.y@yandex.ru

Fialeta K. Tubeeva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
GBOU VO
«North Ossetian State
Pedagogical Institute»
mamievab.y@yandex.ru

Баликоева Мадина Владимировна

магистрант,
ГБОУ ВО «Северо-Осетинский
государственный
педагогический институт»
mamievab.y@yandex.ru

Madina V. Balikoeva

Undergraduate,
GBOU VO
«North Ossetian State
Pedagogical Institute»
mamievab.y@yandex.ru

Аннотация. За последние годы исследований у многих детей отмечается все более выраженное проявление специфических особенностей в познавательной и личностной сферах, которые непосредственно влияют на формирование их самооценки. В статье анализируются особенности самооценки подростков с умственной отсталостью, дается общая характеристика детей подросткового возраста, приводятся выводы, сделанные различными специалистами в области педагогики и психологии о формировании и развитии самооценки детей с нарушением интеллекта.

Ключевые слова:

умственная отсталость, самооценка, подросток, своеобразная самооценка, упрощенная самооценка, завышенная самооценка, заниженная самооценка.

Annotation.

In recent years, many children have experienced increasingly pronounced manifestations of specific characteristics in the cognitive and personal spheres that directly influence the formation of self-esteem. The article analyzes the features of self-esteem of adolescents with mental retardation, gives a general description of adolescent children, provides conclusions made by various experts in the field of pedagogy and psychology, about the formation and development of self-esteem of children with intellectual disabilities.

Keywords:

mental retardation, self-esteem, teenager, peculiar self-esteem, simplified self-esteem, overestimated self-esteem, low self-esteem.

Одним из важнейших факторов, влияющих на поведение индивида, является его самооценка. Самооценка – это оценка личностью самого себя, своих возможностей, собственных качеств, достоинств, недостатков и места среди других людей; также – это степень восприятия себя хорошим, компетентным, достойным уважения.

Внимание психологов привлекла не только проблема самооценки, но и причины, которые влияют на ее формирование (А. Адлер, Е.А. Архипова, Т.Ю. Андрущенко, И.С. Кон, К. Роджерс, К. Хорни, Э. Эриксон и др.). Исследования, проведенные этими психологами, выявили факторы, которые оказывают значительное влияние на самооценку [2]. Сложившаяся самооценка есть результат постоянного сопоставления того, что личность наблюдает в себе, с тем,

что видит в других людях. Человек, уже зная кое-что о себе, присматривается к другому человеку, сравнивает себя с ним, предполагает, что и тот не безразличен к его личностным качествам и поступкам, и все это входит в самооценку личности и определяет ее психологическое самочувствие.

Отечественные психологи (Л.И. Божович, И.С. Кон, А.И. Липкина, М.И. Лисина), рассматривая проблему самооценки человека, в первую очередь, подчеркивают важность его деятельности. Они считают, что самооценка, как и другие личностные образования, формируется в результате деятельности, и через осознание результатов своей деятельности человек приходит к осознанию себя как субъекта этой деятельности, к оценке своих возможностей и качеств [1]. Причём, главную роль в формировании личности играет социальная среда, издержки семейного и школьного воспитания, коллектив и т.д. Факторы наследственного характера: тип нервной системы, физическое состояние организма и т.д. играют второстепенную роль.

За последние годы исследований у многих детей отмечается все более выраженное проявление специфических особенностей в познавательной и личностной сферах, которые непосредственно влияют на формирование их самооценки [5].

Самооценка у ребенка начинает складываться с раннего детства в семье, которая в последующем существенно сказывается на установке, с которой он приходит в школу.

Ведущей формой деятельности ребенка в школе становится учебная деятельность. Успехи и неудачи в учении, оценка учителем результатов его учебного труда начинают определять и отношение ребенка к самому себе, т.е., его самооценку.

Учебная деятельность и формирующиеся в ней основные новообразования становятся ведущими факторами не только для интеллектуальной сферы, но и для всей личности ребенка, определяя пути и специфику их развития.

Необходимым условием формирования личности ребенка является усвоение им моральных знаний в процессе анализа и оценки поступков, отношений и качеств окружающих его людей и самого себя. Знания о самом себе являются важным фактором становления личности.

Самооценка играет важную роль в становлении личности и у детей с нарушением интеллекта. Этой проблемой занимались такие ученые, как Г.М. Дульнев, Ч.Б. Кожалиева, М.И. Кузьмицкая, Ж.И. Намазбаева, И.П. Ушакова и др. [3].

Большинство научных исследований по формированию самооценки при нарушении интеллектуального развития ребенка посвящено детскому возрасту, потому что особое значение в современных условиях отводится роли и месту личностного, эмоционального развития, самосознания и самопонимания, сознательной регуляции поведения ребенка с нарушением интеллекта в социуме и его подготовке к реальной жизни.

Гораздо меньше понимания уделяется изучению становления самооценки у подростков с нарушением интеллекта.

С возрастом самооценка становится более адекватной, что говорит о развитии личности школьников. В результате коррекционного обучения у них проявляется умение правильно оценивать и себя, и результаты своей деятельности.

Ж.И. Намазбаева утверждает, что межличностные отношения в коллективе и самооценка в большой мере определяются успехами в учебной деятельности школьников. Хорошо успевающие ученики с адекватной или несколько заниженной самооценкой своих возможностей и успехов, как правило, занимают благоприятное место в коллективе. Умственно отсталые школьники со слабой успеваемостью, переоценивающие свои возможности, проявляющие завышенную самооценку и неадекватный уровень притязаний в сфере межличностных отношений, чаще всего, занимают неблагоприятное положение в коллективе сверстников [4].

Самооценка не только является регулятором поведения ребенка и его взаимоотношений с окружающей средой, но и представляет важный компонент в формировании самосознания человека. Учащимся старших классов вспомогательной школы присущ более высокий уровень самосознания. Умственно отсталые подростки адекватно оценивают свои успехи в учебной деятельности. С возрастом оценка своих интеллектуальных возможностей становится более реалистичной. По мере взросления и расширения социального опыта у многих умственно отсталых школьников старших классов возрастает осознание собственного дефекта [4].

Подростковый возраст – период интенсивного развития личности. Ученики старших классов уже не дают себе только положительные оценки. Обычно, они отвечают уклончиво, например: «Когда бываю хорошим, когда плохим». Такой ответ школьники обосновывают тем, что по одним учебным предметам они учатся успешно, по другим - результаты значительно ниже: «Пересказываю хорошо, на вопросы отвечаю. Задачи решать трудно». Следовательно,

подростки более адекватно, чем ученики младших классов, оценивают свои успехи в учебе, отмечают реальные трудности, возникающие при усвоении некоторых предметов [2].

Самооценка умственно отсталых учеников старших классов в значительной мере определяется видом выполняемой ими деятельности, учебным предметом и успехами в обучении.

Корректирующее влияние специального обучения и воспитания на развитие таких личностных качеств, как умение оценить себя и результат своей деятельности, прослежено в ряде психологических исследований (И.П. Ушакова, Г.М. Дульнев и др.). Особенно большую роль играет трудовое обучение. Оценочные критерии умственно отсталых школьников изменяются в ходе трудового обучения [4].

Можно заметить, что в старших классах у учеников с недостатками умственного развития отчетливо обнаруживается тенденция к адекватной самооценке. Показательно, что недооценка своих возможностей обычно отмечается у учащихся с лучшей успеваемостью и соответственно с более высоким уровнем интеллекта. Для школьников, успевающих слабо, т.е., с более выраженной умственной отсталостью, характерна переоценка своих возможностей, т.е., завышенная самооценка и высокий уровень притязаний [4].

Ж.И. Кожалиева отмечает, что в самооценке учащихся старших классов появляется новый компонент:

- они оценивают не только свои внутренние (личностные) качества;
- у них появляется оценка качеств внешних (физических).

В их суждениях нередко звучит желание критически оценить свою внешность и внешность других людей [2].

К практическим занятиям подростки относятся с большим вниманием и серьезностью, чем ученики младших классов. Они выслушают инструкцию целиком, после чего некоторые из них говорят: «Не умею так делать». «Не знаю, как нужно делать», т.е., они не переоценивают своих возможностей, напротив, сомневаются в них. Самооценка учащихся становится более реалистичной. Причем, сомнения в своих успехах, обычно, выражают интеллектуально более сохраненные подростки.

В исследовании, проведенном А.В. Захаровой и Т.Ю. Андрущенко, была выявлена взаимосвязь уровней сформированности учебной деятельности с особенностями самооценки школьников. Относительно устойчивая, адекватная и рефлексивная самооценка наблюдалась у детей с высоким уровнем сформированности учебной деятельности. Такие учащиеся обычно использовали в качестве средств самооценки анализ объекта деятельности и способов его преобразования. Низкому уровню сформированности учебной деятельности соответствовала недостаточная рефлексивность самооценки, ее большая категоричность и неадекватность.

По мнению многих авторов, умственно отсталые дети, как младшего, так и старшего школьного возраста, преимущественно, положительно относятся к учению. Вместе с тем, у некоторых учеников младших классов наблюдается индифферентное отношение к учебной деятельности, а у отдельных старшеклассников – отрицательное. Такое отношение к учению в старших классах возникает, чаще всего, из-за отсутствия интереса к учебной деятельности и постоянных неудач [5].

В завершение нашего исследования мы пришли к выводу о том, что, педагогическая оценка в специальной школе для умственно отсталых детей становится фактором их положительного отношения к учению только в том случае, если учащиеся правильно понимают содержание каждой оценки и критериев оценивания.

В процессе коррекционного обучения происходит формирование адекватной самооценки у большинства умственно отсталых учащихся, и ведущая роль в этом принадлежит учителю [3].

Литература:

1. Байбуртянц Е.В. Изучение особенностей самооценки подростков с нарушением поведения / Е.В. Байбуртянц // Коррекционная педагогика. М., 2007. № 3. С. 74.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991.
3. Лубовский В.И. Специальная психология. М., 2003.
4. Рубинштейн С.Л. Психология умственно отсталого школьника : учеб. пособие для студ. пед. институтов. М. : Просвещение, 1986.
5. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.

Literature:

1. Baibourtian E.V. Study of the peculiarities of self-esteem of adolescents with behavioral disorders / E.V. Baibourtian // Correctional pedagogy. M., 2007. № 3. P. 74.
2. Vygotsky L.S. educational psychology. M., 1991.
3. Lubovski V.I. Special psychology. M., 2003.
4. Rubinstein S.L. The Psychology of mentally retarded student t textbook for students of pedagogical institutes. M. : Enlightenment, 1986.
5. Sokolova E.T. Self-consciousness and self-esteem in the case of personality anomalies. M., 1989.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 23.12.2020

Подписано в печать 25.12.2020

Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная

Печать riso.

Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9, литер «Г», помещ. 41/3
Тел. +7(918) 41–50–571

Заказ № 2195/1

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: www.id-yug.com